

ДЕМИС. Демографические исследования.
2022. Том 2. № 3

DEMIS. Demographic research.
2022. Vol. 2. No. 3

Научный рецензируемый журнал
Издается с 2021 г.
Периодичность: 4 раза в год
Журнал открытого доступа
DOI: 10.19181/demis.2022.2.3

Peer-reviewed scientific journal
Founded in 2021
Publication frequency: quarterly
Open access
DOI: 10.19181/demis.2022.2.3

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала серия Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate El No. FS 77-83138 issued on April 26, 2022, by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается

Free access
Authors are not charged for publication

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
www.demis-journal.ru

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
www.demis-journal.ru

ISSN печатной версии: 2782-2303
ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

- Рязанцев Сергей Васильевич**, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Безвербный Вадим Александрович**, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Воробьева Ольга Дмитриевна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Гаврилова Наталья Сергеевна**, кандидат биологических наук, научный сотрудник Центра по проблемам старения, Университет Чикаго, Чикаго, США
- Гейгер Мартин**, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада
- Джалал Мохаммад Аббаси-Шавази**, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран
- До Кармо Роберто Луиз**, доктор наук, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия
- Жуков Василий Иванович**, академик РАН, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт государства и права РАН, Москва, Россия
- Иванова Алла Ефимовна**, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Инглис Кристине Бренда**, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия
- Карачай Айсем Бириз**, доктор наук, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция
- Ким Сейонджин**, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея
- Леденева Виктория Юрьевна**, доктор социологических наук, заведующий отделом, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Мартин Филип**, доктор наук, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США
- Марушиакова-Попова Елена Андреевна**, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фольклора Болгарской академии наук, София, Болгария
- Молодикова Ирина Николаевна**, кандидат географических наук, руководитель проекта по миграции и безопасности на постсоветском пространстве, Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия
- Пизарро Синтия Александра**, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина
- Ростовская Тамара Керимовна**, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Рыбаковский Леонид Леонидович**, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Хорие Норие**, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония
- Шенк Каресс**, доктор наук, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial board

- Sergey V. Ryzantsev**, Editor-in-Chief, RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbny**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Analyst, Academic Research Centers, Centre on Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasily I. Zhukov**, Member of the RAS, Chief Researcher of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economics, Professor, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociology, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Project Lead on Migration and Security in the Post-Soviet Space, Environmental Science and Policy Department, Central European University, Budapest, Hungary
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Leonid L. Rybakovsky**, Doctor of Economics, Professor, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Norio Horie**, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Певная М. В., Багирова А. П., Бахтигареева Э. Н., Чжэнь Вэньюэ</i> НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	8
<i>Рославцева М. В.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ СТРАН ЕАЭС: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	25
<i>Ростовская Т. К., Еламанова А. С.</i> РОССИЙСКАЯ И КАЗАХСТАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	37

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Рязанцев С. В., Гарибова Ф. М.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ КАК ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	49
<i>Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Афзали М.</i> РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ КРОСС- КУЛЬТУРНЫЕ БРАКИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	59
<i>Злотников А. Г.</i> РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ В БЕЛАРУСИ.....	71

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Талалаева Г. В.</i> ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ РИНЦ	89
<i>Попова Н. В., Ванькова М. А., Шорсткая Л. М.</i> ТВОРЧЕСКАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ В АСПЕКТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ОДАРЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	104
<i>Князькова Е. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЫ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ..	116

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

<i>Васильева Е. Н., Данилова Е. О.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	136
<i>Сунгуров А. Ю., Кукарцев С. М., Носков М. Ю.</i> МОЛОДЕЖНЫЕ СОВЕТЫ ПРИ ГЛАВАХ АДМИНИСТРАЦИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	146

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Безвербный В. А.</i> НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ГОРОДА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРА...	158
---	-----

Рязанцев С. В., Вазиров З. К., Медведь В. А., Очирова Г. Н., Рязанцев Н. С.
НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ СОТРУДНИКОВ ИДИ ФНИСЦ РАН ПО ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИИ
В КАВКАЗСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ РОССИИ 165

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Маньшин Р. В., Письменная Е. Е. НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
СЕМИНАР ВО ВЛАДИВОСТОКЕ: «ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ»..... 181

CONTENT

POLITICAL DEMOGRAPHICS

Maria V. Pevnaya, Anna P. Bagirova, Elvina N. Bahtigareeva, Zhen Wenyue.

LEGAL REGULATION OF YOUTH CIVIC PARTICIPATION IN RUSSIA AND EUROPEAN UNION.....8

Maria V. Roslavl'tseva.

SOCIAL MEMORY OF THE YOUTH OF THE EAEU: RESEARCH RESULTS25

Tamarta K. Rostovskaya, Ainur S. Yelamanova.

RUSSIAN AND KAZAKH YOUTH IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY:

SOCIODEMOGRAPHIC ASPECTS 37

DEMOGRAPHICS OF FOREIGN COUNTRIES

Sergey V. Ryazantsev, Farzona M. Garibova.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE FERGHANA VALLEY AS A BORDER REGION

OF CENTRAL ASIA49

Tamarta K. Rostovskaya, Oksana V. Kuchmaeva, Mehdi Afzali.

RUSSIAN-IRANIAN CROSS-CULTURAL MARRIAGES: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS59

Anatoly G. Zlotnikov. REPRODUCTIVE PROCESSES AND REPRODUCTIVE

INSTALLATIONS IN BELARUS 71

SOCIAL DEMOGRAPHICS

Galina V. Talalaeva. DYNAMICS OF REPRESENTATIONS CONCERNING

MECHANISMS OF FORMATION OF SOCIAL IDENTITY OF YOUTH: A REVIEW

OF PUBLICATIONS OF THE RSCI89

Natalia V. Popova, Maria A. Van'kova, Larisa M. Shorstkaya. CREATIVE SELF-REALIZATION

IN THE ASPECT OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF GIFTED YOUTH 104

Ekaterina A. Knyazkova. PROBLEMS OF EMPLOYMENT AND UNEMPLOYMENT

OF RUSSIAN YOUTH 116

DEMOGRAPHIC REGIONAL STUDIES

Ekaterina N. Vasilieva, Elena O. Danilova. IMPLEMENTATION OF MIGRATION ATTITUDES OF

YOUNG PEOPLE OF THE VOLGOGRAD REGION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION 136

Alexandr Yu. Sungurov, Stanislav M. Kukartcev, Mikhail Yu. Noskov. YOUTH COUNCILS OF

THE HEADS OF LOCAL GOVERNMENTS IN LENINGRADSKAYA OBLAST' 146

FIELD STUDIES

Vadim A. Bezverbny. SCIENTIFIC EXPEDITION TO SINGLE-INDUSTRY CITIES OF THE

SVERDLOVSK REGION AND KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA..... 158

Sergey V. Ryazantsev, Zafar K. Vazirov, Viktoriya A. Medved, Galina N. Ochirova, Nikita S. Ryazantsev. SCIENTIFIC EXPEDITION OF THE STAFF OF THE RAS UNITS TO STUDY MIGRATION IN THE CAUCASIAN BORDER REGION OF RUSSIA..... 165

SCIENTIFIC LIFE

Roman V. Manshin, Elena E. Pismennaya. PROBLEMS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF TRE RUSSIAN FAR EAST 181

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Настоящий тематический выпуск журнала «ДЕМИС. Демографические исследования» посвящен исследованию социально-демографических особенностей молодежной когорты населения России и некоторых зарубежных стран в современных условиях. Ключевой демографической проблемой большинства государств мира остается демографическое старение населения и сокращение доли молодежной когорты в структуре населения. Данный демографический процесс влечет за собой серьезные социально-экономические последствия для общества, рынка труда, экономики, социальной сферы. Кроме того, сама молодежь как социально-демографическая группа населения имеет определенные особенности и закономерности развития. Все эти аспекты развития молодежной когорты традиционно обсуждаются на Чтениях памяти В. Т. Лисовского.

Владимир Тимофеевич Лисовский (1929–2002 годы) – выдающийся российский ученый-социолог, доктор философских наук, член-корреспондент Российской академии образования, заслуженный деятель науки РСФСР, внесший огромный вклад в развитие отечественной социологии молодежи.

Данный выпуск журнала приурочен к VI Чтениям памяти В. Т. Лисовского, которые состоятся 16–17 декабря 2022 года в Санкт-Петербурге в Социологическом институте ФНИСЦ РАН и организованы по инициативе ученых Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Тема VI Чтений – «Молодежь и молодежная политика в новых социальных реалиях». В конференции и подготовке статей принимают участие социологи, демографы, психологи, экономисты, социальные работники из России, Беларуси, Таджикистана.

От лица редакционной коллегии благодарим авторов за представленные статьи и выражаем надежду на дальнейшее сотрудничество с редакцией в публикации материалов по социально-демографическим проблемам молодежи и молодежной политике.

С уважением,

Заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН,
почетный работник сферы молодежной политики РФ,
доктор социологических наук, профессор
Ростовская Тамара Керимовна

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.1

EDN: RXPLPB

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Певная М. В.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

E-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru

Багирова А. П.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

Бахтигареева Э. Н.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

E-mail: elvinabakh12@yandex.ru

Чжэнь Вэньюэ

Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, Китайская

Народная Республика

E-mail: wenyuezhen@126.com

Для цитирования: Певная М. В., Багирова А. П., Бахтигареева Э. Н., Чжэнь Вэньюэ. Нормативно-правовой дискурс регулирования гражданского участия молодежи в России и странах Европейского союза // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 8–24. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.1>. EDN: RXPLPB

Аннотация. Молодежь в научном и практическом дискурсе рассматривается как перспективная демографическая группа, которая способна определять экономическое и социальное развитие стран и регионов. Создание среды для конструктивного гражданского участия молодежи, ее вовлеченности в решение общественно значимых вопросов во многих странах мира становится одним из ключевых направлений государственной политики. В данном случае молодежная политика должна быть инструментом формирования сознания и социально приемлемых паттернов поведения молодого поколения, соответствующих заданному государством направлению долгосрочного развития. Цель статьи – выявить национальные акценты в отношении гражданского участия в контексте формирования культуры гражданственности молодого поколения, механизмы достижения целей в этом направлении, существующие в нормативно-правовом дискурсе России и стран Европейского союза. Мы основывались на институциональном подходе к оцен-

ке нормативно-правового регулирования деятельности органов власти РФ и правительств стран ЕС в отношении гражданского участия молодежи, применяли правовой анализ и метод сравнения. Анализ нормативно-правового регулирования проводился по следующим параметрам: характеристика нормативно-правовых актов, краткое описание их структуры и содержания; определение гражданского участия и его форм; выделение содержательных направлений и целей; определение субъектности. В качестве источников информации выступали нормативные и правовые акты ЕС и РФ, концептуально определяющие суть молодежной политики, а также неофициальная правовая информация.

В исследовании выявлено, что в нормативном дискурсе ЕС четко определено место культуре гражданственности, обоснована и поддержана конкретными решениями необходимость расширения и повышения качественных характеристик гражданского участия молодых европейцев. В нормативном поле регулирования молодежной политики РФ четко не определено место и значение гражданского участия молодежи. При приоритетности социальных видов молодежного участия не концептуализируется, а соответственно не поддерживается на практике субъектность молодежи как гражданского участие в принятии управленческих и политических решений. Активизация гражданского участия молодежи сегодня не входит в число государственных приоритетов молодежной политики, более важными в нормативно-правовом дискурсе такой политики предстают проблемы профессионального самоопределения, сохранения здоровья, общественной безопасности и укрепления института семьи.

Ключевые слова: молодежь, гражданское участие, гражданское участие молодежи, молодежная политика, нормативно-правовой дискурс.

Введение

Молодежь повсеместно рассматривается как перспективная демографическая группа, которая способна детерминировать экономические и социальные изменения. Создание среды для конструктивного гражданского участия молодежи, ее вовлеченности в решение общественно значимых вопросов – одно из ключевых направлений политики любого прогрессивного государства. В этом случае именно молодежная политика должна быть инструментом формирования сознания и социально приемлемых паттернов поведения молодого поколения, соответствующих заданному государством направлению развития в его долгосрочной перспективе.

Вовлечение молодежи в социально-политическую повестку общественного взаимодействия способствует формированию гражданского самосознания у молодых людей. Данный процесс в РФ нормативно обеспечивается, поддерживаясь тремя элементами управления молодежной политикой, а именно: нормативно-правовым регулированием, инфраструктурой и кадровым обеспечением сферы молодежной политики [1]. Практически во всех странах он базируется на концептуальных документах, определяющих ключевые направления, которые высвечивают общий курс молодежной политики, а также ожидаемые и планируемые социальные эффекты в отношении становления и развития гражданской культуры молодых жителей разных государств.

В настоящей статье сделана попытка ответить на следующий исследовательский вопрос: какие национальные акценты в отношении гражданского участия в контексте формирования культуры гражданственности молодого поколения, а также механизмы достижения определенных целей в этом направлении закладываются нормативно в современной России и странах Европейского союза?

Актуальность и практическая значимость изучения и анализа нормативно-правового регулирования гражданского участия молодежи в России и странах ЕС обусловлена необходимостью критической оценки государственной политики нашей страны в отношении гражданского участия и привлечения разных групп российской молодежи к решению актуальных социальных, политических и культурных вопросов, связанных с перспективами развития государства. Увеличение доли гражданского участия населения, в том числе и молодежи, в решении городских, социаль-

ных, культурных проблем соответствует национальным целям и стратегии развития Российской Федерации на период до 2024 года¹.

Вместе с тем Россия и страны ЕС существенно отличаются друг от друга по индексу развития и активности гражданского общества. В международном проекте CIVICUS Россия относится к группе стран с ограниченными возможностями гражданского общества, а соответственно и гражданского участия. В то время как в странах Европейского союза, даже в его восточной части, ситуация выглядит значительно лучше, а условия для гражданского участия – шире и вариативнее (рис. 1²).

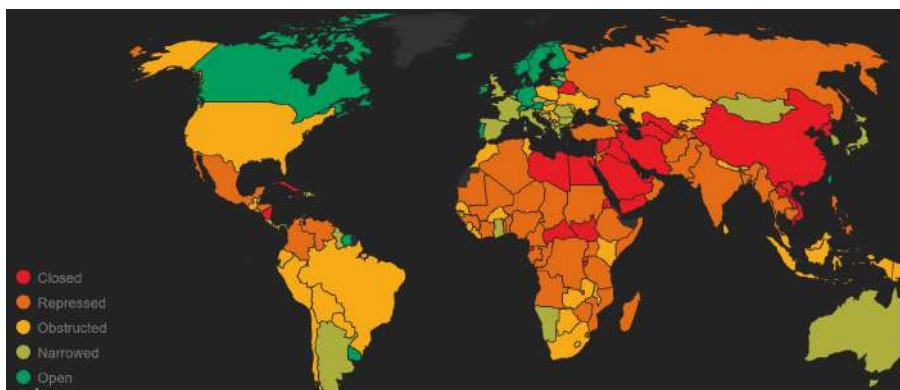

Рис. 1. Индекс развития гражданского общества в 196 странах
Fig. 1. Rating of civic space at the national and regional level in 196 countries

Таким образом, цель исследования – выявить национальные акценты в отношении гражданского участия в контексте формирования культуры гражданственности молодого поколения, механизмы достижения целей в этом направлении, существующие в нормативно-правовом дискурсе России и стран Европейского союза.

Новизна научного исследования заключается в сравнительном анализе нормативно-правовой базы по регулированию гражданского участия молодежи в странах с разными условиями для активизации гражданского общества на примере РФ и общеевропейского пространства.

Обзор научной литературы. Теоретико-методологические основы гражданского участия представлены в работах А. А. Бухнер [2], И. И. Никовской, И. А. Скалабан [3], В. В. Петухова [4] и др. Вопросы правового регулирования участия молодежи в общественной жизни рассматривались в ряде работ, например, В. В. Манухина [5]. Анализ антикризисного потенциала молодежной политики в России и европейских странах в эпоху глобальных рисков был реализован Центром молодежных исследований НИУ «ВШЭ»³. Российские социологи анализировали роль гражданского участия мо-

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) // Консультант Плюс. Справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 10.03.2022).

² Рейтинг гражданского пространства на национальном и региональном уровнях в 196 странах и территориях // State of society report CIVICUS. URL: <https://www.civicus.org/index.php/state-of-civil-society-report-2020> (дата обращения: 10.03.2022).

³ Антикризисный материал молодежных политик в России и Европе в эпоху глобальных рисков // Центр молодежных исследований НИУ ВШЭ. URL: <https://spb.hse.ru/mirror/pubs/share/450924001.pdf> (дата обращения: 10.03.2022).

лодежи в контексте развития некоммерческого сектора [6], трансформации местного самоуправления [7]. Европейские исследования проблемного поля молодежной политики заложены в основу решений Совета Европы и Европейской комиссии, определяя особенности молодежной политики ЕС в ее фокусировании на культуре гражданственности, расширении гражданского участия молодежи⁴, необходимости и системности образовательной составляющей политики в сфере гражданского участия молодых европейцев⁵. Регулярной является практика подготовки аналитических отчетов в ЕС по проблемам европейской молодежи, где представляются исследовательские данные по оценке гражданского и социального участия молодого поколения, обозначаются соответствующие этим показателям приоритеты развития стран ЕС, задаваемые в реализации молодежной политики во всех государствах союза⁶.

На наш взгляд, при описании и сравнении нормативно-правового регулирования каких-либо социальных процессов в пространственно-территориальных и политических границах с разным уровнем развития гражданского общества, культурными различиями важно учесть и обозначить особенности восприятия ряда сопряженных с тематикой критической оценки социальных процессов в соответствующих государствах или наднациональных образованиях.

Процесс регулирования гражданского участия молодежи включает два ключевых понятия – «гражданское участие» и «молодежь». На сегодняшний день возрастные границы молодежной группы подвижны. В разных странах значение имеют не только формально определенные рамки данной возрастной общности, но и специфический набор индивидуальных или групповых характеристик. В РФ законодательно закреплено, что молодежь – это социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации⁷. В 2020 году по результатам Всероссийской переписи населения численность молодежи в этих возрастных границах составляла 39,1 млн человек. В странах Европейского союза возрастные границы молодежи вариативны, но для оценки поколения чаще выбирается возрастной диапазон в интервале от 15 до 29 лет. По данным одного из последних молодежных отчетов, в 2019 году такая возрастная группа насчитывала 86 млн человек⁸.

Феномен участия вне зависимости от его вида в исследованиях российских ученых (например, [8; 9]) чаще сопряжен со взаимодействием отдельных граждан, их объединений или представителей с государством. Эта особенность характеризует его как способ коммуникации индивида с субъектами, наделенными властными

⁴ Adina M. Ş., Terry B. Insights into youth policy governance. Council of Europe and European Commission. URL: <https://clck.ru/ehaxR> (accessed on 15.03.2022).

⁵ Bourn D. Global citizenship & youth participation in Europe. Global Citizenship and Youth Participation. Race Equality Teaching. 2016.

⁶ European Youth Report. Flash Eurobarometer 455. 2017. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-mail%3A%2F%2F178736610211277486%2F1.3&name=fl_455_en.pdf&uid=433107680 (accessed on 17.03.2022).

⁷ Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ. Доступ из информационно-правового портала «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 06.03.2022).

⁸ Report from the commission to the European parliament, the Council, the European economic and social committee and the committee of the regions on the implementation of the EU Youth Strategy (2019–2021). URL: [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=COM\(2021\)636&lang=en](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=COM(2021)636&lang=en) (accessed on 06.03.2022).

отношениями, в целях оказания влияния на принятие управленческих решений, которые напрямую затрагивают общественные интересы. Западные исследователи рассматривают феномен участия шире – как способ взаимодействия не только с государством, но и с различными негосударственными организациями, объединениями, ассоциациями как институтами гражданского общества [10].

Российские исследователи трактуют гражданское участие во многом как инструмент или механизм вовлечения граждан в решение социально-политических проблем. В данном случае оно обозначается как то, что способствует реализации демократических процедур, или тот общественный ресурс, который можно задействовать в какой-либо период времени при определенных обстоятельствах. Иными словами, гражданское участие – активность граждан или горожан в различных легитимных формах участия для решения общественно значимых вопросов. Как правило, оно реализуется по инициативе самих граждан (горожан). Зарубежными исследователями такая категория рассматривается шире: с точки зрения деятельностного подхода, как инициативная форма реализации своих интересов и прав для решения социально значимых проблем. Гражданское участие в данном случае выступает в качестве неотъемлемой части повседневной жизни, в том числе в политической сфере. Инициаторами гражданского участия выступают как сами граждане, так и субъекты власти, создающие условия для реализации гражданских прав на самоорганизацию и объединения, действия, участие в принятии управленческих решений и т. д.

Методология и методы исследования, источники информации

В основе реализованного исследования заложен институциональный подход к оценке нормативно-правового регулирования деятельности органов власти РФ и правительств стран ЕС в отношении гражданского участия молодежи. Для выявления норм, целеполагания, направлений и механизмов их реализации применяется правовой анализ и метод сравнения. Анализ нормативно-правового регулирования гражданского участия молодежи проводился по следующим параметрам: характеристика нормативно-правовых актов, краткое описание их структуры и содержания; определение гражданского участия и его форм; выделение содержательных направлений и целей; определение субъектности. В качестве источников информации выступали нормативные и правовые акты ЕС и РФ, концептуально определяющие суть молодежной политики в общесоюзных и национальных границах.

В рамках исследования были проанализированы следующие информационные источники (табл. 1).

Таблица 1.

Источники информации

Table 1.

Sources of information

Официальная правовая информация	
Россия	Европейский союз
Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ	Белая книга молодежи «White Paper on Youth» 2001 года
Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ	Европейский молодежный пакт 2005 года

Официальная правовая информация	
Россия	Европейский союз
Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций» от 05.04.2010 № 40-ФЗ	Молодежная стратегия Европейского союза на 2019–2027 годы
Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ	
Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года	
Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года	
Паспорта национальных проектов «Демография», «Образование», «Жилье и городская среда», «Культура» и «Экология»	
Неофициальная правовая информация	
Направление федерального агентства Росмолодежь «Вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность»	«Идеи управления молодежной политикой» (Insights into youth policy governance) «Глобальное гражданство и участие молодежи в Европе» (Global Citizenship & Youth Participation In Europe)

Результаты и обсуждение

Проанализируем акты Европейского союза, регулирующие гражданское участие молодежи.

*Белая книга молодежи (White Paper on Youth, 2001)*⁹. Документ принят Европейской комиссией – высшим исполнительным органом ЕС. Рядом исследователей именно он рассматривается как отправная точка в реализации единых подходов к осуществлению молодежной политики в странах всего союза. «Белая книга» предлагает новые рамки для европейского сотрудничества: применение открытого метода координации в конкретной сфере молодежи и лучший учет «молодежного» измерения в других политических инициативах. Субъектом управления активизацией гражданского участия молодежи, согласно этой директиве, которая носит рекомендательный характер, выступают высшие органы власти государств-членов ЕС. Отметим, что в данном документе нет четко сформулированного определения понятия «гражданское участие». Однако анализ положений акта показал, что гражданское участие – это обеспечение того, что с молодыми людьми консультируются и больше вовлекают их в решения, касающиеся молодежи, в целом, жизни их сообществ; вовлечение молодых людей в процесс принятия решений.

Среди возможных форм гражданского участия молодежи, обозначенных в рассматриваемом документе, можно выделить: представительство молодежи в комитетах ЕС; участие в управлении местными сообществами, включая школы; прямой диалог с молодежью в форме регулярных встреч. Таким образом, главная цель «Белой книги» – задать в ЕС новые рамки для сотрудничества, одновременно масштабные, удовлетворяющие устремлениям молодежи, и реалистичные, задающие приоритеты среди множества других проблем. Молодежная политика в сфере активизации гражданского участия, согласно смысловым акцентам данного основополагающего

⁹ European Commission. White Paper. A New Impetus for European Youth. Brussels (2001). 681 p. URL: http://www.pdps.lv/_private/projekt_uch/text/pro53.htm#_ftn26 (accessed on 15.03.2022).

документа, призвана развивать по различным направлениям у молодых европейцев чувство ответственности за свое образование, здоровье, интеграцию в профессиональную жизнь, взрослую жизнь и вовлечение в жизнь общества. Немаловажным является вовлечение молодежных организаций, в частности местных и национальных молодежных советов, также, как и молодых людей с ограниченными возможностями здоровья, в диалог с теми, кто принимает политические и управленческие решения. Участие должно развиваться в первую очередь в местных сообществах. Образовательные учреждения дают идеальную возможность для расширения гражданского участия.

*Европейский молодежный пакт*¹⁰. Документ принят высшим исполнительным органом ЕС в 2005 году и является постоянно действующим. Акт состоит из семи разделов. Субъектом управления активизацией гражданского участия молодежи выступают высшие органы власти государств-членов Европейского союза. В данном акте гражданское участие молодежи понимается как участие молодых людей в решении вопросов на местном уровне в рамках представительной демократии и как предоставление большей поддержки для организации на системной основе обучения участию молодежи.

В самом начале акта обозначены негативные тенденции демографической ситуации в ЕС, заявлено о высоком уровне безработицы среди молодежи, о рисках бедности молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет. Государства ЕС признали ценность молодежи для устойчивого развития экономики и рынка труда, и поэтому единогласно приняли этот документ к исполнению. В нем содержатся три направления развития молодежной политики, и по каждому из них прописаны конкретные меры: занятость, интеграция и социальное развитие (увеличение числа выпускников технических направлений, повышение результативности учебного процесса); образование, обучение и мобильность (повышение доступности программ, в том числе по международному обмену); гармонизация сфер семейной и трудовой жизни (доступность услуг по уходу за детьми, гибкий график работы и т. д.)¹¹.

При анализе системы правового регулирования важно отметить, что вышеуказанные направления развития молодежной политики были учтены при разработке иных нормативно-правовых документов – Европейской стратегии занятости, Стратегии социальной интеграции, Рабочей программы образования и профессиональной подготовки. Что касается непосредственно активизации гражданского участия молодежи, то в разделе «Активная гражданская позиция» заявлены следующие цели: расширение гражданского участия молодежи на местном уровне; важность обучения участию; улучшение доступа к информации, предоставление более качественной информации и расширение участия молодежи в подготовке и распространении информации.

¹⁰ European Commission. Addressing the concerns of young people in Europe – implementing the European Youth Pact and promoting active citizenship. Commission to the Council. 2005. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/GA/TXT/?uri=CELEX:52005AR0253> (accessed on 15.03.2022).

¹¹ Несмотря на то, что данный аспект не является целью нашего исследования, все же отметим, что появление семейно-демографической проблематики в документах, регламентирующих молодежную политику, неслучайно. Молодежь является стратегическим демографическим ресурсом любой страны, и это учитывается при построении молодежной политики. Включение в молодежную политику разделов, посвященных активизации демографического (репродуктивного, родительского) потенциала молодежи, развитию ориентаций на семейно-детный образ жизни, позволяет учесть приоритеты социально-экономического развития многих стран мира, заключающиеся в обеспечении необходимого объема и качества будущего человеческого капитала.

*Молодежная стратегия Европейского союза на 2019–2027 годы*¹². Правовые основания для выдвигания инициативы о создании молодежной стратегии изложены в статье 5 Договора о ЕС, согласно которой «ЕС может предпринимать инициативы с целью обеспечить координацию социальной политики государств-членов»¹³. Данный акт состоит из четырех разделов, наиболее содержательным из которых является первый. В нем представлен текст резолюции о признании государствами-членами Европейского союза роли молодежи в обществе и развитии Европы. В документе декларируется необходимость создания молодежной стратегии, обозначены основные инструменты ее реализации, перечислены 11 целей, намечен план работ по активизации гражданского участия молодежи на ближайшие 2 года.

Гражданское участие определяется как деятельность молодых людей и молодежных организаций по разработке и принятию решений в области политики, затрагивающих молодое поколение европейцев. В качестве форм гражданского участия стратегия конкретизирует молодежные представительства и участие в деятельности молодежных организаций на местном, региональном и национальном уровнях, в том числе с активным использованием инструментов цифровой демократии.

Далее рассмотрим основные неофициальные правовые документы – исследовательские отчеты, затрагивающие вопросы гражданского участия молодежи, реализованные при поддержке ЕС.

*«Идеи управления молодежной политикой» («Insights into youth policy governance»)*¹⁴. В работе специалистов из Совета Европы и Европейской комиссии А. М. Сербан (A. M. Şerban) и Т. Барбер (T. Barber) выделены особенности молодежной политики в целях активизации гражданского участия молодых европейцев («Youth policies with, by and for young people»). Исследователи четко идентифицируют, что целью молодежной политики Европейского союза является создание условий для обучения, расширения возможностей и наработки молодыми людьми и девушками опыта, которые позволяют им развивать знания, навыки и компетенции во всех сферах жизни. Степень вовлеченности молодежи в социально-политические процессы варьируется от участия в собраниях до сотрудничества с органами государственной власти и полного вовлечения в процессы принятия решений. Также в работе представлены механизмы участия в разработке молодежной политики общеевропейского уровня: формально организованный диалог в рамках реализации Молодежной стратегии ЕС и система соуправления Совета Европы в реализации и координации молодежной политики.

*«Глобальное гражданство и участие молодежи в Европе» (Global citizenship and youth participation in Europe)*¹⁵. Исследовательский проект Д. Борна (D. Bourn) высвечивает запрос и необходимость образовательной компоненты в реализации молодежной политики, необходимость формирования гражданской компетентности у молодого поколения как неотъемлемой составляющей общеевропейской культуры гражданственности. Исследователь не только разработал концептуальную рамку образова-

¹² Resolution of the Council of the European Union and the Representatives of the Governments of the Member States meeting within the Council on a framework for European cooperation in the youth field: The European Union Youth Strategy 2019–2027. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=OJ:C:2018:456:FULL> (accessed on 22.03.2022).

¹³ Договор о функционировании ЕС (Рим, 25 марта 1957 года) // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71715364/> (дата обращения: 25.03.2022).

¹⁴ Adina M. Ş., Terry B. Insights into youth policy governance. Council of Europe and European Commission. URL: <https://clck.ru/ehaxR> (accessed on 15.03.2022).

¹⁵ Bourn D. Op. cit.

тельной модели для ЕС в целом, но и предложил практики и конкретные подходы, которые могли бы обеспечить более эффективное и более активное гражданское участие молодежи в политических и социальных процессах.

Ниже охарактеризуем нормативное и правовое регулирование гражданского участия молодежи в РФ. Дадим оценку нормативным и правовым актам, регулирующим в стране гражданское участие населения в целом для того, чтобы обозначить национальную специфику определения курса государственного содействия вовлечению граждан в общественно-политическую жизнь страны. Молодое поколение особенно включается в этот процесс через активизацию некоммерческого сектора и расширение спектра функционирования общественных организаций, ассоциаций и объединений.

На сегодняшний день в России фиксируются новые тренды в институционализации государственной молодежной политики, активное расширение практик вовлечения молодых людей в общественно-политическую и культурную жизнь общества. В 2020 году впервые был принят Закон о государственной молодежной политике, а в 2022 году Государственная Дума Федерального Собрания РФ в третьем чтении одобрила законопроект о создании российского движения детей и молодежи «Большая перемена». Целью движения станет подготовка детей и молодежи к жизни в обществе в рамках целей и задач государственной молодежной политики. В 2021 году в России стартовал проект «Пушкинская карта», направленный на повышение культурного уровня молодых людей в возрасте от 14 до 22 лет.

Гражданское участие молодежи в России рассматривается преимущественно с точки зрения участия в организованных формах активности. Например, в деятельности молодежных общественных объединений, социально некоммерческих организаций, студенческих профсоюзов, молодежных правительств различного уровня, федеральных молодежных проектах и конкурсах и т. д.

В качестве направлений деятельности детско-юношеских и молодежных объединений можно выделить такие, как: патриотическое (летние оборонно-спортивные лагеря, патриотические слеты и игры, например, «Зарница»), поисковые экспедиции и т. д.; трудовое (педагогические и строительные отряды на базе колледжей и университетов, экологические акции и субботники и т. п.); лидерское (участие молодежи в конференциях и образовательных форумах и т. д.); спортивное (участие молодежи в туристических слетах в рамках туристических клубов, участие в организации спортивных мероприятий и пр.); профилактическое (привлечение молодежи к организации социальной помощи своим сверстникам, находящимся в трудной жизненной ситуации); социальное (оказание помощи бытового характера, организация благотворительных мероприятий и др.); социально-правовое (участие молодежи в организации выборов, проведение деловых игр, юридическая поддержка граждан т. д.).

В нашей стране деятельность институтов гражданского участия регулируется основными федеральными законами: «Об общественных объединениях» (от 19.05.1995 № 82-ФЗ)¹⁶, «О некоммерческих организациях» (от 12.01.1996 № 7-ФЗ)¹⁷, «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу под-

¹⁶ Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. N 82-ФЗ (с изменениями и дополнениями) Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/10164186/chapter/7a69fb6632f5876efd3160114758a106/> (дата обращения: 25.03.2022).

¹⁷ Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10105879/> (дата обращения: 25.03.2022).

держки социально ориентированных некоммерческих организаций» (от 05.04.2010 № 40-ФЗ)¹⁸. В рамках данных нормативных правовых актов молодежь может участвовать в выработке решений органов публичной власти, представлять и защищать свои права, выступать с инициативами по вопросам, имеющим отношение к реализации уставных целей организации, вносить предложения в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Государство, в свою очередь, оказывает финансовую, имущественную, информационную и иную поддержку гражданам и организациям, участвующим в социальной поддержке граждан, оказывающим помощь пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических и иных катастроф, осуществляющих охрану окружающей среды и защиту животных, занимающихся благотворительностью, профилактикой социально опасных форм поведения, а также деятельностью в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта.

Как мы отметили ранее, до 2020 года Конституция РФ не содержала положений о молодежной политике. Согласно поправкам к Конституции от 4 июля 2020 года, вопросы молодежной политики в стране были закреплены в перечне предметов совместного ведения РФ и ее субъектов¹⁹. Федеральный закон о молодежной политике РФ был принят только 30 декабря 2020 года. До этого решения цели, принципы, направления, формы реализации молодежной политики и особенности взаимодействия ее субъектов были определены на федеральном уровне только в Стратегии молодежной политики России до 2016 года, принятой в 2006 году. Ориентиры и цели государственной молодежной политики в современной России были определены распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года».

*Федеральный закон о молодежной политике от 30.12.2020 № 489*²⁰. Данный закон определяет цели, принципы, основные направления и формы реализации государственной молодежной политики в нашей стране. В документе зафиксированы 6 целей молодежной политики, однако не содержится дальнейших разъяснений по задачам, обеспечивающим их достижение. Одна из целей молодежной политики, сформулированная очень широко и не совсем конкретно – создание условий для участия молодежи в политической, социально-экономической, научной, спортивной и культурной жизни общества. В части идентификации молодежного гражданского участия можно отметить «Принципы молодежной политики», в одном из которых обозначена обязательность участия молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений в формировании и реализации молодежной политики.

¹⁸ Федеральный закон от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12174777/> (дата обращения: 25.03.2022).

¹⁹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ). Ст. 72 // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.

²⁰ Федеральный закон «О молодежной политике в РФ» от 30.12.2020 № 489-ФЗ. Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 25.03.2022).

В документе представлено 21 направление молодежной политики, но при этом не показана связь между направлениями и их сопряженность с 6 заявленными целями национальной молодежной политики. Среди направлений активизации гражданского участия, отраженных в настоящем Федеральном законе, можно выделить только три: содействие общественной деятельности, направленной на поддержку самой молодежи; содействие участию молодежи в добровольческой (волонтерской) деятельности; поддержку деятельности молодежных общественных объединений.

Согласно норме Федерального закона, гражданское участие молодежи в реализации молодежной политики допускается в следующих формах: участие в деятельности консультативных, совещательных и иных органов, созданных при органах государственной власти и местного самоуправления, а также при международных организациях; организация, проведение и участие в форумной кампании; проведение научно-аналитических исследований по молодежной проблематике; подготовка и реализация молодежных инициатив, создание молодежных общественных объединений, формирование органов молодежного самоуправления при органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях.

*Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года*²¹. В документе – три основных раздела: принципы реализации государственной молодежной политики, ее цели и приоритетные задачи, механизмы реализации.

В части гражданского участия молодежи в документе закреплен принцип признания молодежи в качестве равноправного партнера в реализации государственной молодежной политики, а также принцип поддержки молодежных организаций и объединений. Цель государственной молодежной политики определяется как совершенствование условий для успешной самореализации молодежи.

Приоритетными задачами по активизации гражданского участия названы разработка и внедрение просветительских программ гражданско-патриотической направленности; вовлечение молодежи в реализацию программ по сохранению культуры, поддержка участия в экологических проектах; поддержка проектов по формированию активной гражданской позиции молодежи; развитие молодежного самоуправления в образовательных организациях; поддержка участия российской молодежи в международных мероприятиях.

*Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года*²². В данном документе обозначена следующая цель государственной молодежной политики на средне- и долгосрочную перспективу – формирование конкурентоспособного молодого поколения россиян, достижение экономической, социальной и культурной конкурентоспособности российской молодежи. Такая цель молодежной политики, как и целеориентиры предыдущих документов, не формирует субъектность самой молодежи.

Цель Стратегии демонстрирует приоритетность развития страны перед интересами и возможностями самой молодежи. Она обозначена как создание возможностей для роста и наращивания человеческого капитала молодежи, компенсирующе-

²¹ Основы государственной молодежной политики до 2025 года. Консультант Плюс. Справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ec9f3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/ (дата обращения: 25.03.2022).

²² Стратегия развития молодежи РФ на период до 2025 года // Документы Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь). URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/98/ae/98aeadb5-7771-4e5b-a8ee-6e732c5d5e84.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).

го сокращение численности молодых граждан и обеспечивающего экономический рост и повышение конкурентоспособности РФ в глобальном мире.

В Стратегии анализируется современное состояние и проблемы молодежной политики. Прогнозируются негативные демографические тенденции, акцентируется внимание на месте страны в международных рейтингах по различным показателям социально-экономического развития. В Стратегии обозначены проблемные вызовы для молодежи: снижение человеческого капитала по качественным и количественным характеристикам; снижение общего уровня здоровья молодежи; рост националистических настроений, криминализация и маргинализация. Ни в описании проблемного поля, ни в направлениях приоритетного развития молодежной политики практически не прослеживается необходимость формирования гражданской активности в молодежной среде. Формулировка одного из направлений ограничивается формированием духовно-нравственных ценностей и гражданской культуры.

В нормативном поле остается размытым понимание того, по каким направлениям и в рамках каких конкретных механизмов предполагается формирование гражданской субъектности молодежи и развитие гражданской культуры в молодежной среде. Активизация гражданского участия молодежи не входит в число государственных приоритетов молодежной политики, не выдерживая конкуренции с проблематизацией профессионального самоопределения, сохранения здоровья, общественной безопасности и укреплением института семьи²³.

В рамках анализа правового регулирования гражданского участия дадим оценку включения форм и направлений активизации гражданского участия в повестку федеральных национальных проектов²⁴. Возможности гражданского участия разных

²³ Несмотря на то, что демографический аспект молодежной политики не является задачей нашего исследования, все же отметим, что в Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года ему уделено особое внимание. Документом предусматривается целый комплекс мер экономического, организационного, информационного характера, направленного на создание условий для повышения рождаемости.

В качестве основных мер экономического характера отмечены создание условий для стимулирования рождения второго и последующих детей; развитие разнообразных практик поддержки молодежи в решении жилищных проблем, которые бы предусматривали возможность изменения размеров занимаемого жилья при рождении детей.

Для смягчения в будущем демографических проблем Стратегия предусматривает целый комплекс мер организационного характера – создание для молодежи условий, потенциально способствующих формированию и усилению репродуктивных намерений. К таким мерам отнесены: развитие взаимодействия государства и организаций разных форм собственности, направленных на формирование социальной инфраструктуры для детей младшего возраста, обеспечение альтернатив в формах присмотра и ухода за детьми, учитывающие различные потребности молодых семей; развитие системы психологической, медицинской, образовательной и юридической помощи молодым семьям.

Особое внимание в Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года уделено мерам информационного характера. Предусмотрена разработка механизмов, направленных на воспитание в молодежной среде позитивного отношения к семье и браку; формирование образа благополучной молодой семьи (критериями благополучия при этом выступают зарегистрированный брак, наличие ориентаций на рождение и воспитание нескольких детей, родительское воспитание и развитие, принципы которого выстраиваются на основе традиционной для России системы ценностей); развитие системы информирования молодежи о государственных и иных программах поддержки молодых семей.

²⁴ Национальные проекты РФ. URL: <https://xn--80aapampemchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/> (дата обращения: 25.03.2022).

возрастных групп, в том числе молодежи, отраженные в каждом из национальных проектов, представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Возможности гражданского участия в национальных проектах России

Table 2.

Opportunities for civic participation in Russia's national projects

Национальный проект	Федеральный проект	Возможности активного участия граждан в проекте
«Демография»	«Старшее поколение»	Создаются так называемые «Серебряные университеты» – литературные клубы, музыкальные и спортивные секции, помогающие сохранять активность у граждан зрелого возраста
«Образование»	«Социальная активность»	Вовлечение граждан в волонтерскую деятельность через центры добровольчества, создаваемые на базе образовательных организаций, НКО, государственных и муниципальных учреждений
«Культура»	«Творческие люди»	Создано добровольческое движение «Волонтеры культуры». Поддержку получают 600 творческих проектов НКО
«Жилье и городская среда»	«Формирование комфортной городской среды»	С 2018 года проводится Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды. В нем участвуют жители малых городов с численностью до 100 тыс. человек и исторические поселения
«Экология»	«Сохранение уникальных водных объектов»	С участием населения реализуются экологические проекты по очистке берегов водных объектов, по охране, защите и воспроизводству лесов

Источник: составлено авторами

Таким образом, можно констатировать, что в федеральных национальных проектах возможности и механизмы активизации гражданского участия как формы вовлеченности в принятие управленческих решений ограничены. В дискурсе публичной политики современной России акценты и приоритеты, в том числе и в отношении гражданского участия молодежи, отдаются социальным видам гражданского участия, развитию и поддержанию навыков добровольчества как гражданской активности, популяризации взаимопомощи, формированию экологической культуры населения и расширению творческой активности. Только в одном национальном проекте по формированию комфортной городской среды закладываются возможности гражданского участия горожан в выборе проектов благоустройства общественных зон и городских территорий.

Заключение

Анализ нормативно-правового регулирования гражданского участия молодежи в Российской Федерации и Европейском союзе позволяет сделать ряд выводов.

В поле нормативного регулирования молодежной политики ЕС необходимость расширения и повышения качественных характеристик гражданского участия молодых европейцев за счет вовлечения в решение общественно значимых проблем разных социально-демографических групп молодежи вписана в общеевропейский контекст. Гражданское участие молодежи как неотъемлемый компонент молодежной политики закреплено формально и входит в число приоритетных видов молодежной активности ЕС. Институционально концепция интеграции гражданского участия молодежи в общеевропейскую молодежную политику эволюционировала,

что нашло свое отражение в принимаемых нормативных и правовых актах и документах Европейского союза, имеющих стратегическое значение.

Решению широкого спектра демографических, образовательных и экономических проблем молодежи уделяется серьезное внимание как в РФ, так и в ЕС. Концептуально отражено внимание к ним в нормативных документах как России, так и Европейского Союза. Если определенные решения в области обеспечения базовых вопросов жизнедеятельности молодых граждан, трудоустройства, образования, экономической устойчивости обозначены в документах и ЕС, и России, то важность привлечения самой молодежи к процессу принятия управленческих и разработке политических решений в большей мере акцентирована в европейском правовом дискурсе.

В разработке и коррекции правового регулирования молодежной политики в целом и гражданского участия молодежи ЕС в частности опора на научно-аналитические данные более выражена, чем в российской практике нормативного и правового регулирования молодежной политики.

Четкое определение важности молодежного участия в политических и управленческих процессах разных уровней, закрепление места гражданского участия молодого поколения в концептуальных документах, наряду с детализацией и конкретизацией подходов к активизации гражданского участия молодежи, отличает молодежную политику Европейского союза. В молодежной политике Российской Федерации не прослеживается четкой идентификации гражданской субъектности молодежи, подходов и методов активизации участия молодых россиян в формировании не только социальной, но и политической и управленческой повестки развития. Это позволяет сделать вывод о том, что активизация гражданского участия молодежи сегодня не входит в число государственных приоритетов молодежной политики, более важными в нормативно-правовом дискурсе такой политики предстают проблемы профессионального самоопределения, сохранения здоровья, общественной безопасности и укрепления института семьи.

Список литературы

1. Ростовская Т. К. Три кита управления государственной молодежной политикой в современной России. – М.: Галлея принт, 2014. – 192 с.
2. Бухнер А. А. Анализ феномена гражданского участия молодежи: теоретический аспект // Вестник Международного института рынка. 2016. № 1. С. 83–88.
3. Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 4–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04.
4. Петухов В. В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250007743-0.
5. Манухин В. В. Правовое регулирование некоторых форм участия молодых граждан в жизни общества: состояние и перспективы совершенствования // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4 (65). С. 168–171.
6. Зайцева И. А. Волонтерство как форма молодежного движения в развитии социально ориентированных некоммерческих организаций // Вестник ЗабГУ. 2019. № 1. С. 54–65.
7. Афанасьева А. А. Участие молодежи в развитии местного самоуправления // Инновационный потенциал молодежи: информационная, социальная и экономическая безопасность: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 4–5 декабря 2017 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 502–507.
8. Гончаров Д. В., Гонтарева И. Б. Введение в политическую науку. – М., 1996. – 227 с.

9. Мерзляков А. А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления (на материалах разработки и реализации градостроительных проектов) : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Мерзляков Андрей Александрович ; ИС РАН. Москва, 2007. 25 с.

10. Kwon K., Shao C., Nah S. Localized social media and civic life: Motivations, trust, and civic participation in local community contexts // Journal of Information Technology and Politics. 2021. No. 18. Pp. 5–68. DOI: 10.1080/19331681.2020.1805086.

Сведения об авторах:

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru; ORCID ID: 0000-0001-5539-5722; РИНЦ Author ID: 594823; Web of Science Researcher ID: E-4080-2014.

Багирова Анна Петровна, доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru; ORCID ID: 0000-0001-5653-4093; РИНЦ Author ID: 511263; Scopus Author ID: 55361822000; Web of Science Researcher ID: M-7440-2013.

Бахтигареева Эльвина Наилевна, магистрант, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: elvinabakh12@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-1210-2771; РИНЦ Author ID: 1085968.

Чжэнь Вэньюэ, ассистент, Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС, Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, Китайская Народная Республика.

Контактная информация: e-mail: wenyuezheng@126.com; ORCID ID: .

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: компаративный анализ потенциала и моделей управления» (№ 20-011-00471).

Статья поступила в редакцию 22.05.2022; принята в печать 02.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

LEGAL REGULATION OF YOUTH CIVIC PARTICIPATION IN RUSSIA AND EUROPEAN UNION

Maria V. Pevnaya

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru

Anna P. Bagirova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

Elvina N. Bahtigareeva

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: elvinabakh12@yandex.ru

Zhen Wenyue

National Institute for SCO International Exchange and Judicial Cooperation, the People's Republic of China (PRC)

E-mail: wenyuezheng@126.com

For citation: Maria V. Pevnaya, Anna P. Bagirova, Elvina N. Bahtigareeva, Zhen Wenyue. Legal regulation of youth civic participation in Russia and European Union. *DEMIS. Demographic research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 8–24. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.1>. EDN: RXPLPB

Abstract. Youth in scientific and practical discourse is considered as a promising demographic group that is able to determine the economic and social development of countries and regions. Creating an environment for constructive civic participation of young people, their involvement in solving socially significant issues in many countries of the world is becoming one of the key directions of state policy. In this case, youth policy should be a tool for the formation of consciousness and socially acceptable patterns of behavior of the younger generation, corresponding to the direction of long-term development set by the state. The purpose of the article is to identify national accents regarding civic participation in the context of the formation of a culture of citizenship of the younger generation, mechanisms for achieving goals in this direction that exist in the regulatory discourse of Russia and the European Union countries. We were based on an institutional approach to assessing the regulatory regulation of the activities of the authorities of the Russian Federation and the governments of the EU countries in relation to the civic participation of young people, applied legal analysis and a comparison method. The analysis of regulatory regulation was carried out according to the following parameters: characteristics of regulatory legal acts, a brief description of their structure and content; definition of civil participation and its forms; identification of substantive directions and goals; definition of subjectivity. The sources of information were regulatory and legal acts of the EU and the Russian Federation, conceptually defining the essence of youth policy, as well as unofficial legal information.

The study revealed that the place of citizenship culture is clearly defined in the EU normative discourse, the need to expand and improve the qualitative characteristics of civic participation of young Europeans is justified and supported by concrete decisions. The place and significance of civic participation of young people is not clearly defined in the normative field of regulation of youth policy of the Russian Federation. With the priority of social types of youth participation, the subjectivity of youth as a civic participation in managerial and political decision-making is not conceptualized and, accordingly, is not supported in practice. The activation of civic participation of young people today is not among the state priorities of youth policy, more important in the normative and legal discourse of this policy are the problems of professional self-determination, preservation of health, public safety and strengthening of the institution of the family.

Keywords: youth, civic participation, civic participation of youth, youth policy, regulatory and legal discourse.

References

1. Rostovskaya T. K. *Tri kita upravleniya gosudarstvennoj molodezhnoj politikoj v sovremennoj Rossii* [Three pillars of state youth policy management in Modern Russia]. Moscow: Galleya print, 2014. 192 p. (In Russ.)
2. Buhner A. A. Analysis of the phenomenon of youth civic participation: theoretical aspect. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka*. 2016. No. 1. Pp. 83–88. (In Russ.)
3. Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. Civic participation: features of discourse and trends of real development. *Polis. Political Studies*. 2017. No. 6. Pp. 43–60. (In Russ.)
4. Petuhov V. V. Civic participation in modern Russia: interaction of political and social practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019. No. 12. Pp. 3–14. (In Russ.)
5. Manuhin V. V. Legal regulation of some forms of participation of young citizens in the life of society: the state and prospects of improvement. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2013. No. 4 (65). Pp. 168–171. (In Russ.)
6. Zaitseva I. A. Volunteering as a form of youth movement in the development of socially oriented non-profit organizations. *Bulletin of ZabSU*. 2019. No. 1. P. 54–65. (In Russ.)
7. Afanas'eva A. A. *Uchastie molodezhi v razvitií mestnogo samoupravleniya* [Youth participation in the development of local self-government]. In: Innovative potential of youth: information, social and economic security: materials of the International Youth Research Conference]. Ekaterinburg: UrFU, 2017. Pp. 502–507. (In Russ.)
8. Goncharov D. V., Goptareva I.B. *Vvedenie v politicheskuyu nauku* [Introduction to Political Science]. Moscow, 1996. 227 p. (In Russ.)
9. Merzlyakov A. A. *Grazhdanskoe social'noe uchastie kak universal'naya tekhnologiya social'nogo upravleniya (na materialah razrabotki i realizacii gradostroitel'nyh projektov)* [Civic social participation as a universal technology of social management (based on the materials of the development and implementation of urban development projects)]: abstract of the dissertation for a candidate degree in social sciences: 22.00.08 / Merzlyakov A. A.; IS FCTAS RAS. Moscow, 2007. 25 p. (In Russ.)
10. Kwon K., Shao C., Nah S. Localized social media and civic life: Motivations, trust, and civic participation in local community contexts. *Journal of Information Technology and Politics*. 2021. No. 18. Pp. 56–68.

Bio note:

Maria V. Pevnaya, Dr. Sci (Sociol.), Head of department, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: ORCID ID: 0000-0001-5539-5722; RSCI Author ID: 594823; Web of Science Researcher ID: E-4080-2014.

Anna P. Bagirova, Dr. Sci (Econ.), professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru; ORCID ID: 0000-0001-5653-4093; RSCI Author ID:511263; Scopus Author ID: 55361822000; Web of Science Researcher ID: M-7440-2013.

Elvina N. Bahtigareeva, Student, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: elvinabakh12@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-1210-2771; ПИИЦ Author ID: 1085968.

Zhen Wenyue, Teaching assistant, Shanghai University of Political Science and Law, National Institute for SCO International Exchange and Judicial Cooperation, the People's Republic of China (PRC).

Contact information: e-mail: wenyuezhen@126.com.

Acknowledgments and funding.

The research was supported by RFBR, project № 20-011-00471.

Received on 22.05.2022; accepted for publication on 02.08.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.2

EDN: UWZORY

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ СТРАН ЕАЭС: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рославцева М. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

Для цитирования: Рославцева М. В. Социальная память молодежи стран ЕАЭС: результаты исследования // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 25-36. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.2>. EDN: UWZORY

Аннотация. В рамках настоящей статьи изучается состояние социальной памяти молодежи на евразийском пространстве с целью поддержания продуктивного социально-экономического сотрудничества стран ЕАЭС в будущем. Гипотеза исследования звучит следующим образом: социальная память молодежи государств – участников ЕАЭС содержит мало сведений об общем прошлом стран этого союза, кроме того, отсутствует положительный образ интеграционного объединения, в связи с чем правительствам стран ЕАЭС необходимо сформировать и реализовать ряд мер по консолидации молодежи своих государств. Для проверки гипотезы был проведен теоретический обзор работ по социальной памяти, а также эмпирическое исследование методом полуструктурированного экспертного интервью. Было проведено 50 экспертных интервью с представителями всех стран – участниц ЕАЭС и стран – кандидатов на вступление в союз. В результате была получена подробная экспертная оценка развития социальной памяти и политики по ее продвижению. Были выделены положительные и негативные тенденции в формировании представлений об общем прошлом и современном состоянии евразийской интеграции среди молодежи ЕАЭС. Также были даны практические рекомендации, реализация которых позволит консолидировать молодежь Евразии и сформировать у нее положительный образ общего прошлого и будущего. Результаты исследования представляют интерес для политического руководства стран ЕАЭС и союза в целом, так как освещают проблематику недостаточной интеграционной политики союза. В будущем важно оценить реализацию на практике предложенных экспертами мер.

Ключевые слова: социальная память, идентичность, ЕАЭС, молодежь, социальная политика, евразийство.

Введение

Изучение социальной памяти имеет особую актуальность по ряду причин. Во-первых, в эпоху глобализации существует общепризнанный риск размывания национальной идентичности, чему может препятствовать актуализации общего прошлого в сознании молодежи. Второй момент, угрожающий социальной памяти, связан с возможностью внешнего влияния на нее путем применения информационных технологий. Формирование социальной памяти актуально именно в молодежной среде, так как в дальнейшем представители именно этой социально-демографической группы будут отвечать за все ключевые процессы внутри и между государствами, исходя из того представления о прошлых событиях, которое будет у них сформировано внешними факторами.

Построение согласованной социальной памяти на постсоветском пространстве может быть реализовано в первую очередь в рамках деятельности тех союзов, которые уже созданы странами на данной территории. Среди них наибольший интерес представляет организация ЕАЭС. Это объединение создано в 2015 году и в рамках него в настоящее время ведется активная работа по экономической и политической интеграции. Для поддержания этой положительной интеграционной тенденции ЕАЭС, согласно нашей гипотезе, необходимо добавить аспект культурной и гуманитарной интеграции в контексте продвижения политики памяти.

Обзор научной литературы

Нами был произведен теоретический обзор трудов по социальной памяти в зарубежной и отечественной социологии, в первую очередь, работа Осадчей Г. И. и Киреева Е. Ю. «Социальная память молодежи государств – участников евразийской интеграции: теоретическая модель социологического анализа» [1]. В результате была сформулирована теоретическая модель настоящего исследования и дано определение социальной памяти молодежи стран ЕАЭС.

Одним из первых, кто в 1925 году занялся изучением природы социальной памяти, был классик французской социологии М. Хальбвакс [2; 3]. Он, утверждал, что социальные группы обладают определенной памятью. Воспоминания образуются в сознании членов группы, исходя из принятых социальных договоренностей. События прошлого, содержащиеся в социальной памяти, распределены неравномерно, так как люди отмечают на временной хронологии памяти выборочные важные эпизоды. Природа социальной памяти содержит в себе не только исторические отметки, но и оценку этих событий. Социальные группы могут в любой момент реконструировать субъективную интерпретацию исторического прошлого, результат которой может искажать былую действительность.

Продолжателем мысли М. Хальбвакса выступил французский историк П. Нора [4]. По его мнению, до нас доходят «архивные формы» памяти, так как живые традиции в современном обществе угасают, практика их воспроизводства все менее распространена. Эти останки былых практик автор призывает искать в особых зонах, давая им определение «места памяти» (*les lieux de mémoire*). Он отмечает также тенденцию «рождения наций», которая подчеркивает разрыв нового национального образования с прошлым, отрицание исторической памяти.

В ходе теоретического обзора нами особо была отмечена работа А. Ассман. В своей работе «Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика» [5] автор выделяет три типа памяти: нейронную, социальную и культурную, наиболее подробно рассматривая последние два вида. Важным выводом для представленной работы является то, что изучаемая социальная память ЕАЭС относится по типологии А. Ассман к социальной памяти, так как она заключает в себе память об общем прошлом на протяжении 3–4 поколений.

Проблемами памяти поколений занималась и американская исследовательница Марианна Хирш [6]. В своих работах она акцентировала внимание на явлении «постпамяти». В концепции автора феномен «постпамяти» выражает запоздалость оценки исторических событий и происходит через цитирования и посредничество. В другой работе [7] ученый пишет, что постпамять захватывает личность, интерпретирующую ее и одновременно фильтруется через семейные или другие групповые отношения. Также автор отмечает тенденцию к искажению социальной памяти в рамках межпоколенческой трансляции. М. Хирш приходит к выводу, что молодежь обладает особыми, но связанными с предыдущими поколениями видами памяти. При этом особую роль она отводит фото- и видеоматериалам.

Следующим автором, внесшим вклад в сферу “*memory studies*”, стал известный британский социолог Зигмунт Бауман. Во введении к своему труду «Ретротопия» [8], опубликованному в 2017 году, ученый, ссылаясь на работу Светланы Бойм [9], описывает «эпоху ностальгии», называя ее «ретротопией». Автор описывает это явление так: «отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав

ему ценности стабильности и надежности» [8, с. 19]. Важной чертой ретротопии, которую выделяет С. Бойм, является ее появление в периоды войн и революций [9]. Так, З. Бауман пишет, что в настоящее время в России распространены «представления о последних советских десятилетиях как о «золотой эпохе стабильности, силы и, нормальности» [8, с. 22], видя это как результат падения коммунизма.

Одним из советских ученых, изучавших социальную память, был Ю. А. Левада. В сборнике трудов ученого, подготовленном его учениками, «Время перемен: предмет и позиция исследователя» [10] присутствует ряд статей, в которых автор рассматривает три ключевых для темы нашего исследования понятия: социальная память, историческое сознание и мифологическое сознание. Понимание социальной памяти Ю. А. Левады сильно отличается от того, что мы видим у зарубежных социологов: для него социальная память – это память людей о том, как нужно вести себя в обществе, примерная программа действий. Изучаемое нами явление ученый называет историческим сознанием и приписывает ему схожие с зарубежными описаниями социальной/коллективной памяти свойства. Он дает ей следующее определение: это «все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознано (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее в которых общество воспроизводит свое движение во времени» [10]. В зависимости от временной удаленности событий он выделяет «короткую» и «длинную» память. Если короткая память также, как и другая социальная, дает обществу программы поведения, то длинная память служит как база для сравнения прошлого и современности. Ю. А. Левада рассматривает мифологическое сознание как одну из форм исторического. Мифология, содержащаяся в нем, не похожа на правду, но, по мнению ученого, она для выполнения своей главной функции и не нуждается в правде.

Работа Ж. Т. Тощенко [11] также представляет альтернативную терминологию в изучении памяти. Он проводит разграничение понятий «историческое сознание» и «историческая память». Первое в его теории есть совокупность идей, образов и чувств, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии в различных социальных группах. Второе понятие, историческая память, означает «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» [11, с. 7] Две черты исторической памяти – актуализация и избирательность – связаны со значимостью исторического знания для настоящего.

Ж. Т. Тощенко, как и Ю. А. Левада, выделяет краткострочную память как отдельный подвид исторической. Как пример он приводит память российского человека о событиях XX века. События краткосрочной памяти еще отражены в личной жизни их свидетелей и подвержены влиянию индивидуального восприятия. Это восприятие обусловлено влиянием множества внешних факторов, которые могут изменять свою оценку в зависимости от ситуации в стране: бытовые обсуждения событий, официальные и полуофициальные объяснения, литературные источники и т. д.

Систематизировать подходы к изучению социальной памяти и привести более конкретные примеры удалось Е. Ю. Рождественской и В. В. Семенович. [12] Ученые отмечают, что социальное прошлое принято неодинаково воспринимать в различных культурах и уровнях. Опираясь на Н. Г. Брагину [13], ученые выделяют перечень функций памяти: селективная, интерпретативная и реверсивная. В ходе теоретического обзора авторы приходят к выводу, что в научном сообществе отсутствуют единые представления о природе памяти. Две разновидности памяти они называют

культурной и коммуникативной памятью. А опираясь на А. Борозняк [14], Е. Ю. Рождественская и В. В. Семенова приходят к заключению, что переход от второй к первой осуществляется со смертью членов социальных групп: в результате коллективная память непосредственных участников событий превращается в примерный образ, становясь частью культурной памяти.

Однако теоретической базой нашего исследования в первую очередь является работа Осадчей Г. И. и Киреева Е. Ю. «Социальная память молодежи государств – участников евразийской интеграции: теоретическая модель социологического анализа» [1]. В результате анализа трудов по проблематике социальной памяти Осадчая Г. И. и Киреев Е. Ю. делают ряд важных выводов. В результате построения теоретической модели исследователи формулируют следующее определение своего объекта: «социальная память молодежи государств – участников евразийской интеграции» как актуальной социальной информации о совместном прошлом народов, ранее входивших в состав единого государства, и совокупности актуальных практик, сформировавшихся под влиянием текущей реальности, общественно-культурного контекста в постсоветских государствах и личного социального бытия молодых людей, разновекторно оценивающих прошлое и по-разному ориентированных на перспективы евразийской интеграции» [1, с. 75]. Авторы также используют терминологию М. Хиршман и относят изучаемое явление к постпамяти, т. к. при формировании образа прошлого представители поколения Y не опираются на личный биографический опыт, а используют собственное воображение и интерпретацию, предоставляемую их социальным окружением более старшего возраста.

Осадчая Г. И. и Киреев Е. Ю., равно как и их коллеги, отмечают роль процесса запоминания и забвения в функционировании памяти. Обобщая высказанные ранее теоретические положения, они выделяют следующие функции памяти: передача знаний прошлого, культурных компетенций и ценностей, дает актуальную информацию для социального взаимодействия, образует нормы, регулирующие приемлемое поведение в обществе, формирует идентификацию членов социума, задает тенденции в объяснении событий прошлого. В случае социальной памяти молодежи стран ЕАЭС она также служит фактором формирования установок на евразийскую интеграцию.

Как и Е. Ю. Рождественская и В. В. Семенова, ученые выделяют коммуникативную и культурную память. Они также подчеркивают влияние медиа на содержание памяти и разнородность ее нарративов в связи с неоднородностью социальных групп и сообществ. Авторы выделяют проблему отсутствия влияния социальной памяти молодежи на ее повседневную жизнь. Потенциал влияния социальной памяти не раскрыт, и она представляет собой силу, которая может спонтанно проявиться или быть использована заинтересованными политическими образованиями с целью дезинтеграции общества.

В качестве содержания социальной памяти молодежи ЕАЭС ученые изучают эмоциональное отношение к СССР, фреймы советского прошлого и ассоциации, возникающие у молодежи с историческими событиями в совместном прошлом времен СССР. Эта память в каждой стране и в союзе в целом неоднородна, так как восприятие истории напрямую связано с ценностным комплексом и жизненным опытом поколения миллениалов. Кроме того, отношение к советскому прошлому меняется с взрослением молодежи и в зависимости от особенностей социальной реальности.

В заключение описания теории Осадчая Г. И. и Киреев Е. Ю., отмечают, что отношение молодежи к прошлому своих стран в рамках истории СССР коррелирует с

отношением к интеграционным процессам в Евразии. Также они указывают на то, что социальная память молодежи стран ЕАЭС нуждается в предложениях и реализации способов ее реконструкции в целях развития интеграции населения постсоветского пространства.

Методология и методы исследования, источники информации

В рамках исследования были поставлены следующие задачи: 1. Оценить состояние интеграционных процессов в ЕАЭС; 2. Сформулировать социальные практики, направленные на сохранение социальной памяти молодежи стран ЕАЭС; 3. Предоставить перечень практических мер, направленных на формирование согласованной политики памяти среди постсоветской молодежи.

В качестве метода исследования был использован метод полуструктурированного экспертного интервью, так как он обладает рядом преимуществ по отношению к избранному предметному полю. Во-первых, прямой контакт с молодежью ЕАЭС осложнен возможным языковым барьером. Население имеет низкую осведомленность о Евразийском экономическом союзе и о процессах, происходящих в нем. Во-вторых, экспертам будет проще оценить социальную память молодежи стран ЕАЭС, так как у них будет необходимый для этого объем исторических сведений о прошлом евразийского пространства. Полуструктурированное интервью позволит наиболее полно осветить все проблемы, связанные с изучаемой темой.

Гайд интервью состояли из 11 вопросов, разбитых на три блока. Первый блок включал вопросы об общем состоянии интеграционных процессов. Второй блок был направлен на выявление мнения экспертов о содержании социально-исторической памяти молодежи стран – членов и кандидатов на вступление в ЕАЭС, а также оценки политики памяти. И, наконец, были заданы вопросы о влиянии новых медиа на состояние социальной памяти молодежи, а также рассмотрены возможные пути формирования политики памяти в ЕАЭС.

Основным критерием для выбора экспертов с целью проведения интервью выступила их научная и профессиональная деятельность. Были проведены интервью с учеными, интересующимися вопросами социальной памяти и Евразийской интеграции, с общественными и политическими деятелями, работа которых так или иначе связана с аналогичной проблематикой. В ходе проведения интервью были опрошены 50 экспертов из стран – участниц ЕАЭС и других бывших республик СССР.

Среди экспертов были представлены ученые из МГУ им. М. В. Ломоносова, Уральского федерального университета, Национального исследовательского Мордовского государственного университета, Финансового университета при Правительстве РФ, Российской таможенной академии, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Ошского университета и Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина. Кроме них экспертами выступили сотрудники Центра евразийских исследований (г. Пермь), сотрудники Информационного агентства «EurAsia Daily», представители Международной некоммерческой организации исследовательских агентств «Евразийский монитор», сотрудники Института философии Национальной академии наук Беларуси, представители НКО «Евразийское партнерство».

Результаты

В результате полученных интервью, их транскрибации и анализа были выявлены ключевые моменты о состоянии Евразийской интеграции, о проблемах и предложениях по вопросам политики памяти и перспективах ее реализации.

В ходе оценки достижений интеграционных процессов в ЕАЭС эксперты отметили недостаточную интенсивность реализации мер на практике: *«Я сказала бы, что интеграционные процессы только начинают свое движение, потому что, если смотреть даже по тем данным, которые связаны с исследованиями, которые проводились относительно восприятия этого союза, то, в принципе, пока есть большая доля тех, кто не знает об этом союзе».*

Однако в рамках интеграции имеют место и достижения, которые носят в первую очередь экономический характер, что объясняется спецификой интеграционного объединения. Так, эксперты отмечают, что в целом создание ЕАЭС является положительной тенденцией для Евразийского пространства: *«Для меня вообще существование этого союза – это само по себе достижение. Потому что в нынешней гнетущей мировой обстановке то, что мы по-прежнему имеем союзников, точнее Россия, это уже большое достижение».* В процессе создания союза были образованы такие базовые организации, как Таможенный союз и Евразийская экономическая комиссия, в результате чего были заложены институциональные основы, которые послужат основой дальнейшей интеграции.

В экономическом плане ЕАЭС позволил упростить перемещение товаров и рабочей силы, что часто эксперты отмечают как основной плюс. Выделяют также особую роль Таможенного союза как эффективного регулятора вопросов транспортировки товаров. Помимо этого, положительным результатом создания союза можно назвать новые инвестиционные возможности, которые открывает интеграция.

Эксперты уделили большее внимание и проблемам союза. Так, опрошенные регулярно возвращались к вопросам крайне недостаточного освещения деятельности ЕАЭС: *«Самый первый момент, который я для себя отметила, когда готовилась к интервью, – несовершенство информационного сопровождения Евразийской экономической интеграции...».*

Сложности имеются и во взаимодействии стран – членов между собой. Участники союза являются несоразмерными, имеют разного масштаба экономику, ВВП, территорию и население. Из-за чего в союзе наблюдается неравномерность распределения отношений, в результате которой доминирующее положение занимает Россия. Это нашло отражение в следующей цитате: *«Мешает конечно в первую очередь сильный дисбаланс политический, экономический в сторону России. Россия – это как бы ядро союза, но создает целый ряд дисбалансов, мне кажется, даже в большей степени с политической точки зрения, чем с экономической».*

В то же время страны – члены и кандидаты на вступление в союз имеют особую направленность внутренней политики, которая также не способствует интеграции. Здесь эксперты отмечают в некоторых аспектах особый акцент стран на собственном суверенитете. Несмотря на упоминание достижений в таможенной и миграционной политике, на развитие инвестиций, эксперты все еще склонны оценивать уровень экономической интеграции стран как недостаточный.

Они выделяют проблемы идеологического и культурологического характера. В частности, говорят о нехватке солидарности среди государств – членов ЕАЭС. Более того, существует проблема отсутствия идентификации руководства и населения

стран с Евразийским экономическим союзом: *«И каждая страна пытается все еще продолжать выстраивать концепцию «свой – чужой», игнорируя то, что нам нужно воспринимать всю эту историю как общую. То есть проблема построения вот этого «Мы» у ЕАЭС». Кроме того, союз крайне нуждается в развитии единого культурного пространства.*

Стоит отметить следующую важную тенденцию: большинство достижений ЕАЭС связано с экономической деятельностью, что объясняется основной направленностью деятельности союза. В то же время выделенные экспертами главные проблемы касаются политической сферы, развитие которой также необходимо для согласованной работы союза. Следовательно, возникает вопрос о глубине и направленности необходимой интеграции. На такой вопрос эксперты отвечают, как правило, делая акцент на необходимость экономической, политической и военной интеграции. В качестве примера успешности последнего аспекта опрошенные приводят пример ОДКБ как эффективного военного союза на территории Евразии. Мало того, респонденты отмечают, что экономическая интеграция возможна лишь в случае политического согласования деятельности государств и в случае обеспечения безопасности членов союза путем военного сотрудничества. В случае непроработанности этих составляющих экономическое сотрудничество будет носить непрочный и недолговечный характер. Также для успешного функционирования союза эксперты настаивают на социокультурной интеграции стран как основе формирования связей между гражданами данного союза *«...культура – это четвертая опора, которая превращает вот этот треугольник развития в устойчивую структуру прямоугольника».*

Оценивая состояние социокультурной интеграции и политики памяти, в первую очередь абсолютное большинство опрошенных экспертов отмечает, что действия, предпринимаемые в данном направлении, недостаточны, либо вовсе отсутствуют. Как один из инструментов проведения подобной политики ученые предлагают использовать память о Великой Отечественной войне как основу для консолидации населения. В то же время существует необходимость и в других составляющих формирования социальной памяти молодежи: *«И самое главное, это мое личное мнение, я с большим уважением отношусь к памяти о Великой Отечественной войне, всего того, что было, но, по мне, если мы делаем упор на общем прошлом, то никогда ничего не достичь в настоящем и тем более в будущем. Поэтому надо делать упор на проектах и вещах, которые нас объединяют сейчас и будут объединять в будущем. Поэтому вот такой упор на Великую Отечественную войну, на общее прошлое, это, конечно, заслуживает уважения, но это бесперспективно и никогда не принесет успеха в интеграционном проекте».*

При одновременной недостаточности достижений в политике памяти на евразийском пространстве имеют место негативные тенденции в ее проведении. Так, эксперты замечают, что ряд стран при формировании представлений населения о прошлом ориентируется не на общую историю постсоветских государств, а на историю конкретной территории, выделяет вклад отдельной национальности в события общего прошлого. Страны союза стараются сформировать свою национальную идентичность в отрыве от общего прошлого евразийского пространства. Как отмечают эксперты, при формировании такой идентичности имеется опасная тенденция к переписыванию истории и изменению роли России в ней на статус агрессора-завоевателя: *«То есть каждая из стран постсоветского пространства проводит собственную историческую политику, причем в основе этой исторической политики лежит одна единственная, центральная идея. Ну не единственная, но центральная – она заключается в том, что нужно таким образом корректировать историю, выделить в ней те моменты, которые будут дока-*

зывать, что независимое государство на этой территории существовало испокон веков, и оно как можно менее было обязано и связано с Россией».

Если систематизировать проблемы, связанные с политикой памяти в Евразийском экономическом союзе, то можно выделить шесть наиболее часто отмечаемых аспектов. Так, эксперты опасаются, что у ЕАЭС отсутствует единая политика памяти, страны разобщены и не предпринимают согласованных действий по данному вопросу. К тому же политика памяти носит «ситуативный» характер, что означает привязку определенных действий к конкретным датам и праздникам и отсутствие планомерной работы с населением между этими событиями. Здесь же эксперты вновь отсылают к проблеме недостаточной популяризации союза и неудовлетворительного освещения его деятельности в СМИ, как привычного формата, так и «новых медиа». Затем существует проблема уменьшения роли русского языка при осуществлении политики памяти, его забывания, сокращения часов его обучения в школах стран – участниц ЕАЭС и кандидатов на вступление. Налицо необходимость проведения образовательных мероприятий для граждан всего союза не только с целью повышения знания русского языка, но и для того, чтобы расширить их знания об общей истории стран – участниц. Заключительной проблемой можно назвать «десоветизацию» Евразийского пространства при проведении политики памяти.

В целом можно сделать вывод о том, что в настоящий момент политика памяти не приносит консолидации в Евразийский экономический союз. В то же время меры, которые принимаются государствами, его участниками, скорее носят дестабилизирующий характер, так как направлены на образование внутри стран национальной идентичности.

При освещении возможных направлений политики памяти респонденты-эксперты констатируют, что молодежь не имеет представления о личной выгоде от участия ее страны в ЕАЭС. Она не понимает необходимости и бонусов этого союза, не представляет, в чем заключается его суть. В качестве решения данной проблемы эксперты предлагают эту личную выгоду популяризировать через размещение информации о преимуществах ЕАЭС в тех источниках информации, которыми пользуется молодежь: *«...больше должно быть каких-то каналов на YouTube, в соц. сетях именно этих интеграционных моментов, чтобы люди понимали, что кроме своего есть еще цивилизационное – Евразийский уровень».*

Выделяются другие направления политики памяти, которые нужно реализовывать. Так, респонденты отмечают, что необходимо выстраивать политику памяти с помощью социокультурных и образовательных обменов. Также важно формировать единое пространство в информационном поле союза, чтобы молодежь была информирована о существовании ЕАЭС и его достижениях. Политика памяти должна видоизмениться, она должна стать единой для всего евразийского пространства и проводиться только после совместного долгосрочного планирования ее целей и задач. Многие эксперты упоминают термин «мягкая сила», как наиболее эффективный инструмент реализации политики памяти.

В то же время один из основных органов ЕАЭС – Евразийская экономическая комиссия – большинством экспертов была признана неподходящим инструментом для реализации вышеописанных мер. Следовательно, существует потребность в создании в ЕАЭС определенного наднационального органа. При этом возникают сложности с выбором формата, так как создание межправительственной структуры может привести к ее бюрократизации и фиктивности. В то же НКО напрямую зависят

от источника финансирования, который может оказывать влияние на направления их деятельности. Также имеет место проблема доверия НКО со стороны населения стран Евразийского экономического союза.

При обсуждении роли «новых медиа» в реализации политики памяти в ЕАЭС эксперты отмечают высокую роль таких ресурсов для формирования представлений о прошлом среди молодежи постсоветского пространства. Кроме того, эксперты опасаются возможных манипуляций с историческими фактами на просторах «новых медиа» и предлагают меры, которые могли бы помочь в формировании политики памяти в странах – участницах союза и государствах – кандидатах на вступление. Так, необходимо создавать источники, которые будут способны в достаточном объеме предоставлять положительную информацию об общем прошлом и актуальных достижениях стран ЕАЭС. В настоящий момент важно проводить разработку количественно-качественных показателей памяти, способных измерить ее состояние применительно к сетевому контенту. Помимо создания альтернативных источников информации нужно проводить мониторинг уже имеющихся ресурсов на предмет выявления источников позитивной и негативной информации, формирующей образ интеграции. Также необходимо проводить онлайн-мероприятия, в рамках которых будут применяться технологии по локализации или нейтрализации негативной информации об интеграционном объединении, с последующим формированием положительного образа интеграции у участников мероприятий. Итогом всех применяемых мер должно стать формирование единого информационного поля под контролем ЕАЭС, которое будет активно представлено в социальных сетях.

В заключение интервью респондентам было предложено привести перечень наиболее актуальных направлений по формированию политики памяти. В целом, по их мнению, необходимо более активное применение средств мягкой силы образованными наднациональными структурами. Чаще всего опрошенные отмечали важность информирования населения о преимуществах интеграционного объединения для их страны и отдельных граждан. Была отмечена необходимость формирования общего информационного пространства и положительной повестки в «новых медиа» о союзе и общем прошлом стран – участниц. Что нужно осуществлять в понятной и доступной для молодежи форме с дублированием на национальных языках. Важно развивать тенденцию регулярного проведения культурно-образовательных обменов с перспективой создания единого культурного пространства. Эксперты констатировали, что в научной среде не хватает методологии, способной оценить количественно-качественный аспект памяти. Под конец интервьюирования респондентам предлагалось назвать меры, принятие которых в идеологической сфере крайне важно. Практически все эксперты отметили необходимость борьбы с «десоветизацией» общей истории стран ЕАЭС и фальсификацией истории. Также, по мнению респондентов, актуальность представляет работа по созданию общей евразийской идеи.

Обсуждение

В результате представленного эмпирического исследования были подробно рассмотрены достижения и проблемы евразийской интеграции на настоящий момент. Итак, основой дальнейшего развития Евразийского экономического союза является не только успешная экономическая деятельность, но и политика памяти. Сейчас ее проведение сопряжено с рядом сложностей и негативных явлений. Поэтому эксперты и предложили ряд крайне актуальных мер, способных изменить ситуацию, сфор-

мировать положительный образ интеграции в первую очередь у молодежи, как потенциальной движущей силы любых изменений в обществе

Заключение

Благодаря предпринятому нами исследованию был произведен анализ трудов, посвященных проблематике социальной памяти. На основе теоретической модели был сформирован гайд и проведены 50 экспертных интервью. Мнение экспертов, полученные в ходе эмпирической части исследования, содержат детальный обзор современного состояния Евразийской интеграции и ряд мер по ее укреплению.

В завершение представленной работы отметим, что результаты проведенного эмпирического исследования имеют особую актуальность и ценность. Те проблемы, о которых говорили эксперты, требуют решения действующим руководством ЕАЭС именно в наши дни. Трудно не согласиться с тем, что угроза разобщенности населения постсоветских стран грозит геополитическими кризисами. Избежать этого поможет достижение союзных, добрососедских отношений не только на уровне власти, но и на уровне рядовых граждан, которые могут построить прочные связи стран путем межличностных взаимодействий.

Автору статьи представляется актуальным дальнейшее изучение данной проблематики в качестве мониторинга состояния социальной памяти молодежи стран – участниц и кандидатов на вступление в Евразийский экономический союз.

Список литературы

1. *Осадчая Г. И., Киреев Е. Ю.* Социальная память молодежи государств – участников евразийской интеграции: теоретическая модель социологического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 70–78.
2. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. С. Н. Зенкин. – Москва: Новое изд-во, 2007. – 346 с. – ISBN 978-5-98379-088-9.
3. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память. Неприкосновенный запас. 2005. №2–3 (40–41). С. 8–27.
4. *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. Pp. 7–24. DOI: 10.2307/2928520.
5. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебников. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с. ISBN 978-5-4448-0146-8.
6. *Marianne H.* The Generation of Postmemory Columbia University Poetics Today. 2008. Vol. 29. No. 1. Pp. 103–128. DOI: 10.1215/03335372-2007-019.
7. *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. DOI: 10.5325/studamerjewilite.35.1.0123.
8. *Бауман З.* Ретротопия / З. Бауман; перевод с английского В. Л. Силаевой. – Москва: ВЦИОМ, 2019. – 156 с. ISBN 978-5-906345-19-6.
9. *Boym S.* The Future of Nostalgia. New York: Basic Books, 2001. DOI:10.5040/9781501337536.0019.
10. *Левада Ю.* Время перемен: предмет и позиция исследователя. Издательство «Новое литературное обозрение», 2016. – 872 с.
11. *Тощенко Ж. Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния. Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14. ISSN: 0130-3864.
12. *Рождественская Е. Ю., Семенова В. В.* Социальная память как объект социологического изучения. Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Том. 5. № 6. С. 27–48.
13. *Брагина Н. Г.* Память в языке и культуре. – Москва: Языки славянских культур, 2007. – 514 с.
14. *Борозняк А.* ФРГ: волны исторической памяти. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/frg-volny-istoricheskoy-pamyati.html> (дата обращения: 09.03.2022).

Сведения об авторе:

Рославцева Мария Васильевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru ORCID ID: 0000-0003-3947-1793; РИНЦ Author ID: 1137594; Web of Science Researcher ID: AAE-1252-2022.

Статья поступила в редакцию 26.05.2022; принята в печать 10.08.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SOCIAL MEMORY OF THE YOUTH OF THE EAEU: RESEARCH RESULTS

Maria V. Roslavtseva

Institute of Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

For citation: Maria V. Roslavtseva Social memory of the youth of the EAEU: research results. *DEMIS. Demographic research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 25–36. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.2>. EDN: UWZORY

Abstract. Within the framework of this article, the research team studies the state of social memory of young people in the EAEU member states. The purpose of the presented work is to describe the trends in the development of social memory of young people in the Eurasia in order to maintain productive socio-economic cooperation of the EAEU countries in the future. The hypothesis of the research is: the social memory of the youth of the EAEU countries contains little information about the common past of the countries of this union, and there is also no positive image of the integration association, so the governments of the EAEU countries need to form and implement a number of measures to consolidate the youth of these countries. To test the hypothesis a theoretical review was conducted as well as an empirical study by the method of semistructured interviews. Fifty expert interviews were held with representatives of all EAEU member states and candidate countries for joining the Union. As a result a detailed expert assessment of the development of social memory and its promotion policy was obtained. Authors have highlighted positive and negative trends in the formation of ideas about the common past and the current state of Eurasian integration among the youth of the EAEU. Authors also gave practical recommendations the implementation of which will consolidate the youth of Eurasia and form a positive image of their common past and future. The results of the study can be interesting to the political leadership of the EAEU countries as they highlight the problems of insufficient integration policy of the union. In the future it is of interest to evaluate the implementation of the measures proposed by experts in practice

Keywords: social memory, identity, EAEU, youth, social policy, Eurasianism.

References

1. Osadchaya G., Kireev E. Social`naya pamyat` molodezhi gosudarstv-uchastnikov evrazijskoj integracii: teoreticheskaya model` sociologicheskogo analiza [Social memory of the youth of the member States of the Eurasian integration: a theoretical model of sociological analysis]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. No. 3 (59). Pp. 70–79. (In Russ.)
2. Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la memoire* / M. Halbwachs; translation from French by Sergej N. Zenkin. Moskva: Novoe izd-vo, 2007. 346 p. ISBN 978-5-98379-088-9. (In Russ.)
3. Halbvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat` [Collective and historical memory]. *Neprikosnovenny`j zapas*. 2005. No. 2–3 (40–41). Pp. 8–27. (In Russ.)
4. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*. 1989. Vol. 26. Pp. 7–24. DOI: 10.2307/2928520.
5. Assman A. *Dlinnaya ten` proshlogo: memorial`naya kul`tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics] / A. Assman; translation from German B. Khlebnikov. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p. ISBN 978-5-4448-0146-8. (In Russ.)
6. Marianne H. The Generation of Postmemory Columbia University. *Poetics Today*. 2008. Vol. 29. No. 1. Pp. 103–128. DOI: 10.1215/03335372-2007-019.
7. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. DOI: 10.5325/studamerjewilite.35.1.0123.
8. Bauman Z. *Retrotopiya* / Z. Bauman; translation from English V. L. Silaeva. Moscow: VCIOM, 2019. 156 p. ISBN 978-5-906345-19-6. (In Russ.)

9. Boym S. The Future of Nostalgia. *New York: Basic Books*, 2001. DOI: 10.5040/9781501337536.0019.
10. Levada Yu. *Vremya peremen: predmet i poziciya issledovatelya [Time of change: subject and researcher's position]*. New Literary Review Publishing House. 2016. 872 p. (In Russ.)
11. Toshhenko Zh. T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennoego sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. *Modern and Contemporary History*. 2000. No. 4. Pp. 3–14. (In Russ.)
12. Rozhdestvenskaya E. Yu., Semenova V. V. Social'naya pamyat' kak ob'ekt sociologicheskogo izucheniya [Social memory as an object of sociological study]. *Interakciya. Interaction. Interview. Interpretation*. 2011. Vol. 5. No. 6. Pp. 27–48. (In Russ.)
13. Bragina N. G. *Pamyat' v yazy'ke i kul'ture [Memory in language and culture]*. Moscow : Languages of Slavic cultures, 2007. 514 p. (In Russ.)
14. Boroznyak A. FRG: volny' istoricheskoy pamyati [Germany: waves of historical memory]. *Neprikosnovenny'j zapas. Debaty' o politike i kul'ture*. 2005. No. 2–3. [Electronic resource]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/frg-volny-istoricheskoy-pamyati.html> (data obrashheniya: 09.03.2022). (In Russ.)

Bio note:

Maria V. Roslavtseva, junior researcher, Institute of Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru ORCID ID: 0000-0003-3947-1793; RSCI Author ID: 1137594; Web of Science Researcher ID: AAE-1252-2022.

Received on 26.05.2022; accepted for publication on 10.08.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.3

EDN: UNAQXK

РОССИЙСКАЯ И КАЗАХСТАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ростовская Т. К.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Еламанова А. С.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы,

Казахстан

E-mail: yelamanova.ainur@gmail.com

Для цитирования: Ростовская Т. К., Еламанова А. С. Российская и казахстанская молодежь в контексте национальной безопасности: социодемографические аспекты // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 37–48. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.3>. EDN: UNAQXK

Аннотация. Статья посвящена анализу социологических исследований ценностных ориентаций российской и казахстанской молодежи в контексте национальной безопасности. Современная молодежь России и Казахстана – это поколение, родившееся и выросшее в период значительных политических, социальных и экономических преобразований. Вследствие чего ускорение темпов развития общества приводит к возрастанию роли молодежи в общественной жизни. Вместе с тем анализ социологических исследований ценностных ориентаций выявил готовность молодежи к переменам. Инновационный потенциал молодых конвертировать в полезное дело общества со стороны государства должен быть воплощен в целевых проектах: реализация социальных лифтов, предоставление молодым людям реальной возможности успешно участвовать в политической деятельности, бизнесе и общественной деятельности. Практически для всех постсоветских государств характерен кризис духовных ценностей, поэтому в ценностных ориентациях казахстанской и российской молодежи есть точки соприкосновения. Изучение ценностных ориентаций в контексте национальной безопасности позволяет прогнозировать не только приоритетные в настоящее время ценности, но и возможные изменения. Анализ результатов социологических исследований, проведенных в обеих странах, показал, что в жизни молодежи России и Казахстана характерны семейные и традиционные ценности. Изучение ценностных ориентаций молодежи двух соседних стран способствует выявлению их интересов и потребностей в современном мире, что, в свою очередь, влияет на правильное развитие государственной политики, основанной на нравственности, патриотизме, национальной идентичности.

Ключевые слова: молодежь, ценности, российское и казахстанское общество, национальная безопасность.

Введение

В эпоху глобализации ценностные ориентации личности, их изменение, факторы, влияющие на них, становятся очень актуальными. В частности, изучение изменений ценностных ориентаций молодежи, являющейся стратегически важным человеческим ресурсом государства, представляет интерес для политологии, социологии, философии, психологии и других наук. Молодежь как социально-демографическая группа быстро реагирует на изменения в обществе, и эффективность разработанных мероприятий в сфере образования, медицины, занятости также зависит от уровня изучения взглядов и интересов молодежи и их приоритетных ценностей в современном глобальном обществе.

Следует отметить, что для исследования этносоциального самочувствия молодежи, выявления конфликтного потенциала, для предотвращения и разрешения конфликтов, борьбы с ксенофобией и экстремизмом необходим непрерывный этноконфликтологический мониторинг, проведение межпоколенных исследований для того, чтобы не только знать, как идет гражданское становление и этническое формирование на различных возрастных этапах в разных регионах и группах населения, но и оказывать соответствующее и своевременное влияние (социализация и ресоциализация населения) с целью снижения конфликтного потенциала и формирования потенциала толерантности [1].

Можно заметить, что в прошлое время традиционные социальные идеалы и ценности, которые были очень глубоки в российском и казахстанском обществах, постепенно частично утрачивались, а другие ценности еще не сформировались в полной мере. Отсутствие же жизненно важных идеалов и ориентиров негативно влияет на формирование личности молодежи и занятие ею новых позиций в будущем. Ценностные ориентиры и идеалы должны соответствовать жизненным целям и влиять на профессиональное и личностное становление молодых людей.

Становление и жизненное продвижение молодежи реализуется через обучение и воспитание, овладение новыми навыками и умениями через трансформацию опыта старшего поколения и реализацию его через собственную деятельность. Ценность – духовная сила, определяющая целевую направленность человеческой жизни, а от накопленного жизненного опыта зависит значение всей системы социальных ценностей для человека. Каждый компонент ценностной структуры позволяет осознанно осуществлять решение жизненно важных проблем с пониманием их сущности и отражением в чувствах социальных индивидов.

Ценностные ориентации, социальные нормы и установки являются в обществе на всех этапах его развития основным социально-психологическим регулятором и показателями гражданского развития молодежи в структуре общественного и исторического процесса. Подчеркнем, что ценностные ориентации человека служат важнейшей характеристикой его личности, поскольку они определяют особенности выстраивания взаимоотношений человека с окружающим миром и регулируют его поведение. Понимая и принимая систему ценностных критериев, человек ищет свое место в обществе и в мире в целом, размышляет о смысле своей жизни и выстраивает целеполагание, на основе которого реализует свой потенциал в социальной деятельности.

Поскольку ценности влияют на поведение человека во всех сферах его жизнедеятельности, то с точки зрения конкретного предметного содержания они также классифицируются как социальные, экономические, политические, духовные, материальные, жизненные, базовые и др., причем базовые ценности составляют основу человеческого сознания и способствуют эффективной деятельности в различных сферах жизни.

Методы и источники информации

В мировой социологической науке ценностные ориентации молодежи изучались М. Вебером, П. Сорокиным, Э. Дюркгеймом, Р. Мертном, Т. Парсонсом и многими другими исследователями.

В 70-е гг. XX в. Б. А. Ручкин, Е. Г. Слуцкий, В. И. Чупров и пр. в своих трудах рассматривали проблему взаимосвязи сознания и поведения молодежи с окружающим миром.

Изучению ценностных ориентаций молодежи России посвящены работы Ю. Р. Вишневецкого, И. М. Ильинского, С. И. Иконниковой, В. Т. Лисовского, В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок, В. Ф. Левичевой, Е. Л. Омельченко, Т. К. Ростовской, Л. С. Рубан и др.

Проблемы молодежи, формирование системы ценностей и на ее основе ценностных ориентаций молодежи освещаются в работах казахстанских ученых А. С. Сарсенбаева, Г. Т. Телебаева, Д. А. Калетаева, А. Т. Шайкенова, С. Т. Сейдуманова, Ю. В. Кучинской, Г. К. Жусуповой, Т. Б. Калиева, Г. С. Абдирайымовой и пр.

Формирование общества определяется всей системой социальных институтов и представляет собой сложную совокупность экономических, политических, правовых, духовных отношений, обеспечивающих его целостность как социальной системы. Социальный институт, рассматриваемый в социологической интерпретации, реализует исторически сложившиеся, устойчивые формы организации совместной деятельности людей; причем в узком смысле – это организованная система социальных связей и норм, призванных удовлетворять основные потребности всех членов общества (включая личностные запросы) и социальных групп, сложившихся и функционирующих в нем.

В российской социологии рядом авторов разработаны концепции ценностей и социального развития молодежи [2; 3]. В современный момент в мире довольно популярна теория организации культур, предложенная социологом Г. Хофстеде из Нидерландов, который разработал совокупность показателей, определяющих культурные характеристики представителей разных народов [4].

В статье задействован метод использования вторичных данных: анализируются аналитические и эмпирические материалы в рамках Международного социологического исследования «Ценностные ориентации молодежи России и Казахстана», проведенного в 2018 г. под руководством Ростовской Т. К. [13], данные государственных статистических агентств, результаты социологических и иных научных исследований, которые отражены в Национальном докладе «Қазақстан жастары. Молодежь Казахстана». Кроме того, авторы провели контент-анализ российских и казахстанских научных работ по исследуемой проблеме и публикаций в средствах массовой информации.

Результаты исследования

Изучение ценностных ориентаций современной молодежи обусловлено необходимостью разрешения целого ряда социальных противоречий: с одной стороны, молодежь считается активной частью населения, с другой стороны – она находится еще в стадии социально-личностного становления, что не позволяет объективно оценить ценностный мир молодых людей. Мировые глобальные процессы, переход к рыночной экономике с последующими социокультурными изменениями привели к трансформации ценностей молодежи. Отметим, что российскими учеными были глубоко изучены основные факторы, которые повлияли на трансформацию ценностных ориентаций современной молодежи [5].

Утрата прежних форм поведения и ценностей, доступность многих благ в эпоху постиндустриального развития – это еще не все факторы, в результате чего произошла переориентация ценностных ориентиров социальных индивидов в Российской

Федерации. Огромные изменения за годы независимости претерпело и казахстанское общество. За 30 лет суверенной истории Казахстана в самосознании, поведении и мышлении молодых людей произошли кардинальные изменения. Это верно подмечают казахстанские коллеги Ткачева Н. А. и Баймухаметова Р. С.: «Ускорение темпов развития общества обуславливает возрастание роли молодежи в общественной жизни. Включаясь в социальные отношения, молодежь видоизменяет их и под воздействием преобразованных условий совершенствуется сама» [6].

Однако изменение духовно-нравственных ценностей в современном обществе, кризис идентичности, отход от традиционных образов жизни характерны для всех государств постсоветского пространства, поэтому в системе ценностных ориентаций и казахстанской, и российской молодежи много общего и точек соприкосновения. Нужно подчеркнуть, что в современном мире изменение ценностей в обществе тесно связано с изменением личности, культуры, а также ментального кода конкретного социума. Казахстан, как и другие страны СНГ, ощущает на себе влияние различных культур, далеких от традиционной казахской культуры, то есть активно идет процесс трансформации ценностей. Нравственно-духовные проблемы, стоящие сегодня перед Казахстаном, не чужды и российскому обществу, а такие глобальные проблемы, риски и угрозы, как международный терроризм, проблемы экологии, изменение климата, стихийные бедствия, духовные кризисы также актуальны для всего мира.

И российские, и казахстанские ученые анализируют «ценности современного общества, рассматривая их сквозь призму социокультурной эволюции, что позволяет по-новому рассмотреть и сопоставить «традиционные» и «общечеловеческие» ценности, изучать проблему социальных ценностей в контексте социально-психологических взаимоотношений и ориентаций личности, мотиваций социальной активности человека, ее морально-этической регуляции, социально-этической детерминации выбора и оценки ценностных ориентаций и т. д.» [7]. Поэтому оценка ценностных ориентиров молодежи является крайне актуальной проблемой в процессе глобального развития, модернизации социальных отношений в современном обществе, трансформации условий его развития и оптимизации норм жизнедеятельности как всего социума, так и внедрения их в жизнь каждого конкретного человека.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что цель государственных институтов, осуществляющих воспитание и образование подрастающего поколения, заключается в том, чтобы «помочь в формировании активной, деятельностной личности молодого человека, умеющего эффективно реализовать свои цели и задачи, устойчивого к воздействию неблагоприятных жизненных факторов и умеющего преодолевать жизненные трудности, сдерживать конфликтные реакции, умеющего отстаивать свои собственные интересы и уважать интересы других, тем самым развивать в молодежной среде умение приходить к культуре согласия и толерантности» [8].

Молодежь составляет 16% от всего населения Российской Федерации и 20% – от населения Казахстана. Это значительный количественный показатель, поэтому ценностные ориентации данной социальной группы имеют большое значение в определении перспектив стратегического развития современного общества обеих стран. Поскольку многие ценности предшествующего периода в значительной степени сейчас утратили актуальность и не могут в должной мере отвечать требованиям нового времени, в сознании молодежи возможны кризисные явления. Так в молодежной среде проявляется маргинализация определенных групп, что свойственно состоянию общества в условиях нестабильности. Среди негативных личностных ка-

чества имеют место быть безразличие, равнодушие, жажда наживы. Вследствие чего актуальность определения и анализа ценностных ориентаций молодежи возрастает год от года. В последнее время изучением всей системы ценностной структуры и ориентации казахстанцев, в том числе молодежи, активно занимаются как государственные, так и негосударственные организации.

В 2015 г. Институт общественной политики Nur Otan провел изучение ценностей казахстанской молодежи по методологии World Values Survey, разработанной профессором Университета Мичигана Р. Инглхартом. В таблице 1 приведены пять базовых ценностей, набравших большинство предпочтений респондентов по результатам данного исследования¹:

Таблица 1.

Показатели базовых ценностей

Table 1.

Indicators of basic values

Ценности	%
Здоровье	(88%)
Дети	(68%)
Безопасность	(52%)
Благополучие и достаток	(52%)
Уверенность в завтрашнем дне	(43%)

Источник: составлено авторами на основе данных Института общественной политики Nur Otan. URL: <https://amanatpartiasy.kz/institute?lang=ru> (дата обращения: 25.05.2022)

Следует упомянуть значимую и глубокую научную работу «Ценности и идеалы независимого Казахстана», опубликованную под грифом Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, авторы которой подчеркивают, что «молодежь как ценностно ориентированная группа выступает носителем инновационного потенциала, способствующего образованию новой системы идеалов и ценностей казахстанской культуры, отличающейся от традиционной» [9].

Весомый вклад в изучение ценностных ориентиров молодежи вносит и научно-исследовательский центр «Молодежь», который уже более 6 лет проводит социологические исследования по обозначенному направлению. Анализ официальных статистических данных и результаты социологических исследований в целом отражены в ежегодном Национальном докладе «Қазақстан жастары. Молодежь Казахстана». В частности, в Национальном докладе за 2020 г. были представлены массовые социологические исследования: «Молодежь Казахстана», «Формирование дальнейших целевых индикаторов в молодежной политике», «Миграционные настроения молодежи современного Казахстана», что позволяет отследить динамику ценностных ориентаций молодежи, выявить ключевые тренды и возникающие потребности молодого поколения.

¹ Алимбекова Г. Т., Жусупова А. С., Шабденова А. Б. Отчет по итогам социологического исследования по теме «Система ценностных ориентаций в современном казахстанском обществе». – Астана, 2015. (по заказу Института общественной политики НДП «Нур Отан»)

Стоит отметить, что в 2020 г. был проведен сравнительный анализ эмпирических данных за период 2010–2015–2019 годы. При сравнении динамики ответов на вопрос «Что для Вас имеет наибольшую ценность в жизни?», мы видим, что за период 2017–2020 гг. в системе ценностей молодежи не наблюдается кардинальных изменений (табл. 2). В 2020 году в тройку наиболее значимых ценностей молодежи вошли семья (85%), здоровье (52%) и дружба (28%)².

Таблица 2.

Динамика ценности в жизни

Table 2.

Dynamics of value in life

Ценности	2017	2018	2019	2020
Семья	82%	71%	86%	85%
Здоровье	57%	64%	58%	52%
Дружба	32%	24%	31%	28%

Источник: составлено авторами на основе данных НИЦ «Молодежь». URL: <https://eljastary.kz/ru/research/> (дата обращения: 25.05.2022)

Как показывает опрос, гражданская активность менее популярна среди молодежи. Наиболее значимы для молодежи следующие тренды: здоровый образ жизни (49%), волонтерство (47%), путешествия (29%), и только на четвертом месте находится гражданская активность (23%), а на самом последнем – творчество (0,1%) и образование (0,1%).

Здоровый образ жизни и волонтерство чаще интересуют молодых людей возрасте 14–18 лет, а путешествия и гражданская активность – лиц старше 19 лет. И хотя пандемия COVID-19 оказала негативное влияние на население, включая молодежь, 81% респондентов уверенно смотрят в будущее и надеются на лучшее (табл. 3), а на вопрос «В свете последних событий, связанных с карантином, с каким чувством Вы смотрите в будущее?» – ответили следующим образом (в разрезе возрастных групп, %):

Таблица 3.

Чувство уверенности в будущем

Table 3.

A sense of confidence in the future

Ответы	14–18 лет, %	19–23лет, %	24–28 лет, %	%
С уверенностью в том, что все будет хорошо	39,1	35,3	32,3	35,2
С чувством надежды, что все будет хорошо	45,3	47,0	46,1	46,2
С неуверенностью	8,4	11,7	14,2	11,5
Со страхом и отчаянием	3,7	3,7	5,0	4,1
Затрудняюсь ответить	3,5	2,2	2,3	2,7

Источник: НИЦ «Молодежь». URL: <https://eljastary.kz/ru/research/> (дата обращения: 25.05.2022)

² Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2020». «National report Youth of Kazakhstan – 2020». Коллектив авторов: Удербаяева Г. Ж., Сабитов Ж. М., Жусупова А. С., Жолдыбалина А. С., Ермаханова С. А., Шакенов М. А., Абуова Д. Г., Ахантаева С. Ж., Сакошев А. К., Паули Э. С. Научно-исследовательский центр «Молодежь», 2020 г. – 207 с.

Говоря о гражданском формировании молодежи, следует заметить, что среди опрошенных в 2018 г. считали себя патриотами 60% респондентов, в 2019 г. – 60%, в 2020 г. – 53%. И здесь надо обратить внимание на то, что означает «патриотизм» в понимании казахстанской молодежи.

Как показывает эмпирические данные, «уважение и любовь, гордость за свою страну» являются одними из определяющих факторов патриотических чувств молодежи. Готовность защищать Родину и служба в рядах армии (39%), добросовестное выполнение работы на благо своей страны (28%), честность и порядочность (32%) молодежь также относит к качествам, свойственным патриотам своей страны³. Сопоставимые результаты были получены в ходе тридцатилетнего лонгитюда (1988–2018) в 12 регионах Российской Федерации, проводимого под руководством профессора Рубан Л. С. в рамках программы «Молодежь в полиэтничных регионах: взгляды, позиции, ориентации».

Итак, сегодня молодое поколение казахстанцев сталкивается с новыми глобальными вызовами, затрагивающими такие важные социальные аспекты, как мобильность и качество получаемого образования, состояние здоровья и поддержание его на должном уровне, профессиональная реализация, экономическая безопасность, семья и т. д.

Несмотря на то, что большинство молодых людей оптимистично смотрит в будущее, результаты опроса за 2020 г. показали рост среди молодежи протестных настроений (2%) с нарастанием социально-экономических проблем. Поэтому своевременное изучение протестных настроений в молодежной среде позволяет прогнозировать реакцию молодежи на различные процессы, происходящие в стране. Прогнозы позволяют оперативно выработать эффективные меры по предотвращению социальных и политических конфликтов, способствовать снижению уровня социальной напряженности в обществе.

Интересные факты приведены в работе «Молодежь в Казахстане: оценка ценностей, ожиданий и стремлений 2021», которая является продолжением исследования ценностей, свойственных молодежи Центральной Азии. Исследование было инициировано Фондом Ф. Эберта в 2016 г. Оно показывает, что для молодых казахстанцев наиболее важны такие ценности, как «соблюдение прав человека», «безопасность», «демократия», а также то, что часть молодых людей недовольна своим нынешним положением и стремится к расширению своих прав.

В ходе данного исследования был сделан акцент на выявление уровня тревожности и обеспокоенности молодежи Казахстана. Респонденты показали, что они обеспокоены войной (52%), бедностью (51%), загрязнением окружающей среды (51%), усилением коррупции (50%) и социальной несправедливости (49%). Такие явления они воспринимают как угрозу своей жизни. В то же время молодежь не особо боится потерять работу, внезапных заболеваний или терактов, мало кто обеспокоен количеством иммигрантов в стране или возможностью стать жертвой грабежа [8; 10].

В разделе «Ценности и ориентиры» этой книги рассматриваются отношение молодежи к членам семьи, другим этносам, религиям, политическим взглядам, взаимоотношения с соседями, одноклассниками и коллегами. Кроме того, изучается отношение молодежи к различным социальным группам (например, ЛГБТ+) и социаль-

³ ² Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2020». «National report Youth of Kazakhstan – 2020». URL: <https://repository.apa.kz/xmlui/handle/123456789/412?show=full> (дата обращения: 17.05.2022).

ным явлениям (например, коррупции). По сравнению с результатами предыдущих исследований, отмечается снижение общего уровня доверия молодежи к органам власти.

Многие респонденты считают, что разрыв неравенства между богатыми и бедными в Казахстане должен быть сокращен. Большинство из них уверено в том, что государство обязано полностью сосредоточиться на обеспечении прав и свобод граждан (88%), улучшении положения молодежи (88%), социальной справедливости и социальных льготах для всех (88%), сохранении окружающей среды (88%). Причем, как показывают опросы, «молодые мужчины и женщины не считают, что государственные органы пытаются оперативно и эффективно решать проблемы молодежи, что демонстрирует потенциальный разрыв между государственной политикой, программами и ожиданиями граждан» [3].

Здесь не лишним будет обратить внимание на книгу «Ценности казахстанского общества в социологическом измерении», в которой дан перечень ценностей современных казахстанцев, показаны основные факторы трансформации ценностей в Казахстане на фоне глобализации и в контексте национальной стратегии духовной модернизации. Мало того, по итогам исследования было выявлено, что казахстанцы ближе к европейским ценностям, чем прочие народы Центральной Азии, и им присущи толерантность, дружба с другими народами, единство граждан своей страны, оценка своего общества как светского, а не религиозного.

Более двух третей респондентов считают себя в первую очередь гражданами Казахстана, и это доказывает, что чувства гражданской идентичности, единства являются приоритетными ценностями у казахстанцев, особенно у сельского населения (76%). Если анализировать ответы на вопрос «Как изменилось отношение людей к патриотизму за последние 5 лет?», мы увидим, что оценка ценностных ориентиров между городскими и сельскими жителями расходится: городское население считает, что чувство патриотизма снизилось (25%), сельчане отвечали, что патриотизм за последние годы усилился (25%). И это доказывает, что сельским жителям более присущи чувства солидарности и единства, любви к родной земле [11].

В последнее время российские и казахстанские ученые успешно проводят совместные исследования по определению ценностных ориентаций молодежи, что добротное показано в монографии «Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции», в которой представлены мнения большинства респондентов, в частности о том, что «армия» и «правовая база» обеспечивают национальную безопасность государства и безопасность нации в целом. Также 67% респондентов со стороны российской молодежи считают «нравственность и мораль» одним из составляющих компонентов основы национальной безопасности, а 71% казахстанцев – идеологию и патриотизм [12].

К сожалению, в рамках одной статьи невозможно широко и полно проанализировать жизненные ценности молодежи Казахстана и России, однако проведенный нами анализ социологических исследований показал, что существуют как сходства, так и различия в ценностных ориентациях молодежи РФ и Казахстана. Но при всех различиях во мнениях юношей и девушек наших стран основными жизненными приоритетами является высокий статус семьи, что говорит о прочности традиционных ценностей, хотя в последнее время в связи со значительными изменениями в социально-культурной и экономической сферах общества формируется новое понимание ценности семьи. Нужно учитывать имеющий место разрыв между возможно-

стью создания семьи и ее материального обеспечения, расхождения в социальном самочувствии, поскольку современные взгляды меняют отношение человека к духовному познанию и ценности семьи. Поэтому государством реализуются меры по популяризации семейных ценностей. Одним из таких мероприятий является национальный конкурс «Мерейлі отбасы», который проводится в Казахстане с 2013 г. Он направлен на повышение статуса семьи, брака, чувства нравственности, ответственности за близких людей, родителей и детей.

Изучение трансформации ценностных ориентаций молодежи страны и, соответственно, реализация системы государственных мероприятий по их формированию являются гарантией сохранения национального кода. Единство национальных целей и основных ценностей составляет смысл человеческой жизни.

Обсуждение

Результаты проведенного нами анализа данных социологических исследований ценностных ориентаций российской и казахстанской молодежи свидетельствуют о необходимости продолжения работы по формированию ценностных ориентиров, обеспечивающих национальную безопасность на всех уровнях. Здесь большое внимание надо уделить роли средств массовой информации и Интернета.

Также следует отметить, что разрушение традиционных ценностей может привести к социальному кризису, росту экстремизма и преступности, коррупции, равнодушию к проблемам в молодежной среде, безынициативности молодежи и потребительскому отношению к жизни, что способствует деградации молодого поколения.

Среди ценностей, которые формируют основу государства и объединяют всех граждан, обеспечивают их безопасность, большое значение имеют такие ценности, как установка на мир и сотрудничество, развитие высоко интеллектуального общества и высокую духовность, экономическое развитие на основе инноваций в сфере производства и управления, историческую целостность, патриотизм, развитие культуры и языка и др. Национальная безопасность – защита жизненно важных интересов, национальных ценностей, привычного образа жизни граждан, общества и государства от различных внутренних и внешних угроз. Причем «в смысловом «ядре» национальной безопасности важную роль играет единство ценностных ориентаций всех членов общества, объединяющих их в нечто целое и мобилизующие на противодействие силам, стремящимся дестабилизировать ситуацию в стране. Итак, хотелось бы подчеркнуть, что ценностные ориентации формируют уклад жизни общества и служат основой национальной безопасности» [4].

Заключение

Подводя итог, резюмируем, что в российском и казахстанском молодежном сообществе сегодня в центре внимания находятся вопросы национальной идентичности, культурно-исторических ценностей, религии, нравственных ценностей, веры. В сознании современной молодежи идет борьба двух парадигм: утилитаристско-потребительской, где преобладает потребительское и эгоистическое, бездуховное отношение к окружающим, и национальной модели развития. Поэтому особо важно, что в модели национального развития должно учитываться отношение молодежи к новым формам идеалов с сохранением многовекового духовно-нравственного наследия, генофонда нации и культурно-исторических самобытных традиций.

Список литературы

1. Рубан Л. С. Как разрешать конфликты и формировать толерантность (учебное пособие). – М.: Дипакадемия МИД РФ, 2007. – 368 с.
2. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социокультурный механизм формирования отношения молодежи к образованию. Социологические исследования. 2013. № 1. С. 78–90.
3. Якувок Т. И. Культура как новое основание социальной идентификации молодежи. Социальная политика и социология. 2006. № 3. С. 164–174.
4. Hofstede G. Culture's Consequences: Software of the Mind. – 2d ed. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. Pp. 90–108.
5. Гайфуллин А. Ю. Трансформация ценностных ориентаций современной молодежи: социологический анализ // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. С. 483–486.
6. Ткачева Н. А., Баймухаметова Р. С. Ценностные ориентации казахстанской молодежи. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 6/2. С.135–136.
7. Акбергенов А. И. Трансформация социальных ценностей в современном казахстанском обществе : автореферат дис. ... д-ра философии (PhD) : 6D020100 / Акбергенов Аблай-Хан Ибраимұлы. Алматы: Казахский национальный университет имени аль-Фараби, 2020. – 125 с.
8. Рубан Л. С. Молодежь в полиэтничном регионе: взгляды, позиции, ориентации. – Астрахань: РИЦ АГУ, 1999. – 91 с.
9. Ценности и идеалы независимого Казахстана. Коллективная монография / Под общ. ред. Шаукеновой З. К. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. – 322 с.
10. Шарипова Д., Бейменбетов С. Молодежь в Казахстане: оценка ценностей, ожиданий и стремлений 2021. Представительство Фонда им. Ф. Эберта в Казахстане. Издательство «Deluxe Printery» 2021 г. – 98 с.
11. Исмуханова Г., Шарипова Д., Туреханова Б. Ценности казахстанского общества в социологическом измерении. Коллективная монография. – Алматы: Deluxe Printery, 2020. – 143 с.
12. Ростовская Т. К., Калиев Т. Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции: монография – Москва: РУСАЙНС, 2019. – 228 с.
13. Иванова Н. А. Ценностные ориентации студенческой молодежи в системе управления национальной безопасностью России : автореферат дис. ... кандидата экон. наук : 08.00.13 / Иванова Наталья Анатольевна; МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 2018. – 199 с.

Сведения об авторах:

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1629-7780; PИНЦ Author ID 767943; Scopus Author ID: 57192987864.

Еламанова Айнура Султановна, докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Контактная информация: e-mail: yelamanova.ainur@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0098-1040.

Статья поступила в редакцию 11.06.2022; принята в печать 01.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

RUSSIAN AND KAZAKH YOUTH IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY: SOCIODEMOGRAPHIC ASPECTS

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Ainur S. Yelamanova*Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan**E-mail: yelamanova.ainur@gmail.com*

For citation: Tamarta K. Rostovskaya, Ainur S. Yelamanova. **Russian and Kazakh youth in the context of national security: sociodemographic aspects.** *DEMIS. Demographic research.* 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 37–48. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.3>. EDN: UNAQXK

Abstract. *The article is devoted to the analysis of sociological studies of the value orientations of Russian and Kazakh youth in the context of national security. The modern youth of Russia and Kazakhstan is a generation born and raised during a period of significant political, social and economic transformations. As a result, the acceleration of the pace of development of society leads to an increase in the role of youth in socio-political, public life. Almost all post-Soviet states are characterized by a crisis of spiritual values, so there are points of contact in the value orientations of Kazakh and Russian youth. The analysis of the results of sociological studies conducted at the inter-country level showed that family and traditional values are characteristic of the life of young people in Russia and Kazakhstan. The study of the value orientations of the youth of the two neighboring countries helps to identify their interests and needs in the modern world, which, in turn, affects the proper development of public policy based on morality, patriotism, and national identity.*

Keywords: *youth, value, Russian and Kazakh society, national security.*

References

1. Ruban L. S. *Kak razreshat' konflikty i formirovat' tolerantnost' [How to resolve conflicts and form tolerance: (textbook) / L. S. Ruban; Diplomatic Academy. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [and others]. Moscow: Academia, 2007. 368 p. ISBN 5-8251-2060-7.*
2. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. *Sociokul'turny'j mexanizm formirovaniya otnosheniya molodezhi k obrazovaniyu [Sociocultural Mechanism of Forming the Attitude of Young People to Education]. Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2013. No 1. Pp. 78–90. (In Russ.)
3. Yakuvok T. I. *Kul'tura kak novoe osnovanie social'noj identifikacii molodezhi [Culture as a new basis for the social identification of young people]. Social'naya politika i sociologiya.* 2006. No 3. Pp. 164–174. (In Russ.)
4. Hofstede G. *Culture's Consequences: Software of the Mind.* 2d ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. Pp. 90–108.
5. Gayfullin A. Y. *Transformation of value orientations of modern youth: a sociological analysis. In: XXI Ural sociological readings. Social space and time of the region: problems of sustainable development: materials of the International Scientific and Practical Conference (Ekaterenburg, 15–16 marta 2018 g.) / Ed. by Yu. R. Vishnevskiy. Ekaterinburg: Humanities University, 2018. Pp. 483-486. (In Russ.)*
6. Tkacheva N. A., Bajmuxametova R. S. *Cennostny'e orientacii kazaxstanskoj molodezhi [Value Orientations of Kazakhstani Youth]. Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya my'sl'.* 2016. Vol. 8. No 6/2. Pp.135–136. (In Russ.)
7. Akbergen A. I. *Transformaciya social'ny'x cennostej v sovremennom kazaxstanskom obshhestve [Transformation of social values in modern Kazakhstani society]. Dissertaciya na soiskanie stepeni doktora filosofii (PhD): 6D020100 – Filosofiya. Almaty': Kazaxskij nacional'ny'j universitet imeni al'-Farabi, 2020. 125 p. (In Russ.)*
8. Ruban L. S. *Molodezh' v polietnichnom regione: vzglyady, pozicii, orientacii [Youth in a multiethnic region: views, positions, orientations] / L. S. Ruban. Astrahan': RIC AGU, 1999. – 91 p.*
9. *Cennosti i idealy' nezavisimogo Kazaxstana. Kollektivnaya monografiya [Values and ideals of independent Kazakhstan]. Collective monograph / Ed. by Shaukenovoj Z. K. Almaty': Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the KN MES RK, 2015. 322 p. (In Russ.)*
10. Sharipova D., Bejmenbetov S. *Molodezh' v Kazaxstane: ocenka cennostej, ozhidaniy i stremlenij 2021 [Youth in Kazakhstan: Assessing Values, Expectations and Aspirations 2021]. Representation of the F. Ebert Foundation in Kazakhstan. Publishing «Deluxe Printery» 2021. 98 p. (In Russ.)*
11. Ismuxanova G., Sharipova D., Turexanova B. *Cennosti kazaxstanskogo obshhestva v sociologicheskoy izmerenii [Values of Kazakhstani society in the sociological dimension]. Kollektivnaya monografiya. Almaty': Deluxe Printery, 2020. 143 p. (In Russ.)*
12. Rostovskaya T. K., Kaliev T. B. *Cennostny'e orientiry' sovremennoj molodezhi: osobennosti i ten-*

dencii [Value orientations of modern youth: features and trends] : monograph. Moskva: RUSAJNS, 2019. 228 p. (In Russ.)

13. Ivanova N. A. *Cennostny`e orientacii studencheskoj molodezhi v sisteme upravleniya nacional`noj bezopasnost`yu Rossii [Value Orientations of Student Youth in the System of National Security Management in Russia] : abstract of the dissertation for a candidate degree in social sciences : 22.00.08 / Ivanova N. A.; MSU. Moscow, 2018. 199 p. (In Russ.)*

Bio note:

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; RSCI Author ID: 767943; ORCID ID: 0000-0002-1629-77-80; Scopus Author ID: 57192987864; Web of Science Researcher Id: F-5579-2018.

Ainur S. Yelamanova, Doctoral student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Contact information: e-mail: yelamanova.ainur@gmail.com, ORCID ID: 0000-0003-0098-1040.

Received on 11.06.2022; accepted for publication on 01.09.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.4

EDN: WMHMWE

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ КАК ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Гарибова Ф. М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: farzona.garibova@mail.ru

Для цитирования: Рязанцев С. В., Гарибова Ф. М. Демографическое развитие Ферганской долины как приграничного региона Центральной Азии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 49–58. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.4>. EDN: WMHMWE

Аннотация. Цель исследования. Провести анализ демографического развития Ферганской долины и его социально-экономические последствия. Методология исследования. В ходе исследования использовались статистический и аналитический методы. Проанализированы данные Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике и Национального статистического комитета Кыргызской Республики. Результаты исследования. Ферганская долина расположена в регионе Центральная Азия с протяженностью около 300 км, и населением порядка 16 миллионов человек (статистика на 2020 год). В долине проживает около трети населения Таджикистана и Узбекистана и примерно половина населения Кыргызстана. В среднем это более чем 200 человек на 1 квадратный километр, что сопоставимо с самыми густонаселенными районами Индии и Китая. Исползованные статистические данные и анализ работ в исследовании становятся источником теоретических выводов и обеспечивают достоверность полученных результатов. Проведенный анализ показал, что для Ферганской долины характерен высокий естественный прирост населения. Доля сельского населения в регионе составляет более 50%, и наблюдается миграция сельского населения в города. Определены численность населения в регионе, его этнический состав и миграционные процессы. Для Ферганской долины характерен высокий уровень трудовой миграции населения в страны СНГ и в Россию, в частности. Данное исследование позволило определить основные тенденции демографического развития Ферганской долины и их социально-экономические последствия. Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении демографического развития Ферганской долины.

Ключевые слова: население, демографические процессы, миграция, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Ферганская долина.

Введение

Ферганская долина представляет собой регион, разделенный между тремя республиками Центральной Азии, где сосредоточены такие проблемы, как дефицит воды и земли, бедность, межэтнические конфликты, безработица, что подрывает экономическое и социальное развитие региона. С внешним миром долину соединя-

ют четыре автомобильные дороги (Фергана – Худжанд, Фергана – Ташкент, Ош – Хоруг и Ош – Бишкек) и одна железная дорога (Фергана – Худжанд).

Ферганская долина состоит из Согдийской области (Таджикистан), Джалал-Абадской, Ошской, Баткенской областей (Кыргызстан), Ферганской, Наманганской и Андижанской областей (Узбекистан). Все эти области играют важную роль в социально-экономической жизни своих стран, поскольку в них сосредоточена значительная доля населения. Отсюда следует, что большинство водных и земельных конфликтов возникает именно здесь, поскольку регион является самой густонаселенной частью Центральной Азии. А высокий уровень безработицы приводит к большому оттоку населения на заработки, т. е. вынуждает мигрировать [1].

Искусственная демаркация границы в Ферганской долине, завершенная в советское время, может рассматриваться как одна из основных причин возникновения различных конфликтов в регионе, особенно после распада Советского Союза. Кроме того, были приостановлены исторически сформировавшиеся культурные, экономические и политические связи [2].

Методы и материалы

Теоретической базой исследования демографического развития Ферганской долины послужили работы отечественных исследователей и авторов из стран Центральной Азии, посвященные изучению кризисных явлений на территории Ферганской долины, а также влиянию демографических факторов на формирование конфликтов. Среди авторов особый вклад в изучение данной проблемы внесли Рудов Г. в работе «Ферганская долина: причины кризисных явлений и пути их нейтрализации» [1], Бояркина О. А. в работе «Основные проблемы государств Ферганской долины» [2], Олимова С. в работе «Конфликты на границах в Ферганской долине: новые причины, новые участники» [3]. Несколько подробнее остановимся на работе Мирзоева С. З. «Ситуация в Ферганской долине и ее влияние на стабильность и безопасность в Центральной Азии» [4], в которой предпринят анализ причин проблемы делимитации государственных границ в Ферганской долине, повлиявших на военное наступление Таджикистана на Киргизию и начало боевых действий. Как известно, Ферганская долина является одним из ключевых центров конфликтности, влияющих на региональную стабильность и безопасность. Автор рассматривает факторы, приводящие к региональной дестабилизации. Также касается проблемы водных ресурсов в регионе. В заключение им делается вывод о том, что в новых условиях в данном регионе лишь временно можно обойтись без военного вмешательства.

Информационной основой данного исследования стали источники вторичной информации, т. е. опубликованные материалы государственной статистики Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Кыргызской Республики за период с 2010 по 2021 гг.

На основе анализа статистических материалов авторы статьи показали особенности демографической ситуации в Ферганской долине. Проведенный анализ позволил осуществить обобщение полученного материала и сделать выводы о демографическом развитии региона.

Результаты

Ферганская долина представляет собой географический и этнокультурный регион, в котором проживает около 21,6% населения Центральной Азии. В Кыргызской части (Баткенская, Джалал-Абадская, Ошская области и город Ош) на 40,3% площади живет 53% населения Кыргызстана, в таджикостанской части (Согдийская область) на 17,8% площади размещено около 29,1% населения Таджикистана, в узбекистанской части долины (Андижанская, Наманганская, Ферганская области) на 4,2% площади страны проживает 28,6% населения Узбекистана. Средняя плотность населения в Ферганской долине – около 200 человек на кв. км, а максимальная плотность отмечается в Андижанской области – 727 человек и в городе Ош – 1717 человек на 1 кв. км. В сельских населенных пунктах проживают 55,6% жителей Ферганской долины (табл. 1)¹.

В связи с вышеизложенным в регионе отмечается крайний дефицит земли: на 1 человека приходится только 0,1 га земли. В условиях сложных климатических условий и дефицита воды это затрудняет ведение сельского хозяйства, делает социально-экономические условия жизни населения достаточно непростыми. В регионе отмечается высокий уровень безработицы. Например, в таджикской части Ферганской долины 27% населения старше 18 лет являются безработными, несколько ниже безработица в киргизской и узбекской частях. Высок уровень безработицы среди женщин и молодежи (60% безработных – женщины, 58% – молодежь)². Перенаселенность и безработица становятся важными факторами риска для социально-экономической и политической стабильности в Ферганской долине.

В связи с высокими показателями рождаемости в Ферганской долине (даже несмотря на относительно высокие показатели смертности) отмечается значительный естественный прирост населения. Например, в кыргызской части региона в 2019 г. при рождаемости 96,7 тыс. человек умерли только 15,6 тыс. человек, в результате естественный прирост составил 81,1 тыс. человек. Несмотря на миграционный отток в 5,3 тыс. человек, общий прирост населения в кыргызской части Ферганской долины был 75,8 тыс. человек.

В странах Центральной Азии в целом, а также в регионе Ферганской долины сохраняется высокая рождаемость, поскольку общества находятся на этапе незавершенного демографического перехода. По данным ЮНФПА, суммарный коэффициент рождаемости в 2020 году в Узбекистане составлял 2,4 детей на 1 женщину репродуктивного возраста (15–49 лет), в Кыргызстане – 2,9, в Таджикистане – 3,5 детей. Согласно данным национальной статистики, в Кыргызстане в 2019 г. показатель рождаемость составлял 3,33 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста, причем в городской местности был выше, чем в селах (3,61 и 3,23 ребенка соответственно).

¹ Безграничные земли. Как три страны делят Ферганскую долину. URL: <https://www.bbc.com/russian/extra/gy5cq6iw4c/borderless-lands-russian> (дата обращения: 28.02.2022).

² Данков А. Ферганская долина: проблемы обеспечения экономической стабильности // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2 (50). 2007. С. 134–135.

Таблица 1.

Демографические показатели регионов Ферганской долины³⁴⁵⁶

Table 1.

Demographic indicators of the regions of the Ferghana Valley

	Площадь, кв. км / Area, sq. km	Население, человек / Population, people	Плотность населе- ния, число жителей на 1 кв. км / Population density, number of inhabitants per 1 sq. km. km	Численность городского населения / Urban population	Численность сельского населения, человек / Rural population, people	Доля сельского населения, % / Share of rural population, %
Страны Центральной Азии, в том числе: / Central Asian countries, including	3 948 002	74 300 000	1,9	35 664 000	38 636 000	52,0
Кыргызстан / Kyrgyzstan	198 500	6 523 529	81,5	2 231 000	4 292 500	65,8
Таджикистан / Tajikistan	143 100	9 313 800	65,9			
Узбекистан / Uzbekistan	447 400	34 558 900	75,5	17 487 500	17 071 400	49,4
Ферганская долина, в том числе: / Ferghana Valley, including:	124 427	16 039 499	200,3	7 123 600	8 915 900	55,6
Кыргызстан / Kyrgyzstan	80 077	3 456 699	43,2	784 100	2 672 600	77,3
Баткенская область / Batken region	16 995	537 365	31,6	127 200	410 100	76,3
Джалал-Абадская об- ласть / Jalal-Abad region	33 700	1 238 750	36,8	268 400	970 400	78,3
г. Ош / Osh city	182	312 530	1717,2	283 300	29 200	9,3
Ошская область / Osh region	29 200	1 368 054	46,9	105 200	1 262 900	92,3
Таджикистан / Tajikistan	25 400	2 707 300	106,6	668 700	2 038 600	75,3
Согдийская область / Sughd region	25 400	2 707 300	107,4	668 700	2 038 600	75,3
Узбекистан / Uzbekistan	18 950	9 875 500	521,1	5 670 800	4 204 700	42,6
Андижанская область / Andijan region	4 250	3 188 200	727,4	1 665 900	1 522 300	47,7
Наманганская область / Namangan region	7 900	2 867 400	377,8	1 852 900	1 014 500	35,4
Ферганская область / Fergana region	6 800	3 819 900	555,0	2 152 000	1 667 900	43,7

Примечание: данные по Центральной Азии приводятся на основе данных ЮНФПА на 2020 г.; данные по Кыргызстану и Таджикистану приводятся на 01.01.2020 г., данные по Узбекистану приводятся на 01.01.2021 г.

³ United Nation Population Found. World Population Dashboard. 2020. URL: <https://www.unfpa.org/data/world-population-dashboard>.

⁴ Демографический ежегодник Кыргызской Республики 2015–2019 гг. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. 2020. URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/demograficheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/>.

⁵ Республика Таджикистан и регионы. Статистический сборник. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2020. – 122 с. URL: <https://www.stat.tj/ru>.

⁶ Основные демографические показатели. – Ташкент: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике, 2021. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography>.

Статистика по рождаемости в районах и населенных пунктах Ферганской долины доступна только по Узбекистану. Данные представлены по общему коэффициенту рождаемости. Эти данные свидетельствуют о том, что уровень рождаемости на порядок выше в Наманганской и Андижанской областях, в Ферганской области он несколько меньше, а в отдельные годы отмечался на уровне страны. Данные национальной статистики, в отличие от данных ЮНФПА, показывают более высокую рождаемость в регионе Ферганской долины. В 2020 году максимальный уровень рождаемости был зафиксирован в городе Намангане – 29,6 рождений на 1000 населения (табл. 1). Также в пределах Андижанской области максимальные показатели рождаемости в городе Андижане (26,1), Алтынкульском (26,8), Андижанском (26,5), Избасканском (26,2), Асакинском (26,4), Шахриханском (26,7), Пахтаабадском (26,8), Ходжаабадском (26,6) районах. В Наманганской области максимальные показатели рождаемости отмечались в Касансайском (26,4), Туракурганском (26,7), Уйчинском (27,8) районах. В Ферганской области – в Куштепинском (27,1), Багдадском (26,3), Бувайдинском (26,4), Ташлакском (26,3), Дангаринском (27,5), Фуркатском (26,3) районах⁷.

Ферганская долина – самый густонаселенный и этнически сложный регион на постсоветском пространстве. Основную долю населения данного небогатого региона составляет безработная молодежь, которая не имеет перспективы трудоустроиться. Как следствие, этот фактор – почва для роста преступности и радикализма. Поделенные между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном горные хребты и равнины иногда сравнивают с лоскутным одеялом или шахматной доской. Представители разных национальностей или даже граждане разных стран живут на соседних улицах. Договориться о границах не удается десятилетиями, а распределение дефицитных ресурсов приводит к конфликтам. Жизнь в регионе сопряжена с опасностью – как со стороны соседей, так и пограничников. Причем у жителей «приграничья» больше общего, чем различий: во всех трех странах села географически отдалены от столиц и основной экономической деятельности. Их жители более религиозны и консервативны. Они, как правило, говорят на нескольких языках и в основном занимаются сельским хозяйством и животноводством [3].

Вплоть до начала XX века Ферганскую долину населяло множество народностей и племен, часть из которых вела оседлый образ жизни и занималась сельским хозяйством, а часть – полукочевой и занималась животноводством, обитая как в долине (на зимних пастбищах), так и в высокогорье (на летних). Ферганская долина представляет собой эллипс, который находится между горными хребтами Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана [4].

Все жители региона совместно использовали воду и пастбища, свободно перемещались, говорили на тюркских (киргизский, казахский, узбекский) языках и на фарси (таджикском), соседствовали, дружили и торговали друг с другом. Основные этнические группы – кыргызы, узбеки и таджики, остальные национальности представлены более 50 этническими меньшинствами (уйгуры – 0,5 млн, татары – 0,4 млн, русские – 0,3 млн, казахи, корейцы, яхиа и др.) Среди исповедуемых религий иудаизм, христианство и ислам.

⁷ Демографический ежегодник Кыргызской Республики 2015–2019 гг. – Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2020. URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/demograficheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/>.

В настоящее время в Центральной Азии происходит активный рост крупных городов, в том числе и в районе Ферганской долины, благодаря трем компонентам. Первый компонент – рост численности населения за счет высокой рождаемости. Второй компонент – аграрное перенаселение. В Ферганской долине фактически достигнут минимальный предел площади плодородных земель на одного человека. Значительная часть жителей фактически вытесняется из сельской местности в города. Третий компонент – города как центры притяжения, как экономические центры и более развитые рынки труда. По примерным оценкам в Центральной Азии на города приходится 20–30% ВВП. В результате многие сельские жители, проживающие в Ферганской долине, вовлекаются в миграцию и устремляются в города [5]. Например, население города Ош в Кыргызстане с 2016 года по 2020 год увеличилось с 275,7 до 312,5 тыс. человек⁸.

В города Ферганской долины отмечается приток населения из сельской местности. Например, статистические данные по Кыргызстану показывают, что численность внутриобластных мигрантов увеличилась с 2015 до 2019 годы с 9,5 до 16,6 тыс. человек. Также от 30,8 до 41,5 тыс. мигрантов переехали между областями Кыргызстана. В обоих случаях речь идет о зарегистрированных мигрантах, которые переехали из сельской местности в города⁹.

Главным образом внутренние мигранты расселяются в пригородах (так называемый «саманный пояс» – стихийно застроенные микрорайоны). Из-за недостатка образования и профессиональных навыков мигранты, переезжающие из сельской местности, не могут найти хорошо оплачиваемую работу и полноценно адаптироваться в мегаполисе. Плюс ко всему в крупных городах Центральной Азии ограничена прописка (мигрантам нельзя зарегистрироваться без владельца жилья или наличия собственной жилой площади), поэтому многие мигранты из сельской местности оседают в пригородных районах. Жесткие ограничения на прописку (регистрацию) не останавливают фактический рост городов. По экспертным оценкам, население городов Центральной Азии за счет неучтенных внутренних мигрантов может быть выше на 25–30% [6].

В Ферганской долине центром притяжения мигрантов стал город Ош, миграционный прирост в котором в 2019 году составил 2,2 тыс. человек.

Как известно, имеются как плюсы, так и минусы миграции. Например, поступающие денежные переводы, посредством которых решаются социальные проблемы домохозяйств, улучшаются условия их жизни, выступают плюсом миграции. Но вместе с тем, отток населения, выступает минусом, что сказывается на демографической обстановке региона.

Особенностью Ферганской долины являются эксклавы, сформировавшиеся в результате распада СССР и представляющие собой районы компактного проживания отдельных этнических групп населения, принадлежащие одному государству, но окруженные со всех сторон территорией другого государства. В современных условиях это накладывает отпечаток не только на социально-экономические отношения, ведение хозяйства, но и на передвижение (миграцию) населения. Шахимарданский эксклав входит в состав Ферганского района Ферганской области Узбекистана, на-

⁸ Женщины и мужчины Кыргызской Республики: 2016–2020. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – Бишкек, 2021 – 307 с.

⁹ Долина проблем – Фергана. Диалог: Таджикистан и мир. URL: <https://www.dialog.tj/news/dolina-problem-fergana> (дата обращения: 21.02.22).

ходится на территории Кыргызстана (эксклав окружает Кадамжайский район Баткенской области). Занимает площадь 90 кв. км, до территории Узбекистана – 20 км. Население эксклава составляет около 6 тыс. человек, в том числе 91% узбеки и 9% киргизы¹⁰.

Ключевые проблемы эксклава связаны с быстрым ростом населения, распространением бедности, проблемами межнациональных отношений. Последние соглашения между странами устранили некоторые разногласия, позволив жителям обеих стран посещать эксклав на срок не более двух месяцев без виз с целью поддерживать туризм в районе озера Курбанкуль [7].

Внутри Баткенской области Кыргызстана находится Сохский район, который принадлежит Узбекистану. Сохский эксклав занимает площадь 352 кв. км, в котором расположены 19 населенных пунктов. Для переезда сюда из Узбекистана нужно проехать около 20 км по территории Кыргызстана¹¹. Здесь проживает около 80 тыс. человек, в том числе 66% – в городах и 34% – в сельской местности. Этнический состав эксклава представлен на 99% таджиками, 0,7% киргизами, 0,1% узбеками. Большинство населения – граждане Узбекистана. Таджикское население состоит из местных жителей и переселившихся из других районов Центральной Азии (Самарканд, Ходжент, Самгара). Многие жители владеют тремя языками: таджикским, узбекским, русским. Сохский эксклав является местом постоянных бытовых конфликтов между таджиками (гражданами Узбекистана) и киргизами (гражданами Кыргызстана). Причинами конфликтов являются рост населения и усиливающаяся конкуренция за пастбища и воду в сельскохозяйственном регионе. Например, киргизы ограничивали доступ жителей Соха к выпасу скота на территории Кыргызстана; в свою очередь, жители Соха нападали на автомобили киргизов, проходившие через анклав¹². Также периодически возникают конфликты между пограничниками Узбекистана и Кыргызстана, которые усложняют жизнь и ограничивают мобильность местных жителей. Остро стоит вопрос открытия дороги Сох – Риштан, которая может связать территорию анклава с Узбекистаном и таким образом увеличить мобильность населения эксклава [8].

Выводы

Ферганская долина, представляющая собой сложный в этническом и культурном отношении регион, разделенный между тремя центральноазиатскими республиками Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном, столкнулась с целым рядом проблем, начиная от межэтнической напряженности и заканчивая пограничными вторжениями; от осложнений, связанных с безопасностью, до ряда социально-экономических трудностей последних лет.

Ферганская долина – самый густонаселенный район Центральной Азии. Высокая плотность населения увеличивает риск истощения природных ресурсов и, следовательно, конкуренции и даже конфликтов за контроль над ними. Сельская перенаселенность и все более молодое население подвергают весь регион демогра-

¹⁰ Шерали Ризоен. Границы Феганской долины – как предотвратить трагедию? Информационно-аналитический Центр МГУ. URL: <https://ia-centr.ru/publications/granitsy-ferganskoy-doliny-kak-predotvratit-tragediyu/> (дата обращения: 12.03.2022).

¹¹ Вальсамаки А. Большие проблемы маленького анклава Сох // Радио Азаттык. 21.01.2013. URL: <https://rus.azattyq.org/a/sokh-enclave-tension-between-kyrgyzstan-and-uzbekistan/24878950.html>.

¹² Наджибулла Ф. Узбекский анклав Сох в Кыргызстане, населенный таджиками // Радио Азаттык. 14.06.2010. URL: <https://rus.azattyq.org/a/Sokh/2068831.html>.

фическому давлению. Ситуация усугубляется отсутствием рабочих мест и возможностей в целом.¹³

В Ферганской долине проживает более 16 миллионов человек (данные на 2020 год), из которых 22% приходится на Кыргызстан, 17% – на Таджикистан и 61% – на долю Узбекистана. Численность городского населения составляет 7 123 тыс. человек, где наибольшая доля приходится на Узбекистан – 79%. Сельское население долины составляет 8 915 тыс. человек, где 30% приходится на Кыргызстан, 22,8% – Таджикистан и 47% – на долю Узбекистана, соответственно.

Учитывая важность сельского хозяйства для всей Ферганской долины, природные ресурсы, такие как земля и вода, исторически были одними из наиболее важных факторов развития региона. Следовательно, численность населения, зависящая от этих ресурсов, является ключевым вопросом политической безопасности и окружающей среды.

В определении государственных границ мировая практика выработала несколько случаев, которые страны Ферганской долины могут использовать в качестве примера для урегулирования ситуации по данному вопросу. Кооперация стран региона может значительно усилить приграничное сотрудничество и свести конфликты к минимуму.

В условиях пандемии COVID-19 особенно важна кооперация стран региона, что может способствовать снижению конфликтных ситуаций. Есть также необходимость в диалоге экспертов и исследователей стран региона, в том числе потребность в публикации совместных работ по актуальным проблемам Ферганской долины. Кроме того, по мнению ряда экспертов, существует необходимость в разработке новых подходов к урегулированию приграничного вопроса.

Список литературы

1. Рудов Г. Ферганская долина: причины кризисных явлений и пути их нейтрализации. Россия и мусульманский мир. 2015. № 5 (275). С. 81–95.
2. Бояркина О. А. Основные проблемы государств Ферганской долины. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 7 (2). С. 94–99.
3. Олимова С., Олимов М. Конфликты на границах в Ферганской долине: новые причины, новые участники. Россия и новые государства Евразии. 2017. № 1. С. 21–40.
4. Мирзоев С. З. Ситуация в Ферганской долине и ее влияние на стабильность и безопасность в Центральной Азии. Постсоветские исследования. 2021. № 4 (5). С. 378–387.
5. Белый В. А. Влияние демографических факторов на формирование социальных конфликтов (на примере Ферганской долины). Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Том 11. № 3. С. 39–43.
6. Vakhobov B. M. Ethnographic groups of Fergana valley. ISJ Theoretical & Applied Science. 2020. No. 05 (85). Pp. 876–878.
7. Valikhanova G. K. Human migration in the Ferghana valley: history and analysis. International journal of scientific & technology research. Vol. 9. Issue 03, March 2020.
8. Rakhmatillaev H. Ethnodynamics of the city population of the Fergana valley of the first half of the XX century. EPRA International Journal of Research and Development (IJRD). Vol. 5. Issue 5, May 2020.

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

¹³ Экономическое «сердце» Центральной Азии – Ферганская долина может сыграть ключевую роль в процветании региона. URL: <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/ekonomicheskoe-serdtsentralnoy-azii-ferganskaya-dolina-mozhet-sygrat-klyuchevuyu-rol-v-protsveta/> (дата обращения: 12.03.2022).

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID Id: 0000-0001-5306-8875; РИНЦ Author ID: 77673; Scopus Author ID: 22136228700; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014.

Гарибова Фарзона Майбалиевна, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: farzona.garibova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6041-8204; РИНЦ Author ID: 1088134; Scopus Author ID: 57209849301.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00526 А.

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; принята в печать 08.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE FERGHANA VALLEY AS A BORDER REGION OF CENTRAL ASIA

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Farzona M. Garibova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: farzona.garibova@mail.ru

For citation: Sergey V. Ryazantsev, Farzona M. Garibova. Demographic development of the Fergana valley as a border region of Central Asia. *DEMIS. Demographic research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 49–58. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.4>. EDN: WMMHWE

Abstract. The aim of the study – to analyze the demographic development of the Fergana Valley and the socio-economic consequences. The methodology of the study. The study used statistical and analytical methods. The data of the Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, the State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics and the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic were analyzed. Research result. The Fergana Valley is located in the Central Asia region with a length of about 300 km, where about 16 million people live in 2020. About a third of the population of Tajikistan and Uzbekistan and about half of the population of Kyrgyzstan live in the valley. On average, this is more than 200 people per 1 square kilometer, which is comparable to the most densely populated areas of India and China. In general, the statistical data used and the analysis of the work in the study become a source of theoretical conclusions and ensure the reliability of the results obtained. The analysis showed that the Fergana Valley is characterized by a high natural population growth. The share of the rural population in the region is more than 50% and there is a migration of the rural population to the cities. The population in the region, the ethnic composition of the population and migration processes are determined. The Fergana Valley is characterized by a high level of labor migration to the CIS countries and Russia. This study made it possible to determine the main trends in the demographic development of the Fergana Valley and their socio-economic consequences. We see prospects for further research of the problem in a more detailed study of the demographic development of the Fergana Valley.

Keywords: population, demographic processes, migration, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Fergana Valley.

References

1. Rudov G. Ferganskaya dolina: prichiny krizisnyh yavlenij i puti ih nejtralizacii [Fergana Valley: Causes of Crisis Phenomena and Ways to Neutralize Them]. *Russia and the Muslim World*. 2015. No. 5 (275). Pp. 81–95. (In Russ.)
2. Boyarkina O. A. The Main Problems of the States in the Fergana Valley. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017. No. 7 (2). Pp. 94–99. (In Russ.)
3. Olimova S., Olimov M. Konflikty na granicah v Ferganskoj doline: novye prichiny, novye uchastniki [Border conflicts in the Fergana Valley: new causes, new participants]. *Russia and the New States of Eurasia*. 2017. No. 1. Pp. 21–40. (In Russ.)
4. Mirzoev S. Z. The situation in the Fergana Valley and its impact on stability and security in Central

Asia. *Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]*. 2021. No. 5 (4). Pp. 378–387. (In Russ.)

5. Belyy V. A. Influence of demographic factors on the formation of social conflicts (on the example of the Ferghana Valley). *Actual problems of the humanities and socio-economic sciences*. 2017. Vol. 11. No. (3). Pp. 39–43. (In Russ.)

6. Vakhobov B. M. Ethnographic groups of Fergana valley. *ISJ Theoretical & Applied Science*. 2020. No. 05 (85). Pp. 876–878. DOI: 10.15863/TAS.2020.05.85.164. (In Russ.)

7. Valikhanova G. K. Human migration in the Ferghana valley: history and analysis. *International journal of scientific & technology research*. Volume 9, Issue 03, March 2020. (In Russ.)

8. Rakhmatillaev H. Ethnodynamics of the city population of the Fergana valley of the first half of the XX century. *EPRA International Journal of Research and Development (IJRD)*. Volume 5, Issue 5, May 2020. (In Russ.)

Bio note:

Sergey V. Ryazantsev, Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID Id: 0000-0001-5306-8875; RSCI Author ID: 77673; Scopus Author ID: 22136228700; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014.

Farzona M. Garibova, Junior Researcher of Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: farzona.garibova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6041-8204; ПИИЦ Author ID: 1088134; Scopus Author ID: 57209849301.

Acknowledgments and financing:

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00526 A.

Received on 22.04.2022; accepted for publication on 08.08.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.5

EDN: YLYFHY

РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ БРАКИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ростовская Т. К.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Кучмаева О. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Афзали М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: MehdiAfzali1991@gmail.com

Для цитирования: Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Афзали М. Российско-иранские кросс-культурные браки: социологический анализ // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 59–70. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.5>. EDN: YLYFHY

Аннотация. Одной из характерных особенностей современной социально-демографической ситуации в мире является увеличение числа кросс-культурных браков, заключенных между мужчиной и женщиной, принадлежащими к разным социокультурным слоям общества, имеющим свои культурные особенности и системы ценностей. Официальной статистики кросс-культурных браков в России в открытом доступе нет, что актуализирует проведение специальных социологических исследований. Выводы статьи основаны на результатах пилотажного социологического опроса, проведенного методом анкетирования 153 респондентов из России (г. Москва) и Ирана (г. Тегеран) в возрасте от 18 до 60 лет, состоящих в кросс-культурных браках, а также имеющих в своем окружении семьи, основанные на кросс-культурном браке или находящиеся в межэтнической, межконфессиональной среде (вследствие образовательной или профессиональной деятельности). Исследование выявило наличие различных представлений о модели семьи и брака как для Ирана, так и для современной России. Полученные результаты могут быть использованы для разработки стратегий развития социокультурного взаимодействия обеих стран, в системе государственного управления, в рамках усилий, направленных на оказание поддержки кросс-культурным семьям в процессе адаптации и ознакомления с нормами, традициями новой культуры для супруга.

Ключевые слова: кросс-культурные браки, феномен кросс-культурных браков, институт семьи, российско-иранские браки, проблемы взаимодействия разных культур, межкультурные взаимодействия.

Введение

Необходимость выявления основных тенденций и факторов формирования института кросс-культурных браков обоснована осознанием значимости семьи как наиболее устойчивого социального института, представляющего важнейший элемент общественного развития. Современные процессы трансформации семьи приобретают особую роль в условиях глобальных культурных изменений. Изучение тенденций развития и образования кросс-культурных семей позволяет выявить ряд общих и особенных черт в происходящих процессах глобального смешения и взаимного влияния различных культурных традиций.

В условиях, когда, с одной стороны, во всем мире идут процессы глобализации и укрепления кросс-культурных связей, а с другой, остро стоит вопрос межэтнической напряженности и межнациональных конфликтов, к проблеме взаимоотношений между народами обращены многие науки, прежде всего, социология, инструментальной которой позволяет ответить на множество вопросов, включая мотивы и последствия того или иного поведения индивида, семьи, группы, общности. В этой связи проведенное эмпирическое исследование, направленное на выявление факторов формирования института кросс-культурных браков в России и Иране, представляется весьма актуальным. В открытом доступе официальные статистические данные, характеризующие кросс-культурные браки, отсутствуют (Росстат специальных выборочных обследований не проводит, переписи дают довольно скудную информацию в данной области). Специализированные социологические обследования в целях выявления факторов формирования института кросс-культурных браков в России и Иране (с единой методологией, задачами, что позволяет осуществлять сравнение и сопоставление полученных в обеих странах данных) ранее не проводились, что определяет новизну исследования.

Цель работы – выявление масштабов и отношения к кросс-культурным бракам в России и Иране и формирование рекомендаций по государственной политике, направленной на их поддержку, а также подготовка предложений по методике дальнейшего исследования. Гипотеза исследования заключалась в том, что, несмотря на наличие различных моделей поведения в России и Иране в сфере формирования и отношения к феномену кросс-культурных браков, среди городского населения с высоким уровнем образования наблюдается близость стратегии поведения. Проводимая государством политика может помочь решить ряд проблем, с которыми сталкиваются супруги при вступлении в кросс-культурный брак.

Объектом исследования, проведенного в 2021 г., выступали представители различных возрастных групп, городские жители России и Ирана в возрасте от 18 до 60 лет, состоящие в кросс-культурных браках; имеющие в своем окружении семьи, основанные на кросскультурном браке или находящиеся в межэтнической, межконфессиональной среде (в силу образовательной или профессиональной деятельности). В ходе исследования были опрошены 153 человека, в том числе 105 иранцев и 48 россиян, жители крупных городов (Москва, Тегеран).

Среди иранских респондентов были 61% женщин и 39% мужчин, для российских – характерен значительный перевес женщин – 44 человека из 48. Средний возраст респондентов составил в Иране 23,9 года, в России – 34,1 года. Это статистически значимая разница, которая, безусловно, в ряде случаев сыграла свою роль в различиях в ответах.

Для респондентов характерен высокий уровень образования: среди иранских респондентов 91% имеют высшее образование, 9% – послевузовское. 39 россиян получили высшее образование. Значительная часть иранских респондентов продолжает обучение либо трудится в сфере образования (43%). Среди российских респондентов большая часть также трудится в сфере образования (19 человек) или государственном управлении (10 человек).

Среди иранских респондентов лишь четвертая часть (24%) относит себя к верующим людям (приверженцы ислама), 31% – нет, остальные затруднились с ответом. Среди россиян тоже встречаются люди, по-разному относящиеся к религии: 30 человек считают себя верующими, в том числе 23 – сторонники православия.

Таким образом, нетрудно заметить, что совокупность респондентов представляет взгляды городских жителей Ирана и России с высоким уровнем образования (причем более чем у половины респондентов родители также имеют высшее образование), в значительной степени толерантно относящихся к религии, довольно молодых возрастов.

Незначительная совокупность опрошенных на территории России не позволяет корректно использовать, в том числе для сравнительного анализа, частотные распределения. Однако в ряде случаев авторы все же сочли возможным приводить данные о численности лиц, выбравших тот или иной вариант ответа.

Кросс-культурные браки как объект исследования

Уникальная самобытность кросс-культурных браков связана с их объединяющей ролью в реализации современной модели семейно-брачных отношений. При формировании кросс-культурного брака на партнеров влияют два, казалось бы, разнонаправленных фактора: это интерес к другой культуре, готовность в определенной мере разделить ее нормы, с одной стороны, и желание сохранить традиции своей культуры, с другой. Кросс-культурные браки можно рассматривать как сочетание, объединение отличных друг от друга культурно-религиозных моделей семьи [1].

Вопросам определения феномена «кросс-культурного брака» как типа брака, в котором партнеры имеют разную национальность, культурное происхождение или религию, свои особенности системы ценностей, посвящены работы Салливана С. и Коттона Р. [2]. Адаптация и изучение второй культуры формирует новые социальные навыки [3]. Это доказывает важность кросс-культурного брака, который показывает наличие взаимодействия между этническими группами, что означает, что эти группы принимают друг друга как равные в обществе [4].

По данным российских исследований, основным мотивом создания кросс-культурных браков выступает «любовь – самое глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство» [5]. Тем не менее, различия в верованиях, традициях, обычаях и ценностях могут привести к таким проблемам в кросс-культурных браках, как языковые барьеры, культурные конфликты, сложности в воспитании детей [6; 7; 8].

Принятие брака, заключенного между представителями различных культур, обществом и близким окружением зависит от многих факторов, таких как возраст, пол, экономический статус, образование и т. д. Исследования показывают, что молодое население более позитивно относится к межрасовым и межкультурным отношениям, чем старшее население [9]. При этом мужчины более склонны к межкультурным отношениям с последующим заключением брака [10; 11; 12].

Особого внимания заслуживает проблема, связанная с самоопределением ребенка в кросс-культурной семье с православно-мусульманской культурно-религиозной моделью брачно-семейных отношений. Жизнеспособность православно-мусульманской культурно-религиозной модели брачно-семейных отношений зависит напрямую от мотива создания такой кросс-культурной семьи [13]. Религиозные различия и стереотипы сильно влияют на отношение женщин к кросс-культурным бракам. Еще один важный фактор, влияющий на отношение к кросс-культурному браку, это уровень образования, который имеет положительную корреляцию с одобрением такого брака [14]. Люди с высшим образованием чаще склонны к одобрению кросс-культурных браков, доля таких браков выше среди людей с высшим образованием [15].

Развитие российско-иранских межкультурных связей обуславливает интерес к феномену российско-иранских кросс-культурных браков. Вопросам кризиса и проблемам современного института иранской семьи посвящены работы Р. Шарипова [16]. В них анализируются взаимоотношения супругов в иранских семьях, преимущественно сделан акцент на описании положения женщины в иранской семье. В последние годы появились работы, посвященные вопросам кросс-культурной толерантности и интолерантности. Взаимоотношения между двумя разными культурными традициями, российской и иранской, также являются предметом изучения учеными [15].

Исследования демонстрируют, что иранцы проявляют гибкость с точки зрения принятия культуры страны, в которой они живут. Например, в исследовании, проведенном Джалали в 2005 г., показано, что иранцы, с одной стороны, сохраняют персидские ценности и поведение, но они также глубоко принимают западную культуру страны, в которой живут [18]. Так, иранцы, проживающие в Соединенных Штатах Америки, указали на то, что воспитывают своих детей на основе иранских традиций и культур, но в то же время верят в важность интеграции своих детей в американское общество и открыты для их брака с людьми другой национальности [19]. Межкультурные браки ирано-американских женщин с европейско-американскими мужчинами иллюстрируют, что успешность брака является результатом схожих ценностей и убеждений, уважения и понимания супругов [20].

Вступая в кросс-культурный брак, люди сталкиваются и с законодательными коллизиями и трудностями его официального оформления. Исследования доказывают, что закрепленные в законе постулаты мусульманского права оказывают влияние на все сферы жизни иранского общества, включая брачно-семейные отношения [21; 22]. Дискуссии, основанные на нормах иранского законодательства о кросс-культурном браке – о гражданстве и вероисповедании супругов-иностранцев, возможности сохранения своего предыдущего гражданства и религии, обязательности смены гражданства (что в значительной степени связано и с законами, и с правилами как в странах регистрации брака, так и в стране происхождения супругов) – нашли отражение и в научной литературе [23].

Проблемы кросс-культурных браков занимают значительное место в проблемном поле исследований современной семьи и брака. Исследователи из разных стран обращают внимание на проблемы формирования и функционирования семьи, в основе которой лежит брак между представителями различных культур. Степень различий в культуре и традициях зачастую выступает фактором риска для благополучия такой семьи, провоцирует внутри- и внесемейные конфликты. Однако ощущается недостаток эмпирических исследований, отражающих весь спектр мнений представителей различных государств, в частности, России и Ирана, позволяющих провести сравнительный анализ отношений к кросс-культурным бракам, выявить факторы, определяющие специфику отношений, определить перспективы государственной политики по поддержке института брака в кросс-культурной среде.

Отношение к кросс-культурным бракам

Программа нашего исследования содержала вопросы, касающиеся отношения опрашиваемых, общества в целом к кросс-культурным бракам как к социальному явлению, а также блок вопросов, позволяющих выяснить отношение близкого окружения к личному опыту респондентов, вступивших в кросс-культурный брак.

Отношение к межэтническим бракам во многом определяется отношением в обществе к другим культурам, этническим группам; распространенностью ксенофобии. Отметим, что при обсуждении людей других национальностей и культур среди иранцев преобладает положительное отношение к ним. Так, 22% респондентов заявили, что с симпатией и радостью общаются с такими людьми, а 53% сообщили о положительном отношении в целом к таким людям. Лишь каждый десятый опрошенный говорил о своем негативном отношении к представителям других этнических групп.

Среди российских респондентов не оказалось тех, кто заявил бы о своем категорически отрицательном или негативном отношении к иным этническим группам. 28 человек (из 48 опрошенных) дали ответ «с симпатией, с удовольствием с ними общаюсь». Возможно, данные ответы говорят о большей толерантности россиян. Однако стоит отметить, что задаваемый вопрос относился к категории сензитивных, что могло повлиять на распределение ответов.

Кросс-культурные браки нередко распространены, особенно в российском обществе. Лишь 4 россиянина из 48 и 27% иранцев ответили, что в их окружении нет знакомых, состоящих в межэтнических браках. Примерно 60% опрошенных из Ирана и 31 респондент из России отметили, что среди их друзей, знакомых, соседей есть люди, состоящие в межэтнических браках; 5 % иранцев дали ответ, что сами состоят (состояли) в межэтническом браке (табл. 1).

Таблица 1.

Распределение ответов респондентов из Ирана на вопрос: «Есть ли среди Ваших друзей, знакомых, соседей те, кто состоит в межэтнических браках?», %

Table 1.

Distribution of respondents among friends, acquaintances, neighbors who have people who are in interethnic marriages, %

Вариант ответа	Доля, % (чел.)
я сам(а) состою /состоял(а) ранее в межэтническом браке	5 (5)
да, несколько	19 (20)
да, есть такая семья	40 (42)
нет, в моем окружении нет таких семей	27 (28)
затрудняюсь ответить	9 (10)
Итого	100 (105)

Источник: составлено авторами

Всем респондентам, участвовавшим в опросе, задавался вопрос об их отношении к межнациональным бракам. Большинство опрошенных иранцев заявили о том, что положительно относятся к межэтническим, межнациональным бракам (табл. 2).

Таблица 2.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько Вы одобряете межнациональные, межэтнические браки?» (в % от общего числа опрошенных в Иране)

Table 2.

Distribution of respondents' responses on how much they approve of interethnic, interethnic marriages (in % of the total number of respondents in Iran)

Варианты ответа	Доля, % (чел.)
категорически против такого опыта	3 (3)
в целом не одобряю такой практики	4 (4)
в целом одобряю такой опыт	40 (42)
полностью поддерживаю такую практику организации семейной жизни	29 (31)
зависит от того, каких национальностей будущие супруги	24 (25)
Итого	100 (105)

Источник: составлено авторами

По результатам опроса видно, что 40% иранских респондентов в целом одобряют такой опыт организации семейной жизни. 29% полностью поддерживают подобную практику организации семейной жизни. 24% отмечают, что их отношение к межнациональным бракам «зависит от того, каких национальностей будущие супруги». Большая часть опрошенных россиян также положительно относится к межнациональным бракам: 29 респондентов из 48 дали ответы «в целом одобряю такой опыт» и «полностью поддерживаю такую практику организации семейной жизни».

Помимо вопроса общего плана об отношении к межнациональным бракам как социальному явлению, ряд вопросов программы исследования был нацелен на выявление стратегии респондентов в случае необходимости принятия решения непосредственно в отношении своей брачной карьеры – готовности на определенные шаги, затрагивающие их систему ценностей. Отвечая на вопрос: «Могли ли Вы вступить в брак с представителем другого вероисповедания?» – более половины опрошенных жителей Ирана ответили на данный вопрос утвердительно (68% опрошенных). Россияне также преимущественно готовы к браку с человеком другого вероисповедания (24 человека). Однако пятая часть респондентов из Ирана (20%) и 14 россиян затруднились с ответом, не имея пока четкого мнения по этому вопросу.

Большая часть опрошенных (57% иранцев и 22 жителя России) не готова сменить религию ради вступления в брак. Людей останавливают разные обстоятельства (как серьезное отношение к вере, неготовность от нее отказаться, так и, напротив, отсутствие приверженности религиозным ценностям вообще). В целом все же можно сказать, что вопрос веры достаточно серьезен для значительной части иранцев и россиян. Кроме того, в Иране и исламе смена религии сильно осуждается: смена вероисповедания при вступлении в брак может иметь серьезные последствия для иранских граждан, привести к разрыву отношений с семьей, затруднить проживание на родине.

Переезд в другую страну ради любимого человека допустим для большей части респондентов: с этим согласны 64% опрошенных из Ирана и 29 россиян. Еще 25% иранцев и 13 россиян ответили, что могут принять решение о переезде при наличии определенных условий, т. е. в целом не исключают для себя такой возможности. Сме-

на места жительства является для респондентов более простым шагом, чем смена веры.

Для выявления факторов, которые влияют на создание кросс-культурного брака, респондентам был задан вопрос о том, влияет ли, по их мнению, на образование межэтнической семьи финансовое положение обеих сторон, родительских семей. Большая часть опрошенных, по крайней мере, не отрицает этого факта (табл. 3). 31% ответивших иранцев и 16 россиян согласны с тем, что это «важный фактор». Еще 51% иранцев и 18 россиян допускают такую возможность.

Таблица 3.

Распределение ответов респондентов из Ирана на вопрос: «Считаете ли Вы, что на образование межэтнической семьи сказывается финансовое положение обеих сторон?», % к числу ответивших

Table 3.

Distribution of responses of respondents from Iran to the question: “Do you think that the financial situation of both sides affects the formation of an interethnic family?”, % of the respondents

Варианты ответа	Доля, % (чел.)
нет, семья в первую очередь строится на любви и понимании	15 (16)
да, это важный фактор	31 (33)
в каждой семье по-разному	38 (39)
может быть	13 (14)
затрудняюсь ответить	3 (3)
Итого	100 (105)

Источник: составлено авторами

На выявление роли поддержки со стороны друзей и родных на взаимоотношения между членами кросс-культурной семьи был направлен вопрос: «Как Вы думаете, влияет ли поддержка со стороны друзей и родных на взаимоотношения между членами межэтнической семьи?». Почти треть респондентов из Ирана (32%) ответила, что влияет, еще 36% дали ответ, что «скорее влияет». С другой стороны, 26% респондентов указали на то, что вообще не влияет, а 7% затруднились с ответом. Ответы россиян в меньшей степени дифференцированы: практически все они считают, что поддержка со стороны ближайшего окружения играет значительную роль, 25 человек (из 48) дали ответ «влияет», 19 человек – «скорее влияет». На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что хотя большинству опрошенных нужна поддержка со стороны семьи и друзей, чтобы вступить в брак с представителем другой культуры, религии, вместе с тем есть люди, которые действуют независимо от мнения близких.

Оценивая специфику функционирования, проблемы и преимущества кросс-культурных браков, респонденты крайне редко затруднялись с ответом. Четверть иранцев (25%) и 15 россиян не видят никаких особенных или отличительных проблем в кросс-культурном браке по сравнению с обычным. Ведущее место в перечне проблем, по мнению иранских респондентов, занимает «непримиримые друг друга национальные, религиозные традиции и обычаев в стране, где живет новая семья» (см. табл. 4). Примерно каждый пятый участник опроса из Ирана отмечает роль непонимания со стороны общества, близких людей, самих супругов. Судя по ответам

россиян, можно предположить, что они реже обращают внимание на роль неприятия кросс-культурных браков со стороны общества и ближайшего окружения (что отметили лишь 5 человек) как проблему таких союзов. Вероятно, россияне в большей степени акцентируют роль внутренних семейных разногласий в формировании проблемного поля кросс-культурных браков, однако данная гипотеза требует дальнейшей проверки на более масштабной совокупности.

Таблица 4.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «В чем Вы видите основные проблемы межэтнических браков?», % к числу иранских респондентов

Table 4.

Distribution of respondents' opinions on the main problems in interethnic marriages, % of the number of Iranian respondents

Основные проблемы	Доля, % (чел.)
в непонимании, упреках со стороны общества, родителей, родных	23 (24)
в неприятии других национальных, религиозных традиций и обычаев в стране, где живет новая семья	33 (35)
проблемы такие же, как у любой семьи	25 (26)
сложно выстраивать отношения супругам – представителям разных культур	18 (19)
затрудняюсь ответить	1(1)
Итого	100 (105)

Источник: составлено авторами

При ответах на вопрос о положительных сторонах межэтнических браков россияне и иранцы были более единодушны. На первом месте, равно как и при оценке проблем, мнение о том, что межэтнические браки не имеют особых отличий от других браков, в том числе и преимуществ, «положительная сторона всех браков одна – рождение новой семьи», считают 42% иранцев и 15 россиян (из 48). 25% иранцев и 15 россиян полагают, что для межэтнических браков характерна «традиционная насыщенность семейной жизни». 22% иранцев и 8 россиян считают, что именно в межэтнических браках «самые одаренные и красивые дети».

Потребности в поддержке

Для определения перспектив системы государственной поддержки кросс-культурных браков, в том числе заключенных гражданами различных государств, в ходе исследования респондентам, состоящим в таких браках, задавался вопрос: «Как Вы считаете, нуждаются ли межэтнические семьи в специальной поддержке со стороны государства, общества?». Трое иранцев дали ответ на этот вопрос, в том числе два человека выбрали вариант «нет, никакая особая поддержка межэтническим семьям не нужна», один человек – «нет, существующих мер и информации достаточно». Среди россиян присутствуют другие мнения: пятеро опрошенных полагают, что «необходима информационная поддержка об особенностях жизни и культуры в странах, откуда супруги родом», еще двое считают, что «нужна юридическая поддержка» и два человека придерживаются такого же мнения, как и респонденты из Ирана – «нет, никакая особая поддержка межэтническим семьям не нужна», «нет, существующих мер

и информации достаточно». Мнения супругов в кросс-культурных семьях, проживающих в России и Иране, о необходимости поддержки со стороны государства значительно различаются. Выявление масштабов и возможных причин таких различий требует дальнейшего исследования на более представительной выборке. Возможно, в нашем случае свою роль сыграли возрастные различия респондентов, попавших в выборочные совокупности в Иране и в России.

Заключение

Проведенное пилотажное исследование, несмотря на незначительную выборку, позволило сделать определенные выводы, касающиеся как методики проведения исследования, так и его содержательных результатов.

Необходимо проведение исследования на более представительной выборке, охватывающей людей, состоящих в кросс-культурных браках и проживающих на территории Ирана и России. Стоит использовать возможности этнических землячеств для формирования выборочной совокупности. Для корректности выводов целесообразно провести исследование по значительной части программы и в контрольной группе – среди лиц, не состоящих в кросс-культурных браках, что позволит более корректно выявить специфику положения таких браков.

Следует обратить внимание на то, что исследование носило пилотажный характер, в выборке наблюдались значительные различия в возрастной структуре респондентов из Ирана и России: средний возраст респондентов составил в Иране 23,9 года, в России – 34,1 года. Это в определенной степени сказалось и на различиях в ответах.

Исследование выявило весьма доброжелательное отношение к кросс-культурным бракам в обеих странах. Возможно, на результатах сказался тот факт, что опрос проводился среди городских жителей с преимущественно высшим образованием. Значительная часть респондентов дала ответ, что среди их окружения есть лица, состоящие в межэтнических, межрелигиозных браках. При этом сами участники опроса допускают для себя возможность вступления в брак с представителем иного этноса, исповедующего другую религию. Респонденты высказали мнение о том, что их окружение позитивно относится к межэтническим, кросс-культурным бракам, и, если дело касается их личного опыта, отношение родных и близких было большей частью доброжелательным с самого начала либо поменялось на доброжелательное достаточно быстро. Однако часть опрошенных все же отметила проблемы, возникающие у кросс-культурных браков связанные с непониманием и неприятием близким окружением.

Полученные результаты будут полезны при формировании стратегии семейной политики и поддержки кросс-культурных браков, включая юридическую и информационную поддержку, не только в России и Иране, но и в других странах, отличающихся культурным многообразием. Среди субъектов такой политики важнейшим выступают учреждения профессионального образования. Исследование позволило наметить дальнейшие пути сбора эмпирических данных для получения более представительных и детальных оценок.

Список литературы

1. Ростовская Т. К., Ростовская Н. А. Специфика жизнедеятельности кросс-культурных браков в современном российском обществе. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1(45). С. 68–73.
2. Sullivan C., Cottone R. Culturally based couple therapy and intercultural relationships: a review of

the literature. *The Family Journal*. 2006. No. 14(3). Pp. 221–225. DOI: 10.1177/1066480706287278.

3. *Bochner S.* Coping with unfamiliar cultures: Adjustment or culture learning? *Australian Journal of Psychology*. Informa UK Limited. 1986. No. 38 (3). Pp. 347–358. DOI: 10.1080/00049538608259021.

4. *Osanami Törngren S.* “Attitudes Toward Interracial Marriages and the Role of Interracial Contacts in Sweden.” *Ethnicities* 16. No. 4. Pp. 568–588. DOI: 10.1177/1468796816638400.

5. *Ростовская Т. К.* Современные российские реалии и молодежь: проблемы и перспективы развития / Т. К. Ростовская, А. М. Егорычев // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т. К. Ростовской. – М., 2019. С. 19–23.

6. *Romano D.* Intercultural marriage: Promises & pitfalls (3rd ed.). Yarmouth: Intercultural Press, 2008. 226 p.

7. *Bhugra D., De Silva P.* Discussion paper Couple therapy across cultures. *Sexual and Relationship Therapy*. Informa UK Limited. 2000. No. 15(2). Pp. 183–192. DOI: 1080/14681990050010763.

8. *Root M. P.* Love’s revolution: Interracial marriage. Philadelphia: Temple University Press, 2001.

9. *Demker M.* Både tolerans och kritik i attityderna till invandrare [Both tolerance and criticism in the attitudes towards immigrants]. In S. Holmberg & Weibull (Eds.), *Lyckan kommer, lyckan går: trettio kapitel om politik, medier och samhälle: SOM-undersökningen 2004 SOM-rapport [Happiness comes and goes: thirty chapters on politics, media and society: the SOM survey 2004 report]*. 2005.

10. *Gardyn R.* The mating game. *American Demographics*. 2002, July/August. Pp. 33–37.

11. *Osanami Törngren S.* Attitudes toward interracial marriages and the role of interracial contacts in Sweden. *Ethnicities*. SAGE Publications. 2016. No. 16(4). Pp. 568–88. DOI: 10.1177/1468796816638400.

12. *Fisman R., Iyengar S. S., Kamenica E., Simonson I.* Gender Differences in Mate Selection: Evidence From a Speed Dating Experiment. *The Quarterly Journal of Economics*. Oxford University Press (OUP). 2006. No. 121(2). Pp. 673–697. DOI: 10.1162/qjec.2006.121.2.673.

13. *Ростовская Т. К., Сулейманов А. Д.* Жизнеспособность кросс-культурных браков в России и Азербайджане. *Вестник ВЭГУ*. 2017. № 2(88). С. 110–117.

14. *Wilson D. S., Jacobson C. K.* White attitudes towards Black and White interracial marriage. In: *Jacobson CK (ed.) American Families: Issues in Race and Ethnicity*. New York, London: Garland Publishing, 1995. Pp. 353–367.

15. *Kalmijn M.* Trends in Black/White intermarriage. *Social Forces*. 1993. No. 72(1). Pp. 119–146.

16. *Шарипова Р.* Иранская семья: история и современность. *Россия и мусульманский мир*. 2014. № 6(264). С. 124–142.

17. *Нури Т.* Кросс-культурное исследование особенности толерантности у жителей России и Ирана. *Вестник РГГУ*. 2010. № 17(61). С. 285–293.

18. *Jalali B.* Iranian families. In M. McGoldrick, J. Giordano, & N. Garcia-Preto (Eds.), *Ethnicity & family therap*. New York: Guilford Press, 2005. Pp. 451–467.

19. *Chaichian M. A.* First generation Iranian immigrants and the question of cultural identity: the case of Iowa. *International Migration Review*. 1997. No. 31(3). Pp. 612–627.

20. *Ruebelt S. G., Singaravelu H., Daneshpour M., Brown C. M.* Exploration of Cross-Cultural Couples’ Marital Adjustment: Iranian American Women Married to European American Men. *Current Psychology*. Springer Science and Business Media LLC. 201. No. 35(3). Pp. 437–449. DOI: 10.1007/s12144-015-9312-3.

21. *Салихов И. И.* Правовое положение супруги по законодательству Российской Федерации и исламской Республики Иран / И. И. Салихов, Э. Н. Малмир // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. № 2. С. 426–438.

22. *Хоссейна Р. З.* Брак и семья в правовой системе Исламской Республики Иран. *Известия Сочинского государственного университета*. 2014. № 4–2(33). С. 186–189.

23. *Nasiri M.* *Private International Law*, Agah Publications, 7th Edition, Tehran. 2000.

Сведения об авторах:

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1629-7780; PИНЦ Author ID 767943; Scopus Author ID: 57192987864.

Кучмаева Оксана Викторовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kuchmaeva@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0386-857X; PИНЦ Author ID: 496666; Scopus Author ID: 35183367300, Web of Science Researcher ID: L-9513-2015.

Мехди Афзали, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: mehdi afzali1991@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9577-5639; PИИЦ Author ID: 985696; Scopus Author ID: 57212506339; Web of Science Researcher ID: AAA-5621-2019.

Статья поступила в редакцию 03.06.2022; принята в печать 31.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

RUSSIAN-IRANIAN CROSS-CULTURAL MARRIAGES: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Tamarta K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Oksana V. Kuchmaeva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Mehdi Afzali

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: mehdi afzali1991@gmail.com

For citation: Tamarta K. Rostovskaya, Oksana V. Kuchmaeva, Afzali M. Russian-iranian cross-cultural marriages: a sociological analysis. *DEMIS. Demographic research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 59–70. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.5>. EDN: YLYFHY

Abstract. One of the characteristic features of the modern socio-demographic situation in the world is the increase in the number of cross-cultural marriages concluded between a man and a woman belonging to different socio-cultural strata of society, having their own cultural characteristics and value systems. There are no official statistics of cross-cultural marriages in Russia in the public domain, which actualizes the conduct of special sociological research. The conclusions of the article are based on the results of a pilot sociological survey conducted by a questionnaire survey of 153 respondents from Russia (Moscow) and Iran (Tehran) aged 18 to 60 years, who are in cross-cultural marriages, as well as having families based on cross-cultural marriage or being in an interethnic, interfaith environment (due to educational or professional activity). The results of the survey revealed the existence of different ideas about the family and marriage model for both Iran and modern Russia. The results obtained can be used to develop strategies for the development of socio-cultural interaction between Russia and Iran, in the public administration system, as part of efforts aimed at supporting cross-cultural families in the process of adaptation and familiarization with the norms and traditions of a new culture for a spouse.

Keywords: cross-cultural marriages, the phenomenon of cross-cultural marriages, the institution of the family, Russian-Iranian marriages, problems of interaction between different cultures, intercultural interactions.

References

1. Rostovskaya T. K. Rostovskaya N. A. The specifics of the life of cross-cultural marriages in modern Russian society. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2017. No. 1(45). – Pp. 68–73. (In Russ.)
2. Sullivan C., Cottone R. Culturally based couple therapy and intercultural relationships: a review of the literature. *The Family Journal*. 2006. No. 14(3). Pp. 221–225. DOI: 10.1177/1066480706287278.
3. Bochner S. Coping with unfamiliar cultures: Adjustment or culture learning? *Australian Journal of Psychology*. Informa UK Limited. 1986, No. 38(3). Pp. 347–358. DOI: 10.1080/00049538608259021.
4. Osanami Törnrgren S. “Attitudes Toward Interracial Marriages and the Role of Interracial Contacts in Sweden.” *Ethnicities* 16. No. 4. Pp. 568–588. DOI: 10.1177/1468796816638400.
5. Rostovskaya T. K., Egorychev A. M. *Modern russian realities and youth: problems and prospects of development*. In: Youth cultural space: Meanings and practices: Materials of the All-Russian Scientific and

Practical Conference, Moscow – Yalta, April 19–20, 2019. Ed. By T. K. Rostovskaya. Moscow – Yalta: Publishing House “Perspektiva”, 2019. Pp. 19–23. (In Russ.)

6. Romano D. Intercultural marriage: Promises & pitfalls (3rd ed.). *Yarmouth: Intercultural Press*, 2008. 226 p.
7. Bhugra D., De Silva P. Discussion paper. Couple therapy across cultures. *Sexual and Relationship Therapy*. Informa UK Limited. 2000, May. No. 15(2). Pp. 183–192. DOI: 1080/14681990050010763.
8. Root M. P. Love’s revolution: Interracial marriage. *Philadelphia: Temple University Press*, 2001.
9. Demker M. *Både tolerans och kritik i attityderna till invandrare [Both tolerance and criticism in the attitudes towards immigrants]*. In: S. Holmberg & Weibull (Eds.), *Lyckan kommer, lyckan går: trettio kapitel om politik, medier och samhälle: SOM-undersökningen 2004 SOM-rapport [Happiness comes and goes: thirty chapters on politics, media and society: the SOM survey 2004 report]*. 2005.
10. Gardyn R. The mating game. *American Demographics*. 2002, July/August, 33–37.
11. Osanami Törngren S. Attitudes toward interracial marriages and the role of interracial contacts in Sweden. *Ethnicities*. SAGE Publications. 2016, No. 16(4). Pp. 568–88. DOI: 10.1177/1468796816638400.
12. Fisman R., Iyengar S. S., Kamenica E., Simonson I. Gender Differences in Mate Selection: Evidence From a Speed Dating Experiment. *The Quarterly Journal of Economics* [Internet]. Oxford University Press (OUP). 2006. No. 121(2). Pp. 673–697. DOI: 10.1162/qjec.2006.121.2.673.
13. Rostovskaya T. K., Suleymanov A. D. Viability of Cross-Cultural Marriages in Russia and Azerbaijan. “*Vestnik VEGU*”. 2017. No. 2(88). Pp. 110–116. (In Russ.)
14. Wilson D. S., Jacobson C. K. White attitudes towards Black and White interracial marriage. In: Jacobson CK (ed.) *American Families: Issues in Race and Ethnicity*. *New York, London: Garland Publishing*, 1995. Pp. 353–367.
15. Kalmijn M. Trends in Black/White intermarriage. *Social Forces*. 1993. No. 72(1). Pp. 119–146.
16. Sharipova. R. Iranskaya sem’ya: istoriya i sovremennost’ (The Iranian family: history and modernity). *Russia and the Moslem world*. 2014. No. 6 (264). Pp. 124–142. (In Russ.)
17. Nuri T. Krosskul’turnoe issledovanie osobennosti tolerantnosti u zhitelej Rossii i Irana [Cross-cultural study of the peculiarities of tolerance among residents of Russia and Iran]. *RSUH/RGGU BULLETIN. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*. 2010. No. 17(60). – Pp. 285–293. (In Russ.)
18. Jalali B. Iranian families. In M. McGoldrick, J. Giordano, & N. Garcia-Preto (Eds.). *Ethnicity & family therapy*. New York: Guilford Press, 2005. Pp. 451–467.
19. Chaichian M. A. First generation Iranian immigrants and the question of cultural identity: the case of Iowa. *International Migration Review*. 1997. No. 31 (3). Pp. 612–627.
20. Ruebelt S. G., Singaravelu H, Daneshpour M, Brown C. M. Exploration of Cross-Cultural Couples’ Marital Adjustment: Iranian American Women Married to European American Men. *Current Psychology*. Springer Science and Business Media LLC. 2015. No. 35(3). Pp. 437–449. DOI: 10.1007/s12144-015-9312-3.
21. Salikhov I. I., Malmir E. N. *Pravovoe polozhenie suprugi po zakonodatel’stvu Rossijskoj Federacii i islamskoj Respubliki Iran [The legal status of a spouse under the legislation of the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran]*. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2017. Vol. 159. No. 2. Pp. 426–438. (In Russ.)
22. Radzhabi Z. Kh. Marriage and Family in Legal Frameworks in Islamic Republic of Iran. *Sochi Journal of Economy*. 2014. No. 4–2(33). Pp. 186–189.
23. Nasiri M. *Private International Law*, Agah Publications, 7th Edition, Tehran. 2000.

Bio note:

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; RSCI Author ID: 767943; ORCID ID: 0000-0002-1629-77-80; Scopus Author ID: 57192987864; Web of Science Researcher Id: F-5579-2018.

Oksana V. Kuchmaeva, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kuchmaeva@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0386-857X; RSCI Author ID: 496666; Scopus Author ID: 35183367300; Web of Science Researcher Id: L-9513-2015.

Mehdi Afzali, Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: mehdi afzali1991@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9577-5639; RSCI Author ID: 985696; Scopus Author ID: 57212506339; Web of Science Researcher Id: AAA-5621-2019.

Received on 03.06.2022; accepted for publication on 31.08.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.6

EDN: PLPMOX

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ В БЕЛАРУСИ

Злотников А. Г.*Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, Гомель, Беларусь**E-mail: zlot@tut.by*

Для цитирования: Злотников А. Г. *Репродуктивные процессы и репродуктивные установки в Беларуси // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 71–88. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.6>. EDN: PLPMOX*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы демографического развития и, прежде всего, состояние репродуктивных процессов в Республике Беларусь. На основе их анализа отмечается, что репродуктивные процессы в стране имеют тенденцию к обострению. Они порождают депопуляционные процессы и создают угрозу демографической безопасности. Анализируются результаты переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Дается интерпретация данных переписи о репродуктивных установках белорусских женщин. Делается вывод о роли субъективного фактора в демографических процессах и значимости активной демографической политики государства. Отмечается, что социальная демографическая политика в последние годы перестала быть государственной, а подчинена нужным, но ведомственным интересам. Формулируется положение о проведении демографической политики, направленной на формирование престижности семейных ценностей, ориентированных на стимулирование среднететных и многодетных репродуктивных установок.

Ключевые слова: рождаемость, тенденции репродуктивных процессов, репродуктивные установки, демографическая безопасность, перепись населения, Республика Беларусь.

Введение

Репродуктивные процессы в Республике Беларусь связаны с различными тенденциями в рождаемости. Одна из них – сложившаяся в стране демографическая структура, которая проецирует те или иные перспективы в демографическом развитии. Поэтому исследования репродуктивных процессов являются одним из важнейших направлений демографической и социологической науки, в том числе и белорусской научной мысли. Многогранные и разнообразные аспекты репродуктивных процессов в русскоязычном пространстве в различные исторические эпохи анализировали А. И. Антонов, В. Н. Архангельский, А. Г. Боброва, В. В. Бойко, Г. Б. Бондарская, В. А. Борисов, А. Я. Боярский, Д. И. Валентей, А. Г. Вишневецкий, А. Г. Волков, Л. Е. Дарский, В. В. Елизаров, А. Е. Иванова, В. М. Медков, С. А. Новосельский, Б. С. Павлов, В. П. Пискунов, В. И. Покровский, А. А. Раков, Н. С. Русанова, Л. Л. Рыбаковский, А. Б. Синельников, Б. Я. Смулевич, В. С. Стешенко, М. С. Тольц, Б. Ц. Урланис, А. Г. Харчев, Л. В. Чуйко, Л. П. Шахотько, Е. М. Щербакова, Н. Г. Юркевич и другие исследователи [1; 2; 3; 4; 5].

Обзор источников

В современной белорусской демографической и социологической науке основы анализа репродуктивных процессов заложены А. А. Раковым. Важной вехой в развитии национальной демографии является его объемная и фундаментальная монография «Население БССР» (1969 г.) [6]. С позиций репродуктивных процессов ученым впервые

представлена комплексная социально-экономическая характеристика демографических процессов страны за полувековую историю, значимой частью которых является характеристика процессов воспроизводства населения и изменения его половозрастной структуры. Им рассмотрена многогранность аспектов демографических процессов и в первую очередь их взаимосвязь и детерминированность различными явлениями общественной жизни. В 1960-е гг. им дана характеристика начавшегося процесса снижения рождаемости и системы факторов, обуславливающих это снижение. Обоснованный ученым в начале 1990-х гг. в его докторской диссертации методологически важным для понимания современных демографических тенденций (и предупреждающим) явился прогноз отрицательного сальдо естественного прироста населения в середине 1990-х гг.

Чисто репродуктивным процессам посвящена новаторская монография Л. П. Шахотько «Рождаемость в Белоруссии» (1975 г.) [7], в которой динамика и эволюция рождаемости в стране исследована за почти столетний период. Ею выявлены факторы тенденции снижения уровня рождаемости – структурные изменения в половозрастной и брачной структуре населения, изменения ценностных ориентаций, противоречия между расширением масштабов занятости и выполнением функций материнства. В другой работе автора «Воспроизводство населения Белорусской ССР» (1985 г.) [8] демографические процессы рассматриваются во взаимосвязи рождаемости с брачными и семейными отношениями, состоянием здоровья и миграции. Сложившиеся тенденции в рождаемости порождают существенные изменения в половозрастной структуре населения и, прежде всего, в уменьшении репродуктивного потенциала, что является определяющими факторами в отношении перспектив демографического развития Беларуси конца XX – начала XXI столетия.

Позже аналогичные тенденции были исследованы доцентом МГУ А. Б. Синельниковым в работе «Брачность и рождаемость в СССР» (1989 г.) [9], в которой выявлены проблемы влияния не только прямого, но и косвенного воздействия изменений в брачном состоянии на динамику рождаемости, прочности браков на уровень рождаемости, роста разводимости на сокращение рождаемости.

В основу данной статьи положены материалы переписи населения, проведенной Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь в 2019 году. Особый интерес представляют результаты ответов респондентов на вопрос 25 переписного листа «Планируете ли Вы рождение детей?»¹. Результаты исследования репродуктивных установок представлены во втором томе статистического сборника «Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года»². Опросом были охвачены 2 075 325 женщин в возрасте 18–49 лет, из которых: 1 236 988 чел. (или 59,6%) состояли в браке; 404 743 чел. (или 19,5%) в браке не состояли; 229 594 чел. (или 11,1%) были разведены; 105 833 чел. (или 5,1%) находились в незарегистрированных брачных отношениях и 36 538 чел. (или 1,8%) – вдовы. Небольшая часть (2,9%) респондентов на вопрос о брачном состоянии не ответила, но тем не менее в своих репродуктивных планах определились.

¹ Основные организационные и методологические положения переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Т. 1 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск: «Альтиора Форте», 2021. – 199 с.

² Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Статистический сборник. Т. 2 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск: «Альтиора Форте», 2021. – 487 с.

Результаты и обсуждение

В первую очередь рождаемость отражает тенденции в изменяющейся величине демографического потенциала, которым выступают женщины репродуктивного возраста, т. е. 15–49 лет. Данные национальных переписей населения (табл. 1) свидетельствуют о циклической зависимости формирования наиболее активного репродуктивного потенциала – возраста 20–39 годов, на долю которых в Республике Беларусь приходится почти три четверти рожденных детей.

Таблица 1.

Динамика численности женского населения Республики Беларусь по возрастным группам (по материалам переписей населения Республики Беларусь 1999, 2009 и 2019 гг., человек)³

Table 1.

Dynamics of the female population of the Republic of Belarus by age groups (based on the materials of the population censuses of the Republic of Belarus, 1999, 2009 and 2019, people)

	1999	2009	2019
Всего	5 327 616	5 089 768	5 061 973
в том числе:			
0–4	231 240	239 947	255 488
5–9	319 651	214 662	273 160
10–14	404 908	226 112	246 882
15–19	385 356	308 757	221 344
20–24	350 170	378 895	219 413
25–29	344 587	368 456	310 546
30–34	354 901	341 428	392 937
35–39	423 370	340 125	381 356
40–44	415 529	342 488	345 140
45–49	353 960	404 468	337 685
50–54	259 150	403 920	333 961
55–59	262 774	339 861	385 127
60–64	327 155	257 241	387 326
65–69	299 958	214 675	310 845
70 и старше	594 377	702 576	660 763
из них:			
0–14	955 799	680 721	775 530
0–19	1 341 155	989 478	996 874
15–49	2 627 873	2 484 617	2 208 421
20–39	1 473 028	1 428 904	1 304 252

Итак, наблюдается уменьшение величины репродуктивного потенциала, составившее по сравнению с предыдущими переписями в 2009 г. 94,54% и в 2019 г. – 88,88%, что коррелирует со сложившимся в конце второго десятилетия нынешнего столетия (табл. 2) уровнем низкой рождаемости. Такого низкого уровня рождаемости демографическая история Беларуси не знала. Последний год, о котором национальная статистика сообщила об уровне рождаемости в стране – 2019 год, когда число родившихся составило 87 602 чел. Как видно из таблицы, в новом тысячелетии самый низ-

³ Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2020. Статистический сборник. Т.1. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. – 776 с.

кий уровень рождаемости, составивший 88 512 чел., был зафиксирован в 2003 году. После этого в ходе реализации мероприятий, определенных Законом Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь»⁴ ситуация стала улучшаться. Высшего показателя рождаемости в XXI столетии страна достигла в 2015 г. (119 028 чел.), т. е. прирост за данный период составил около 30,5 тыс. чел., а затем рождаемость начала резко уменьшаться и к 2019 г. снизилась более чем на 31,4 тыс. чел. Среднегодовые темпы прироста рождаемости в начале нового тысячелетия составили 2,47%, а среднегодовые темпы снижения рождаемости в конце второго десятилетия XXI века оказались в 7,31%. Иными словами, снижение темпов рождаемости за более короткий период в этом двадцатилетии почти в 3 раза было большим предыдущего роста.

Таблица 2.

**Максимальное и минимальное число родившихся
в Республике Беларусь по десятилетиям в послевоенном периоде**

Table 2.

**The maximum and minimum number of births
in the Republic of Belarus by decades in the post-war period**

Периоды	Год и максимальное число родившихся, чело- век	Год и минимальное число родившихся, человек	Разница между максимальным и минимальным уровнем, человек / %
1951-1960	1958 – 207 700	1953 – 176 200	31 500 / 15,2
1961-1970	1961 – 194 239	1969 – 142 652	51 587 / 26,6
1971-1980	1980 – 154 432	1973 – 144 729	9 703 / 6,3
1981-1990	1983 – 170 510	1990 – 142 167	28 343 / 16,6
1991-2000	1991 – 132 045	1997 – 89 586	42 459 / 32,2
2001-2010	2009 – 109 263	2003 – 88 512	20 751 / 19,0
2011-2020	2015 – 119 028	2019 – 87 602	31 426 / 26,4

Официальная статистика как естественного, так и механического движения населения в Республике Беларусь с 2020 года отсутствует. Однако на сайте *countrymeters* приводится информация о том, что число родившихся в 2021 г. в Беларуси составило 110 671 чел., число умерших – 133 929 чел., естественный прирост – минус 23 251 чел., миграционный прирост – 24 007 чел., т. е. вроде бы общий прирост численности населения Республики Беларусь – положительный⁵, но национальная статистика этого не подтверждает. Исходя из данных, представленных на сайте *countrymeters*, а также данных Национального статистического комитета о численности населения Республики Беларусь, составившего на начало 2021 г. 9 349 645 чел., численность населения Беларуси на начало 2022 г. должна была бы быть 9 350 501 чел., а на самом деле, по данным того же Национального статистического комитета, составила на начало

⁴ Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» (от 4 января 2002 года; ред. от 09.09.2018). Кодексы, законы и законодательные документы Республики Беларусь. URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/2002/1218 (дата обращения: 25.04.2022).

⁵ Belarus population 2022. URL: <https://countrymeters.info/en/Belarus> (accessed on 03.04.22).

2022 г. всего 9 255 524 чел.⁶, оказавшись на 94 877 чел. меньшей, т. е. расхождение составило 95 633 чел. Это означает, что информация сайта *countrymeters* не соответствует реальной динамике изменения численности населения страны: данные о числе родившихся, как и миграционного прироста – явно завышены, а сведения о числе умерших – существенно занижены.

Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь информация о естественном движении населения страны за последние годы перестала публиковаться. Такая тенденция в работе статистических органов наблюдается в те периоды, когда демографические процессы характеризуются крайне негативными показателями, а с 2016 г. и особенно последних лет (2020–2021 гг.), они действительно не радуют.

Конечно, как и во многих странах, в таком снижении, во-первых, немалую роль сыграла пандемия COVID-19. Во-вторых, наряду с нею важным – сугубо демографическим фактором – стала предыдущая низкая рождаемость конца XX столетия, ибо родившееся в тот период малочисленное поколение ныне воспроизводит и малую рождаемость. В-третьих, особенно на рубеже конца 2010-х – начала 2020-х гг. в демографических процессах на порядок больше оказалось отрицательное сальдо миграции, связанное со значительным ростом протестной эмиграции белорусского населения в наиболее активном репродуктивном возрасте. И это сказывается на уменьшении репродуктивного потенциала страны.

В небольшом иммиграционном потоке преобладает пожилое население. Перед иммигрантами репродуктивного возраста на новом месте жительства на первый план выходят проблемы экономической и социальной адаптации, а перспективы рождаемости отодвигаются на более позднее время, на второй план. По нашим предварительным расчетам, в 2020–2021 гг. рождаемость в Беларуси упала до показателя значительно менее 80 тыс. чел. и может колебаться в пределах (небольшой плюс-минус в десятых долях) около 9%, т. е. она вроде бы на прежнем уровне, но за этими относительными величинами скрывается более чем на 94 тыс. чел. уменьшение численности населения Беларуси только за один календарный год, что в послевоенной демографической истории страны является антирекордом и что связано в том числе с уменьшением рождаемости.

Тенденции рождаемости в демографических процессах Беларуси

Рождаемость в репродуктивном потенциале (15–49 лет), на основе данных переписи населения 2019 г. (ответы тех респондентов, которые указали, что рожали и не рожали), в расчете на тысячу женщин возраста 15–49 лет – наименьшая: в г. Минске, составившая 1036 рождений и в Витебской области – 1214 рождений (см. табл. 3). Вместе с тем, если учесть и тех, кто не ответил на вопрос рожали они или не рожали, то перерасчет опубликованных данных дает иные – меньшие величины рожденных детей нынешнего репродуктивного потенциала: Беларусь в целом – 1180, в т. ч. в Брестской области – 1346, Витебской – 1154, Гомельской – 1240, Гродненской – 1267, Минской – 1245, г. Минске – 968 и Могилевской области – 1212. Однако будем исходить из официальных данных Белстата, ибо отклонение в численности не ответивших на вопрос находится в основном в пределах допустимых статистических отклонений –

⁶ Численность населения на 1 января 2022 г. и среднегодовая численность населения за 2021 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, поселков городского типа. Статистический бюллетень. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2022. – 30 с.

менее 5,0%: по Беларуси – 4,7%, наименьшее – в Гродненской области (2,9%). Больше допустимого статистическое отклонение – только в г. Минске – 6,6%.

Таблица 3.

Число рожденных детей на 1000 женщин соответствующей возрастной группы (по материалам переписи населения 2019 года) [5]

Table 3.

The number of children born per 1000 women of the corresponding age group (based on the 2019 census)

	Беларусь в целом	В том числе в региональном разрезе:						
		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минск	Минская область	Могилевская область
Всего	1541	1713	1521	1615	1630	1261	1628	1582
в том числе:								
15–19	22	24	22	25	20	15	25	27
20–24	363	455	374	437	380	204	417	434
25–29	1005	1165	1020	1098	1098	751	1069	1081
30–34	1462	1658	1426	1541	1590	1233	1528	1486
35–39	1673	1849	1595	1719	1755	1514	1734	1657
40–44	1650	1823	1569	1675	1719	1503	1706	1628
45–49	1591	1758	1511	1615	1679	1398	1652	1589
50–54	1644	1808	1850	1684	1738	1398	1713	1652
55–59	1747	1922	1712	1807	1829	1489	1817	1754
60–64	1827	1979	1789	1897	1894	1552	1932	1854
65–69	1855	2024	1806	1942	1933	1576	1966	1885
70 и старше	2066	2263	1978	2208	2128	1667	2190	2146
из них:								
15–49	1238	1397	1214	1298	1305	1036	1300	1271

Сложившиеся тенденции снижения рождаемости, отраженные в Таблице 3 о числе рожденных детей возрастных групп репродуктивного потенциала (в расчете на тысячу женщин соответствующей возрастной группы), характеризуют и будущую негативную демовоспроизводственную ситуацию. Приведенные данные выявляют, что у поколения женщин, родившихся во второй половине 1940-х гг. и доживших до переписи 2019 г., показатели рождаемости, характерные для послевоенной демографической компенсации, в основном были еще близки к требованиям простого воспроизводства населения, но при этом имели постоянную тенденцию к снижению.

В разрезе пятилетних когорт у родившихся в начале 1960-х гг. наблюдаются самые наибольшие показатели его снижения: 80 рождений в расчете на тысячу женщин этой когорты. У родившихся во второй половине 1960-х гг. снижение данного показателя составило более чем 100 рождений, достигнув низкого показателя фертильности – 1591 рождений у женщин, которым в период переписи 2019 г. исполнилось 45–49 лет. Женщины, которым ныне 35–44 года, в свое время несколько улучшили репродуктивную ситуацию в Беларуси: 40–44-летние в расчете на тысячу женщин этой когорты ее повысили в сравнении с предыдущим пятилетием на 59 рождений, а 35–39-летние – еще на 23 рождения. Однако последующее поколение женщин – в возрасте 30–34 года установили антирекорд: снижение в расчете на тысячу женщин

данной возрастной группы составило более 200 рождений, последствия которого сказываются на нынешней репродуктивной ситуации.

В региональном разрезе тенденций демографического развития Республики Беларусь традиционно выделяются западные области (Брестская и Гродненская), восточные – приграничные с Россией (Витебская, Могилевская и Гомельская области), южные – полесские, граничащие с Украиной (Брестская и Гомельская области), а также центральные – столичная агломерация (г. Минск и Минская область). Интересно то обстоятельство, что внутри каждой из этих групп присутствуют регионы с различными демографическими тенденциями и уровнями демографического развития⁷.

Демографическое развитие западных областей отличается двумя важнейшими тенденциями: одна из них – численность населения Брестской области превысила довоенные показатели, а в Гродненской области численность населения оказалась на 280 тыс. меньше довоенного уровня; вторая – уровень рождаемости в Брестской области постоянно самый высокий в стране, а в Гродненской области – ниже среднего по Беларуси в целом. И хотя обе эти области граничат с Польшей, однако, удельный вес поляков в этнической структуре населения Гродненской области составляет 21,73%, а в Брестской области почти в 20 раз меньше – 1,10%.

В группе восточных областей, граничащих с Российской Федерацией, Гомельская область имеет показатель рождаемости выше среднереспубликанского уровня. Витебскую область в течение более полувека характеризует один из самых низких показателей рождаемости. Гомельская и Могилевская области являются в Республике Беларусь самыми пострадавшими регионами от техногенной чернобыльской катастрофы, но в демографическом плане их троих объединяет, во-первых, наиболее высокий среди областей уровень внебрачной рождаемости, а во-вторых, самые большие масштабы трудовой миграции на российском рынке труда.

Брестская и Гомельская области представляют группу южных регионов с наивысшими региональными показателями рождаемости. И только эти две области сумели в середине 1970-х гг. превысить довоенную численность населения. Вместе с тем, хотя по своему природному ареалу они входят в одну – полесскую зону, но территориально тяготеют к разным направлениям, о чем свидетельствует асимметричное расположение их областных центров: Брест – самый западный областной центр, Гомель – самый восточный областной центр.

Анализ территориальных особенностей демографического развития выявляет наиболее негативные тенденции репродуктивного поведения респондентов столицы и Витебской области. Сравнивая когортную рождаемость в расчете на тысячу женщин регионов с низкими показателями, увидим, что самая негативная демографическая ситуация присуща столице, которая в г. Минске была, по сравнению даже с Витебской областью, среди возраста 20–24 года – на 45,5 процентных пунктов хуже; 25–29 лет – на 26,4 пункта; 30–34 года – на 13,5; 35–39 лет – на 5,1; 40–44 года – на 4,2; 45–49 лет – на 7,5 процентных пункта. Низкая столичная рождаемость в наибольшей степени влияет на остроту депопуляционных процессов в Республике Беларусь, так как в столице зафиксирован самый высокий удельный вес женщин наиболее репродуктивного возраста среди других регионов Беларуси.

Кроме социальных причин таких низких показателей, о чем речь пойдет ниже, отметим и демографическую основу этого низкого уровня рождаемости в столице и в

⁷ Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2020. Статистический сборник. Т.1. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. – 776 с.

Витебской области. В этих двух регионах наиболее значительная гендерная диспропорция в сравнении с другими регионами – в них меньший удельный вес мужчин. Так, по переписи 2009 г., процент мужского населения в общей численности населения Витебской области составлял 46,24%, а Минска еще ниже – 45,94%. По материалам переписи 2019 г., гендерная диспропорция в этих регионах еще более ухудшилась: в Витебской области процент мужского населения составил 45,88%, а в столице – 45,75%.

Сравнение гендерного соотношения в областях в целом и в их областных центрах показывает, что в областных центрах гендерная диспропорция более высокая. Приведем величину удельного веса мужского населения в областях и соответственно в областных центрах по материалам переписи населения 2019 года: Брестская область – 46,40% и город Брест – 45,19%, Витебская область – 45,88% и город Витебск – 44,68%, Гомельская область – 46,17% и город Гомель – 45,17%, Гродненская область – 46,33% и город Гродно – 45,61%, Минская область – 46,35% и город Минск – 45,75%, Могилевская область – 46,54% и город Могилев – 45,79%. Вроде бы разница в процентах небольшая, но, к примеру, в г. Витебске в количественном измерении такая относительная разница дает около 40 тыс. чел. Если же рассматривать не общее гендерное соотношение, а в наиболее активном репродуктивном возрасте, то ситуация еще более негативная, что сказывается и прямо, и косвенно на брачном состоянии и динамике рождаемости. Хотя, естественно, мужчины не рожают, но мужская природа в репродуктивных процессах такова, что они в большей степени, чем женщины, заинтересованы в продолжении рода. И меньшая численность заинтересованных в продолжении рода косвенно влияет на остроту депопуляционных процессов.

Материалы переписи населения 2019 г. характеризуют итоги вклада в рождаемость в процесс демовоспроизводства репродуктивного потенциала областей Республики Беларусь, отраженных в Таблице 4.

Таблица 4.

Репродуктивный вклад в процесс демовоспроизводства репродуктивного потенциала областей Республики Беларусь (по материалам переписи населения 2019 года)

Table 4.

Reproductive contribution to the process of reproduction of reproductive potential regions of the Republic of Belarus (based on the 2019 population census)

В возрасте		Беларусь – в целом	В том числе по областям:						
			Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Минск	Могилевская
15–49 лет	Всего женщин	2 208 421	305 593	256 723	322 798	225 626	332 588	532 458	252 635
	из них родившие	1 515 679	220 088	179 647	228 718	159 898	235 154	325 990	166 184
	% родивших	68,63	72,02	69,98	70,85	70,87	70,70	61,22	65,78
из них в возрасте: лет									
15–19 лет	Всего женщин	221 344	30 684	23 973	30 840	23 950	32 221	57 141	22 535
	из них родившие	3 988	610	453	660	401	688	665	511
	% родивших	1,80	1,99	1,89	2,14	1,67	2,14	1,16	2,27

В воз- расте		Беларусь – в целом	В том числе по областям:						
			Брест- ская	Витеб- ская	Гомель- ская	Гроднен- ская	Мин- ская	Минск	Могилев- ская
20–24 лет	Всего женщин	219 413	28 288	23 397	32 298	22 494	32 648	58 335	21 963
	из них родив- шие	55 835	8 828	6 389	9 720	6 076	9 549	8 536	6 737
	% родивших	25,45	31,21	27,31	30,09	27,01	29,25	14,63	30,67
25–29 лет	Всего женщин	310 546	41 976	35 211	44 062	30 729	47 246	80 721	30 601
	из них родив- шие	195 726	29 158	22 795	29 622	21 137	31 506	40 601	20 907
	% родивших	63,03	69,46	64,74	67,23	68,79	66,69	50,30	68,32
30–34 лет	Всего женщин	392 937	51 680	45 158	55 506	38 644	59 573	102 105	40 271
	из них родив- шие	321 728	44 184	37 257	46 742	33 252	50 000	76 376	33 967
	% родивших	81,89	85,50	82,50	84,21	86,05	83,93	74,80	84,35
35–39 лет	Всего женщин	381 358	52 662	43 766	55 547	37 523	57 327	93 859	40 672
	из них родив- шие	330 362	46 627	37 831	48 756	33 494	50 271	77 982	35 401
	% родивших	86,63	88,54	86,44	87,77	89,26	87,69	83,08	87,04
40–44 лет	Всего женщин	345 140	49 873	41 735	52 554	34 766	51 846	75 288	39 078
	из них родив- шие	306 026	45 004	36 589	46 777	31 471	46 384	64 990	34 811
	% родивших	88,67	90,24	87,67	89,01	90,52	89,46	86,32	89,08
45–49 лет	Всего женщин	337 685	50 430	43 483	51 991	37 530	51 727	65 009	37 515
	из них родив- шие	301 964	45 677	38 333	46 441	34 067	46 756	56 840	33 850
	% родивших	89,42	90,58	88,16	89,33	90,77	90,39	87,43	90,23

В демографическом аспекте эта гендерная диспропорция подтверждается тем, что во всех возрастных когортах г. Минска рождаемость – наименее высокая. В возрастной группе 20–24 года процент родивших в г. Минске составил 14,63%, что более чем в 2 раза ниже по сравнению с другим регионом, входящим в столичную агломерацию – Минскую область. И вообще показатели рождаемости во всех возрастных когортах столицы – наиболее низкие. Низкие показатели рождаемости во всех возрастных когортах характерны и для Витебской области.

Репродуктивные установки и перспективы демографического развития Беларуси

Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь при проведении переписи населения 2019 г. в опросный лист был включен ряд вопросов, связанных с репродуктивными планами женщин в возрасте 18–49 лет⁸. Результаты ответов респондентов на вопрос 25 переписного листа «Планируете ли Вы рождение детей?» с вариантами «да», «нет» и «затрудняюсь ответить», отраженные в Таблице 5, характеризуют субъективный фактор демографического развития.

⁸ Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Статистический сборник. Т. 2.

Таблица 5.

**Общие итоги регионального распределения ответов респондентов
на вопрос 25 переписного листа переписи населения 2019 г.
«Планируете ли Вы рождение детей?» (процент к итогу)**

Table 5.

**General results of the regional distribution of respondents' responses
to question 25 of the 2019 census questionnaire
“Are you planning to have children?” (percentage of the total)**

Возраст	Беларусь в целом	В том числе в региональном разрезе:						
		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Город Минск	Минская область	Могилевская область
Планируют иметь детей								
18–49	30,81	29,75	29,63	29,42	29,46	37,52	27,21	26,50
из них:								
18–19	58,31	60,04	55,45	57,75	59,06	59,14	56,45	59,21
20–24	61,93	64,67	56,78	61,93	62,91	63,81	59,01	60,11
25–29	53,51	54,85	53,22	52,12	53,85	58,82	48,81	48,14
30–34	39,21	37,84	39,22	37,59	36,08	46,79	34,27	34,31
35–39	25,83	24,28	22,66	24,75	23,03	32,18	21,48	22,51
40–44	7,44	7,07	7,82	7,08	6,92	10,45	5,36	5,35
45–49	2,29	2,39	3,19	2,60	2,78	3,21	0,78	0,58
Не планируют иметь детей								
18–49	57,50	60,44	57,60	59,14	60,33	48,50	61,56	63,34
из них:								
18–19	12,46	11,18	14,71	12,72	5,02	14,06	8,83	11,53
20–24	16,64	12,73	15,01	14,23	14,26	15,70	22,02	23,89
25–29	32,41	32,69	30,50	32,69	33,07	26,42	37,77	40,64
30–34	50,54	54,65	49,82	52,80	56,45	40,52	55,15	55,89
35–39	66,35	69,21	64,84	67,61	70,55	56,21	69,06	65,88
40–44	84,21	86,17	82,34	84,78	86,05	78,43	87,93	87,69
45–49	90,82	92,60	88,91	91,42	91,84	86,09	93,32	93,51
Затруднились ответить								
18–49	11,69	9,81	12,77	11,44	10,21	13,98	11,23	10,16
из них:								
18–19	29,23	28,78	29,84	29,53	35,92	26,80	34,62	29,26
20–24	21,43	22,60	28,21	23,84	22,83	20,49	18,97	16,00
25–29	14,08	12,46	16,28	15,19	13,08	14,76	13,42	11,22
30–34	10,20	7,51	10,96	9,61	7,47	12,69	10,58	9,80
35–39	7,82	6,51	12,50	7,64	6,42	11,61	9,46	11,61
40–44	8,35	6,75	9,84	8,14	7,03	11,12	6,72	6,94
45–49	6,89	5,01	7,90	5,98	5,38	10,70	5,90	5,91

Результаты переписного опроса показывают, что только менее трети опрошенных (30,81%) в перспективе планируют иметь детей, но более половины других на данный вопрос ответили «нет» – 57,50%, а более восьми из ста опрошенных (11,69%) пока свою позицию не определили. Это означает, что демографическая перспектива Беларуси – неблагоприятная. И даже если среди затруднившихся с ответом собираются они рожать или нет, их выбор позже окажется в пользу рождаемости, то и это не улучшит демографическую ситуацию в стране. Среди тех, кто планирует рожать (а для тех, кто уже имеет детей – еще родить), по мере увеличения возрастной ко-

горты респондентов уменьшается их доля. Особенно резко уменьшается их доля, начиная с возрастной группы более 30 лет. Если в возрастной группе 25–29 лет планируют иметь детей 53,51% респондентов, то в возрастной группе 30–34 года – уже только 39,21%. И далее в каждой следующей возрастной когорте почти на 14 процентных пунктов наблюдается падение: желание улучшить демографическую ситуацию в возрастной группе 35–39 лет – 25,83%, 40–44 года – 7,44%. Определенный потенциал демографического роста в старших репродуктивных возрастных группах (40–49 лет) представляет отложенную рождаемость.

Среди тех, кто не планирует иметь детей, налицо следующая тенденция: по мере увеличения их возраста растет доля таких респондентов. Но особенно негативным является нежелание иметь детей у молодых респондентов. Так, каждая восьмая (12,46%) из сотни молодых женщин в возрасте 18–19 лет и каждая шестая (16,64%) в возрасте 20–24 года не планируют иметь детей. Причем, вероятно, что большинство из них еще не рожало. При этом интересно то обстоятельство, что если с каждой следующей возрастной группой растет доля не планирующих иметь детей, то среди затруднившихся с ответом, наоборот, то мере перехода в старшую группу, доля таких респондентов уменьшается. С одной стороны, еще не определившиеся в своем репродуктивном желании – это резерв демографического роста. Но, с другой стороны, не все роженицы к старшим репродуктивным возрастам приходят с хорошим для деторождения здоровьем, а значит существуют значительные проблемы возможного негативного физического и/или умственного состояния будущего ребенка.

Региональные характеристики репродуктивных установок белорусок выявляют, что (относительно – потому, что и он не отвечает перспективам демографического роста) более высокий репродуктивный потенциал присущ респондентам столицы, который составил 37,52%. В других областях он не превышает 30-ти процентного показателя: в четырех (Брестской, Витебской, Гомельской и Гродненской) областях разница составляет 0,33 процентных пункта, а наименьший показатель репродуктивных установок в Могилевской и Минской областях – соответственно 26,50% и 27,21%.

Анализ субъективного демографического фактора – намерения рожать или не рожать, согласно данным переписи населения 2019 г., показывает, что в демографическом развитии Беларуси не только сохранились, но и усиливаются негативные демографические тенденции. Важнейшей парадигмой демографических процессов в стране, равно как и на постсоветском пространстве в целом, является коренное изменение социального облика репродуктивного потенциала, воспитанного в иных условиях социальной, политической и экономической реальности. Но и для него существовавшие стимулы перестали играть стимулирующую роль: приоритетом, как свидетельствуют материалы переписи населения Республики Беларусь 2019 г., становится малодетная семья – прежде всего, с одним ребенком и реже с двумя детьми.

Большинство респондентов, а это 59,6% – состоящие в браке, 19,5% – в браке никогда не состоявшие, 11,1% – разведенные и разошедшиеся, 5,1% – состоявшие в незарегистрированных брачных отношениях, 1,8% – вдовы и 2,9% респондентов на вопрос о брачном состоянии не ответившие, тем не менее о своих репродуктивных планах ответ дали. При этом о своем желании родить в целом по всему репродуктивному массиву в 30,81% (см. табл. 6), а также у 30,57% респондентов, указавших свой брачный статус, такой показатель у тех, кто не указал свой брачный статус, подобные планы имели 39,30%, т. е. разбежка составила почти 9 процентных пунктов.

Таблица 6.

**Женщины репродуктивного возраста (18–49 лет),
планирующие иметь детей в зависимости от возраста и состояния
в браке (по материалам переписи населения Республики Беларусь
2019 года, процент от данной возрастной группы)**

Table 6.

**Women of reproductive age (18–49 years old)
planning to have children depending on age and marital status
(based on the materials of the population census of the Republic of Belarus 2019,
percentage of this age group)**

Возрастные группы	Итого	Состоящие в браке	Никогда не состоявшие в браке	Разведенные и разошедшиеся	Состоящие в незарегистрированных отношениях	Вдовы	Не указали состояние в браке
Всего	30,81	27,68	49,05	15,07	33,92	9,26	39,30
в том числе по возрастным группам:							
18–19	58,31	74,19	57,08	62,11	69,55	60,00	60,83
20–24	61,93	70,76	57,08	47,31	66,27	36,92	65,09
25–29	53,51	52,63	58,70	42,43	55,18	25,93	57,33
30–34	39,21	36,52	53,40	31,79	47,67	38,78	57,19
35–39	25,83	23,03	37,20	20,02	39,81	24,27	52,25
40–44	7,44	7,38	10,46	5,15	9,10	4,45	12,53
45–49	2,29	3,06	2,43	0,81	0,74	0,44	0,43

Анализ репродуктивных намерений женщин возраста 18–49 лет иметь детей выявляет, что в большинстве возрастных когорт высокие показатели у тех опрошенных, которые не указали свой брачный статус. Они «лидируют» в первую очередь в старших возрастных группах – 30–34 года, 35–39 лет и 40–44 года. Вторые показатели у них в возрастной когорте 25–29 лет и в целом по статусу. И третий показатель у этой группы – в возрастной когорте 20–24 года. Состоящие в браке в младших возрастных когортах – 18–19 лет и 20–24 года, а также в критическом репродуктивном возрасте (40–44 года и 45–49 лет) имеют самые высокие репродуктивные установки рожать. К сожалению, в средних возрастных когортах желание иметь детей (или еще иметь) у замужних женщин находится даже за пределами тройки ведущих. Это возрастные группы 25–29 лет, 30–34 года, 35–39 лет и по стране в целом.

Однако самые высокие показатели в планах иметь детей у той части женщин, которые в браке не состоят (49,05%). Причем значительной разницы между возрастными когортами у них нет – в трех возрастных группах 18–29 лет – это репродуктивное намерение находится в пределах 57–58%. Третий показатель потенциального демографического роста у состоящих в незарегистрированных брачных отношениях – 33,92%. Нет надежды на обеспечение демографического роста у тех женщин, семейная судьба которых не сложилась – у разведенных и разошедшихся, а также у вдов, находящихся в возрастных группах старше 40 лет.

Таблица 7.

Удельный вес женщин репродуктивного возраста белорусских областей планирующих иметь детей (по материалам переписи населения Республики Беларусь 2019 года, процент от данной возрастной группы)

Table 7.

The proportion of women of reproductive age in the Belarusian regions planning to have children (according to the materials of the population census of the Republic Belarus 2019, percentage of this age group)

Возраст	Беларусь в целом	В том числе в региональном разрезе:						
		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Город Минск	Минская область	Могилевская область
Всего	30,81	29,75	29,63	29,42	29,46	37,52	27,21	26,50
из них:								
18-19	58,31	60,04	55,45	57,75	59,06	59,14	56,45	59,21
20-24	61,93	64,67	56,78	61,93	62,91	63,81	59,01	60,11
25-29	53,51	54,85	53,22	52,12	53,85	58,82	48,81	48,14
30-34	39,21	37,84	39,22	37,59	36,08	46,79	34,27	34,31
35-39	25,83	24,28	22,66	24,75	23,03	32,18	21,48	22,51
40-44	7,44	7,07	7,82	7,08	6,92	10,45	5,36	5,35
45-49	2,29	2,39	3,19	2,60	2,78	3,21	0,78	0,58
Никогда не состоявшие в браке								
Всего	49,75	53,65	48,34	48,88	52,93	50,51	44,55	43,27
из них:								
18-19	57,08	58,26	54,09	56,36	57,89	57,68	55,35	58,52
20-24	57,08	59,19	53,64	56,90	57,74	57,59	56,16	57,84
25-29	58,70	67,82	63,58	62,60	67,34	55,21	51,67	49,64
30-34	53,40	67,55	60,14	57,12	64,89	51,24	41,28	39,43
35-39	37,20	50,38	41,85	41,21	48,54	36,03	24,63	23,61
40-44	10,46	9,93	7,53	8,32	9,19	16,64	9,25	8,03
45-49	2,43	2,74	1,08	2,12	2,27	4,20	2,15	1,39
Состоящие в браке								
Всего	27,68	26,41	27,34	26,65	26,03	34,59	24,23	23,79
из них:								
18-19	74,19	81,28	71,57	75,17	75,70	86,22	62,77	65,82
20-24	70,76	72,62	68,51	70,34	71,78	81,05	63,25	63,47
25-29	52,63	52,57	50,99	50,16	51,28	61,68	47,87	46,26
30-34	36,52	33,77	36,11	34,13	33,19	45,02	32,71	33,33
35-39	23,03	20,64	24,67	21,29	20,67	28,97	13,48	21,36
40-44	7,38	7,18	8,70	7,41	7,26	10,15	4,59	5,02
45-49	3,06	3,18	4,83	3,83	3,71	4,09	0,72	0,46
Состоящие в незарегистрированных отношениях								
Всего	33,92	33,53	30,18	32,49	30,40	40,70	30,72	29,76
из них:								
18-19	69,55	72,99	78,00	64,94	71,35	70,76	66,35	58,93
20-24	66,27	68,87	65,70	64,01	68,32	68,12	64,51	63,53
25-29	55,18	56,04	53,25	51,88	55,02	59,44	54,29	51,38
30-34	47,67	45,45	43,82	45,95	46,66	54,91	43,80	40,60
35-39	39,81	40,32	37,46	38,39	35,67	47,88	35,19	33,67
40-44	9,10	12,54	9,44	8,08	4,55	10,22	6,04	6,74
45-49	0,74	0,72	0,68	0,76	0,48	1,02	0,78	0,45

Возраст	Беларусь в целом	В том числе в региональном разрезе:						
		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Город Минск	Минская область	Могилевская область
Разведенные и разошедшиеся								
Всего	15,09	12,75	13,00	11,96	12,97	22,32	13,64	13,49
из них:								
18–19	62,11	30,00	61,54	53,85	77,78	74,16	40,00	40,00
20–24	47,31	46,98	43,57	42,94	45,41	53,15	46,37	49,60
25–29	42,43	42,26	36,75	37,88	41,09	48,92	41,59	39,77
30–34	31,79	28,83	28,58	26,59	27,02	41,88	28,39	28,86
35–39	20,02	15,14	19,74	16,51	16,44	29,15	16,53	19,34
40–44	5,15	3,79	5,18	4,55	4,37	8,02	3,98	4,45
45–49	0,81	0,76	0,59	0,62	0,64	1,41	0,69	0,69
Вдовы								
Всего	15,09	12,75	13,00	11,96	12,97	22,32	13,64	13,49
из них:								
18–19	60,0	-	-	-	75,00	-	-	-
20–24	36,92	37,50	44,44	42,86	22,22	50,0	11,1	45,45
25–29	25,93	30,67	30,61	21,95	12,20	35,17	17,28	20,63
30–34	38,78	43,90	45,71	32,30	30,60	39,43	34,70	17,50
35–39	24,27	28,37	23,34	13,01	23,45	22,40	33,54	1,46
40–44	4,45	3,09	2,50	5,14	2,23	4,00	8,04	2,49
45–49	0,44	0,29	0,28	0,41	0,34	1,08	0,33	0,58

Анализ репродуктивных намерений (иметь детей) у респондентов областей (табл. 7) показывает, что такие показатели наиболее высоки в г. Минске – 37,52% респондентов планируют иметь детей, что на 7,77 процентных пункта выше, чем у имеющей второй показатель перспектив демографического роста Брестской области. Во-вторых, их репродуктивные установки находятся в обратной корреляции с низким фактическим уровнем рождаемости в столице.

Самые высокие показатели репродуктивных установок у респондентов по брачному статусу среди никогда не состоявших в браке – 49,75%. В региональном разрезе в этой группе респондентов наиболее высокие репродуктивные планы в Брестской области – 53,65%, что более чем на 10 процентных пунктов больше, чем в Могилевской области, где данный показатель наименьший – 43,27%. Причем, среди не состоявших в браке намерение рожать в Брестской области наибольшее в следующих возрастных группах: 20–24 года – 59,19%; 25–29 лет – 67,82%; 30–34 года – 67,55%; 35–39 лет – 50,38%. В других возрастных когортах более высокие репродуктивные установки среди столичных женщин в возрасте 40–44 лет – 16,64% и 45–49 лет – 4,20%. И то, что репродуктивные установки у респондентов, никогда не состоявших в браке, даже менее 50% – это сигнал неблагополучия перспектив демографического развития в Республике Беларусь.

Вторая общность в Республике Беларусь по величине репродуктивного потенциала, имеющая намерение иметь детей – женщины, состоящие в незарегистрированных брачных отношениях – 33,92%, а наибольший уровень среди областей Республики Беларусь в столице – 40,70%, что почти на 11 процентных пункта превышает аналогичный показатель в Могилевской области. Среди респондентов молодых возрастов данный показатель более высокий: 18–19 лет – 69,55%; 20–24 года – 66,27%; 25–29 лет – 55,18%. Но в целом он не превышает двух третей респондентов, что так-

же с позиций перспектив демографического роста характеризует депопуляционные процессы.

Среди состоящих в браке планируют рожать 27,68%. Это наиболее низкий показатель по сравнению с другими группами респондентов по брачному статусу, и, очевидно, связан с тем, что многие из них уже имеют детей, о чем свидетельствуют данные ранее приведенные в таблицах 3 и 4. И считают на этом свою репродуктивную функцию уже выполненной. Причем наибольшее намерение рожать в брачной группе среди женщин областей Республики Беларусь приходится на столицу – 34,59%, что даже значительно выше – более чем на семь процентных пунктов – по сравнению с Витебской областью, имеющей в такой когорте второй показатель. Небезынтересно то, как и в целом по общему опросу, репродуктивные установки респондентов г. Минска и Витебской области находятся в обратной корреляции с самыми низкими фактическими уровнями рождаемости в данных территориально-административных регионах.

Среди разведенных и разошедшихся респондентов, а также вдовых – наименьшие репродуктивные установки, соответственно 16,09% и 9,26%. Но при этом, как и в остальных общностях, намерение рожать в региональном разрезе наивысшее у столичных респондентов: соответственно у разведенных и разошедшихся – 22,32%, а у вдовых – 11,79%. Это, безусловно, невысокий потенциал демографического роста.

В Республике Беларусь снижение первых рождений связано с сокращением численности населения, вступающего в брачный период. Уменьшение численности вторых рождений обусловлено, во-первых, возрастными поколенческими сдвигами, и, во-вторых, политикой «финансовой диеты», суть которой состояла в том, что с 2016 г. в пенсионном законодательстве при назначении пенсии произошла отмена учета «декретного отпуска» в трудовом стаже. В тоже время наблюдается некоторый рост третьих и последующих рождений. К сожалению, последняя тенденция не привела к обеспечению простого, не говоря уже о расширенном, демовоспроизводства.

Заключение

Основные направления решения современных демографических проблем, важнейшими из которых являются депопуляционные процессы, определены Законом Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь». К сожалению, начиная со второй половины прошедшего десятилетия, процесс преодоления депопуляции был пущен на самотек. Так, две последние государственные демографические программы – «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь»⁹ на 2016–2020 гг. и программа с таким же названием на 2021–2025 гг.¹⁰ – являются преимущественно ведомственными, наполненными мероприятиями в интересах Минздрава Республики Беларусь. Социальных мероприятий, подобно тем, что разрабатывались в первых программах по обеспечению демографической ситуации в стране, в них не предусмотрено. В результате в прописанных мероприятиях отсутствует решение основной цели – поставить преграду депопуляционным тенденциям. Эта ситуация требует пристального внимания и постановки

⁹ Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь 4 марта 2016 г., № 200.

¹⁰ Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2021–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь 19 января 2021 г., № 28.

решения проблем демографического развития в центр всей системы социальной и экономической политики Республики Беларусь.

Таким образом, репродуктивное поведение является важнейшей проблемой современного социально-экономического развития Беларуси в деле обеспечения демографической безопасности. Для решения всего комплекса демографических проблем, вставших перед страной, необходимо формирование новой парадигмы развития государственной демографической политики, способной предупредить и нивелировать большинство демографических угроз и способствовать формированию прогрессивного типа воспроизводства населения. На наш взгляд, в данной связи антидепопуляционными направлениями на основе анализа итогов переписи населения Республики Беларусь 2019 г. должны стать:

- постановка решения проблем демографического развития страны в центр всей системы социальной и экономической политики; примером для Беларуси может стать российский национальный проект «Демография»;
- осуществление мероприятий демографической политики в соответствии с социально-демографическими потребностями групп населения и региональными особенностями;
- разработка демографической политики, способствующей росту престижности семейных ценностей, ориентированных на формирование среднедетных и многодетных репродуктивных установок;
- стимулирование рождаемости путем прогрессивной поддержки семей и женщин, имеющих не менее двух малолетних детей и/или собирающих рожать второго и последующего ребенка;
- постоянная корректировка демографической политики;
- обеспечение системности и комплексности государственных демографических программ, выходящих за рамки ведомственных интересов.

Список литературы

1. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Региональная дифференциация результативности демографических процессов. Социально-трудовые исследования. Научно-практический журнал. 2020. № 3(40). С. 8–17.
2. Станишевская Л. С. Демографическая ситуация в Республике Беларусь и эффективность мероприятий по ее улучшению. Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. 2018. № 9. С. 16–23.
3. Вишневский А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens*. Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1. С. 6–33. DOI: 10.17323/demreview.v1i1.1825.
4. Шахотько Л. П. Модель демографического развития Республики Беларусь. – Минск: Беларуская наука, 2009. – 437 с. ISBN: 978-985-08-1109-7.
5. Тихонова Л. Е. Регулирование демографических процессов в Беларуси. – Минск: БГУ, 2002. – 264 с.
6. Раков А. А. Население БССР. – Минск.: Наука и техника, 1969. – 224 с.
7. Шахотько Л. П. Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы). – Минск.: Наука и техника, 1975. – 168 с.
8. Шахотько Л. П. Воспроизводство населения Белорусской ССР / Под ред. А. А. Ракова. – Минск.: Наука и техника, 1985. – 128 с.
9. Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в СССР. – М.: Наука, 1989. – 104 с.

Сведения об авторе:

Злотников Анатолий Геннадьевич, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, Гомель, Беларусь.

Контактная информация: e-mail: zlot@tut.by; ORCID ID: 0000-0002-8182-4970.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; принята в печать 02.08.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REPRODUCTIVE PROCESSES AND REPRODUCTIVE INSTALLATIONS IN BELARUS

Anatoly G. Zlotnikov

Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperation, Gomel,
Belarus

E-mail: zlot@tut.by

For citation: Anatoly G. Zlotnikov. Reproductive processes and reproductive installations in Belarus. *DEMIS. Demographic research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 71–88. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.6>. EDN: PLPMOX

Abstract. The problems of demographic development and, above all, the state of reproductive processes in the Republic of Belarus are considered. Based on their analysis, it is noted that reproductive processes in the country tend to worsen, they generate depopulation processes and pose a threat to demographic security. The article analyzes the results of the population census of the Republic of Belarus in 2019. The interpretation of the census data on the reproductive attitudes of Belarusian women is given. The conclusion is made about the role of the subjective factor in demographic processes and the importance of the active demographic policy of the state. It is noted that the social demographic policy has ceased to be state in recent years, and it is subordinated to the necessary, but departmental interests. The article formulates a provision on the implementation of demographic policy aimed at the formation of prestige of family values, aimed at stimulating medium- and large-child reproductive attitudes.

Keywords: fertility, trends in reproductive processes, reproductive attitudes, demographic security, population census, Republic of Belarus.

References

1. Rybakovskiy L. L., Kozhevnikova N. I. Regional differentiation of efficiency of demographic processes. *Social and labor research*. 2020. No. 3(40). Pp. 8–17. (In Russ.)
2. Stanishvskaya L. S. Demograficheskaya situatsiya v Respublike Belarus' i effektivnost' meropriyatiy po yeye uluchsheniyu [Demographic situation in the Republic of Belarus and the effectiveness of measures to improve it]. *Economic Bulletin of the Scientific Research Institute of Economics of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus*. 2018. No. 9. Pp. 16–23. (In Russ.)
3. Vishnevskiy A. G. The demographic revolution is changing the reproductive strategy of Homo sapiens. *Demographic Review*. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 6–33. DOI: 10.17323/demreview.v1i1.1825. (In Russ.)
4. Shakhotko L. P. *Model' demograficheskogo razvitiya Respubliki Belarus' [Model of the demographic development of the Republic of Belarus]*. Minsk: Belarusian Science, 2009. 437 p. ISBN: 978-985-08-1109-7. (In Russ.)
5. Tikhonova L. E. *Regulirovaniye demograficheskikh protsessov v Belarusi [Regulation of demographic processes in Belarus]*. Minsk: Belorussian State University, 2002. 264 p. (In Russ.)
6. Rakov A. A. *Naselenie BSSR [Population of the BSSR]*. Minsk: Science and technology, 1969. 224 p. (In Russ.)
7. Shakhotko L. P. *Rozhdaemost' v Belorussii (social'no-ekonomicheskie voprosy) [Birth rate in Belarus (socio-economic issues)]*. Minsk: Nauka i tekhnika, 1975. 168 p. (In Russ.)
8. Shakhotko L. P. *Vosproizvodstvo naseleniya Belorusskoj SSR [Reproduction of the population of the Belarusian SSR]* / Ed. by A. A. Rakov. Minsk: Science and technology, 1985. 128 p. (In Russ.)
9. Sinelnikov A. B. *Brachnost' i rozhdaemost' v SSSR [Marriage and fertility in the USSR]*. M.: Science, 1989. 104 p. (In Russ.)

Bio note:

Anatoly G. Zlotnikov, Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Department Laws and Economics of Theory of Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperation, Gomel, Belarus.

Contact information: e-mail: zlot@tut.by; ORCID ID: 0000-0002-8182-4970.

Received on 11.04.2022; accepted for publication on 02.08.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ РИНЦ

Талалаева Г. В.

Уральский федеральный университет; Уральский институт ГПС МЧС России,
Екатеринбург, Россия

E-mail: gvtalal@mail.ru

Для цитирования: Талалаева Г. В. Динамика представлений о механизмах формирования социальной идентичности молодежи: обзор публикаций РИНЦ // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 88–103. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.7>. EDN: RHMSYQ

Аннотация. Предмет исследования: феномен диссипации социальной идентичности молодежи в современном российском обществе. Цель: сопоставить отражение этого феномена в академическом и общественном сознании. Гипотеза: динамика и структура представления о социальной идентичности молодежи на современном этапе развития России в академическом и общественном сознании не одинакова. Гипотеза проверена на примере публикаций, включенных в базу РИНЦ. Выделено две категории публикаций: 1) научные журналы, диссертации; 2) материалы конференций. Первая отражает представления о социальных явлениях в сознании академического сообщества; вторая – в массовом сознании широкой научной общественности. Глубина поиска – 11 лет (2012–2021 гг.). В него вошли присоединение Крыма к России, пенсионная реформа, пандемия COVID-19, слияние двух фондов социальной поддержки населения (ПФ и ФСС). Объем эмпирических данных составил 86341 наименований публикаций. Представления авторов публикаций по изучаемому феномену фиксировались по пяти поисковым запросам: «социальная идентичность молодежи», «социальное обеспечение», «социальная защита», «социальная помощь», «социальная поддержка». Алгоритм взаимосвязи между указанными темами изучен с помощью парного корреляционного анализа. Установлено, что пик публикаций по указанным запросам совпал с трехлетним периодом 2016–2018 гг. Отражение проблемы социальной идентичности молодежи в академических изданиях на 4–6 лет предшествовало ее активному обсуждению в материалах конференций. В научных статьях и диссертационных исследованиях социальная идентичность молодежи рассматривается как частный случай самоорганизации сложных социальных систем, в материалах конференций – как отдельный элемент иерархически выстроенной детерминированной финансовой системы. Полученные результаты расценены нами как доказательство справедливости выдвинутой нулевой гипотезы. Возможные области применения результатов исследования: молодежная, социальная и демографическая политика государства на новом этапе социально-экономических реформ. Ограничением для внедрения результатов исследования в практику социального менеджмента может стать эффект инерционного общественного мнения и массового сознания, а также финансовые интересы отдельных лобби, в настоящий момент задействованных в реализации социальных проектов. Направления будущих исследований – целевой мониторинг трансформации массового сознания в соответствии с требованиями происходящей технологической революции.

Ключевые слова: молодежь, идентичность, диссипация, массовое сознание, технологическая революция.

Введение

Современный этап развития России характеризуется существенной трансформацией социально-экономической инфраструктуры общества. И такая трансформация усложняется повсеместной цифровизацией всех сфер жизни общества

большинства экономически развитых стран мира. Ускорение темпов четвертой промышленной революции, связанной с изменением технологического уклада, форм и способов социальной коммуникации, выбора и реализации профессиональной траектории трансформирует алгоритмы социализации личности, меняет структуру общественных отношений, задает условия для разрушения прежних традиционных ценностей и их замены новыми. Глобальный процесс трансформации ценностей имеет свои, очень значимые для социологии управления, аксиологические и поведенческие аспекты. К ним относится сегментация молодежи по таким критериям, как отношение к труду, детям, старшему поколению; выбор профессиональной и образовательной траектории; способность восприятия нового опыта и его успешная интеграция в межличностное общение, избираемые формы социальной активности, волонтерства, организации семьи, склонность к риску, уровень финансовой ответственности и др. Сегментация молодежи по перечисленным выше критериям отражается в ее социальной идентификации, создает условия для диверсификации процессов гражданской социализации, инициирует, на наш взгляд, процесс диссипации представлений о социальной идентичности молодых в массовом и групповом сознании россиян. Последнее опирается не только на техническую и технологическую, но в большей степени на мотивационную, коммуникативную и когнитивную неоднородность современной молодежи.

Гетерогенность и исключительное многообразие моделей социального поведения юношей и девушек свидетельствует о процессе диссипации социальной структуры общества. Образующиеся при этом кванты социального поведения могут быть формализованы в моделях узловых структур, которые, по мнению ряда авторов [1], идут на смену традиционным моделям управления и, как все гибридные системы, характеризуются исключительной гибкостью, мобильностью и пластичностью, уникальным сочетанием автономности и авторитарности.

Расценивать происходящие трансформации как краткосрочные и преходящие не представляется возможным, т. к. их причинами и триггерными механизмами служат объективные процессы технологической революции, мультиплицированные долго- и среднесрочными событиями, происходящими в экономической, социальной, политической и международной сферах. Ключевыми факторами данной трансформации являются повсеместная цифровизация, переход на дистантные формы общения, образования, ведения бизнеса, оказания медицинской помощи. Синергетическими факторами, ускоряющими процесс этой трансформации, выступает эхо перенесенной пандемии COVID-19. Оно регистрируется социальными психологами вне зависимости от географии исследований в виде роста пограничных состояний, случаев депрессии, агрессии, суицидов, опасного вождения автомобилей и т. п.

Молниеносная по историческим меркам, устойчивая и глубинная трансформация социальной самоидентификации молодежи сегодня становится дополнительным фактором диссипации общественных структур, и поэтому превращается в актуальный объект отдельного исследования, направленного на адаптацию технологий молодежной политики к новым реалиям современной России.

Отдельной темой исследований, посвященных вопросу оптимизации молодежной политики на современном этапе развития страны, на наш взгляд, является тема готовности молодых людей к самосохранению и выживанию в реальных условиях, оценки их способности противостоять возникающим социально-экономическим

угрозам и обеспечивать надежную основу для самореализации, находить и эффективно использовать новые источники и средства самообеспечения.

С точки зрения социального управления, принципиально важно то, что рассматривание диссипации социальной идентичности молодежи не только как объекта, но и как субъекта исследования, качественно меняет прикладное значение данной темы. Такой переход открывает новые перспективы для совершенствования молодежной политики. В частности, делает возможным использовать концепции и технологии поведенческого анализа в процессе модернизации молодежной политики, мишенную (таргетированную) организацию event-событий в работе с молодежью.

Количественными показателями актуальности указанного методологического перехода, его практической значимости могут служить данные наукометрического анализа базы РИНЦ. При этом, в соответствии с концепцией окон Овертона, статьи в научных журналах и сборниках конференций могут быть проанализированы как показатели позитивного восприятия массовым сознанием новых решений в области молодежной политики, принадлежащие соответственно к 4-й и 5-й фазе трансформации общественного мнения, а именно к фазе «Разумно» и к фазе «Популярно».

Обзор научной литературы

В научном дискурсе социальная идентичность понимается как осознание индивидом или группой людей своей принадлежности к определенной социальной общности, имеющее для ее членов эмоциональное и оценочное значение. А. Тэшфел обращает внимание на то, что социальная идентичность характеризуется с принятием индивидом определенного социального статуса, его роли, позиции в социуме и формируется путем ряда последовательных актов: осмысления социального окружения его структуры и типологизации, отождествления себя с выбранной социальной общностью и, наконец, полной интеграции в эту общность. Отметим, что согласно теории социальной идентичности А. Тэшфела, между различными общностями внутри социума существует консенсус относительно ролей и позиций, которые закреплены за каждой из групп. Это означает, что индивидуальное представление о принадлежности индивида к той или иной группе соответствует групповому представлению этой группы о своем предназначении в обществе, а групповое представление, в свою очередь, не противоречит структуре массового сознания и общественного мнения. Иными словами, социальная идентичность как феномен является механизмом консолидации социума на ментальном, когнитивном и аксиологическом уровне. Примечательно, что теория социальной идентичности предполагает наличие действенного компонента; включает в себя поведенческий анализ личности и/или социальной группы в зависимости от избранной ими социальной идентичности. Поведенческий анализ проводится по нескольким направлениям: межличностных и внутригрупповых отношений, способов достижения позитивной социальной идентичности, уровню индивидуальной мобильности, социальной креативности и конкуренции, выраженности коллективного нарциссизма, интенсивности проявлений наученной агрессии, склонности к пассивно-рентным установкам в обеспечении себя средствами существования и др.

В условиях стабильно развивающегося общества многие из перечисленных аспектов социальной идентичности уходят на второй план, т. к. представления о социальной инфраструктуре общества в массовом сознании остаются относительно неизменными длительный период времени. Наверное, именно поэтому в вузах страны

и, в частности в Уральском федеральном университете, при подготовке специалистов в области социологии основное внимание уделяется не феномену социальной идентификации в целом, а его отдельным составляющим. Что находит свое отражение в изучаемых дисциплинах. Акцент делается на инструментальный характер базовых концепций теории социальной идентичности, и в ракурсе выработки прикладных навыков и компетенций изучаются дисциплины «Гражданская социализация личности», «Личная эффективность и навыки управления», априори предполагая при этом, что сам процесс социальной идентичности уже завершен и осуществлен в соответствии с устоявшимися нормами и правилами, принятыми в обществе.

Однако в действительности процесс социальной идентичности молодежи не является статическим. Он активно модернизируется в условиях четвертой технологической революции, а в России ускоряется инфраструктурными социально-экономическими трансформациями. Кризис процесса социальной идентичности в условиях повсеместной цифровизации отмечен многими зарубежными авторами [2–10]. Российские социологи также фиксируют факт трансформации моделей взросления и формирования социальной активности молодежи на современном этапе развития страны и в отличие от прежних иерархически выстроенных системных мер гражданской социализации молодого поколения обозначают данный процесс «саморегулирующей жизнедеятельности молодежи» [11; 12].

Цитируемые исследования созвучны работам В. Т. Лисовского, в которых поколение назад была отмечена сложность, противоречивость, а порой и парадоксальность процесса социальной идентификации молодежи в условиях социально-экономического кризиса. В своей работе [13], датированной 2000 г., ученый писал: «Анализ духовных ценностей и социальных процессов является приоритетной задачей социологии. ...Современная молодежь России проходит свое становление в очень сложных условиях ломки многих старых ценностей и формирования новых социальных отношений. Отсюда растерянность и пессимизм, неверие в будущее. Растут агрессивность и экстремизм, шовинизм и криминальность. ...Однако кризис какого-либо явления отнюдь не равнозначен падению или исчезновению его социальной ценности. Наоборот, активная общественная критика может означать наличие ценностного конфликта в этой области, т. е. «чувства отклонения от идеала», несоответствия общественной потребности и наличию имеющихся обстоятельств. Одновременно это может означать смену ориентаций в данной области. ...средство выживания в новых условиях». В цитируемой работе приведены результаты исследовательского проекта «Динамика ценностных ориентаций молодежи России XX века», набор эмпирического материала для которого был осуществлен в период с 1963 по 1999 гг. Таким образом, на рубеже XX–XXI веков Лисовский заключил, что «Сегодня можно с полным основанием говорить о борьбе ценностей в массовом сознании и в жизни общества»; ссылаясь на В. П. Тугаринова, подчеркнул, что ценности людям нужны для удовлетворения потребностей и интересов, что даже базовые ценности могут существенно варьировать внутри одного демографического поколения. Например, отношение к труду у лиц с высоким уровнем образования воспринимается ими как способ самореализации, а у лиц, занимающихся неквалифицированным трудом, как средство существования. В условиях экономических катаклизмов структура ценностей может динамично модифицироваться, и задача социологов состоит в том, чтобы понять, в каком отношении находятся уходящие и нарождающиеся ценности, «какие ценности разрушаются, а какие остаются»; как происходит процесс смены ценностей и «на-

сколько predeterminedены эти процессы». При выполнении цитируемого проекта В. Т. Лисовский с коллегами зафиксировали факт диссипации сценариев поиска молодежью своего жизненного пути и описали несколько реализуемых вариантов:

1. Уход в прошлое;
2. Оппозиция к настоящему;
3. Интеграция в преступный мир и иллюзорный мир наркомании;
4. Поиск истины в обращении к богу и мистическим технологиям;
5. Отказ от культурных ценностей в пользу материальных с ориентацией на короткие социальные проекты с получением быстрых больших денег;
6. Приверженность родителям, успешно вписавшимся в рыночную экономику, как гарантам получения доступа к рычагам власти и вхождения в политические и экономические элиты;
7. Выбор автономного жизненного пути с дистанцированием от существующих традиций и опорой на собственную активность.

Оценивая перечисленные сценарии с точки зрения их социальной эффективности и значимости для прогрессивной эволюции общества в условиях социально-экономических реформ и катаклизмов, считаем целесообразным соотнести их с критериями жизнестойкости населения в условиях революций, сформулированными основателями социальной демографии Жаном Клодом Ахиль Гиляром и Жаком Бертильоном [14], а также с нормативно-правовой интерпретацией понятия жизненно важные интересы личности, общества и государства, приведенного в законодательстве Российской Федерации.

Сам факт диссипации социальной идентичности в условиях социально-экономических трансформаций не нов. О нем, как ключевом механизме, определяющем возможность общества восстановиться после перенесенных катаклизмов, упоминали в своих работах французские демографы XIX в. Не используя данный термин, Жан Клод Ахиль Гиляр и Жак Бертильон изучили аксиологические, поведенческие, гражданские, интеллектуальные, моральные и физические характеристики народонаселения как показатели устойчивости и жизнестойкости населения в эпоху перемен. Ими были выделены четыре аспекта демографического поведения, программирующего народонаселение на восстановление после кризиса: средства к жизни, брачное, репродуктивное и деструктивное. Весьма значимым, на наш взгляд, является тот факт, что названные авторы в качестве гаранта выживаемости обозначили средства к существованию, а эффективность брачного и репродуктивного поведения рассматривали как производные этого доминирующего признака. Если экстраполировать выводы основателей социальной демографии на результаты исследовательского проекта «Динамика ценностных ориентаций молодежи России XX века», то можно заметить, что ни один из сценариев социальной идентификации молодежи, названных В. Т. Лисовским, не подпадает под успешный алгоритм, описанный французскими социологами: «обеспечить себя средствами к существованию, интеграции в социум путем брачного и репродуктивного поведения и избежания деструктивных форм социальной активности».

Эксперты ООН подтверждают многогранность феномена жизненно важных интересов личности, фиксируют тот факт, что структура жизненно важных интересов для каждого человека может меняться в зависимости от обстоятельств, и выделяют три главные составляющие такого феномена: жизнь и здоровье; благосостояние; доступ к информации. Примечательно, что вторая составляющая – благосостояние

– может быть достигнута двумя прямо противоположными способами: конструктивно-созидательным и пассивно-рентным. К ним в эпоху войн и революций добавляется третий вариант – агрессивно-деструктивный, который, как и безопасность, является предметом специальных законов и подзаконных актов, в т. ч. в области международного права.

Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ¹ понятие безопасность определяет как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства; обозначает безопасность как коренную потребность человека, включающую в себя материальные, социальные и духовные оставляющие; рассматривает личность одновременно как объект и субъект безопасности; фиксирует несоответствие жизненно важных интересов личности, общества и государства и допускает нарушение интересов личности в экстремальных ситуациях для обеспечения жизненных интересов общества и государства; предполагает возможность возникновения конфликтов интересов и регламентирует порядок их разрешения в виде письменного обращения граждан за разъяснениями в соответствующие инстанции и запрета на публичные акции протеста. Иными словами, законодатель допускает наличие диссипации социальной идентичности граждан и углубление этого процесса в период социально-экономических трансформаций.

Сопоставление указанных юридических норм с перечнем сценариев социальной идентификации молодежи, описанных В. Т. Лисовским, позволяет сделать вывод о том, что в период установления в России рыночных отношений большинство сценариев, если не все, осуществлялись в формате нарастания противоречий и конфликтов между жизненно важными интересами личности, с одной стороны, общества и государства – с другой.

Данный факт актуализирует тему настоящей статьи и побуждает нас проследить динамику социальной идентичности молодежи, сложившуюся после публикации материалов В. Т. Лисовского до настоящего времени. Уральские социологи осуществляют многолетний мониторинг динамики ценностей студенческой молодежи [15; 16]. Результаты этих лонгитюдных исследований свидетельствуют о том, что структура ценностей уральского студенчества в период с 1995 по 2016 гг. характеризуется переходным, амбивалентно-транзитивным характером, в котором сочетаются такие качества, как «нелинейность и иерархичность, устойчивость и динамичность, проективность и актуальность, универсальность и дифференцированность, эклектичность и диалектичность, традиционность и инновационность, институциональность и персональность» [15]. Сравнительный анализ двух массивов данных, приведенных в цитируемой монографии (табл. 79, с. 406 и табл. 82, с. 415) свидетельствует о тренде трансформации ценностей, который наблюдается в среде уральской молодежи. Он заключается, на наш взгляд, в том, что ценности семейно-брачных отношений уходят с лидирующих позиций на второй план, а на первый план выступает потребность в поддержании социальных контактов и связей, нивелируется потребность в богатстве, поиске интересной, творческой работы и самореализации. Примечательно, что за весь период мониторинга, ни в момент фоновых исследований 1995 г., ни в момент промежуточных итоговых опросов 2016 г. вопрос обеспечения себя средствами существования не был обозначен респондентами как актуальный и/или значимый.

¹ Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ. Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/12181538/> (дата обращения: 17.06.2022).

С точки зрения методологии изложенных выше литературных данных представленные портреты уральских студентов и тренды их трансформации в течение одного демографического поколения (с 1995 по 2016 гг.) не являются убедительной основой для заключения о том, что студенческая молодежь Урала предрасположена к успешному преодолению кризиса социальной идентичности при продолжающихся социально-экономических трансформациях.

Исследования сотрудников кафедры социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета, проведенные летом 2020 г., позволили формализовать варианты социальной идентичности старшеклассников Свердловской области, принимающих участие в волонтерской деятельности [17]. Авторами установлено, что половина респондентов предпочитает быть исполнителями, но не организаторами мероприятий, выбирая для себя роль помощников (22 % респондентов) или наблюдателей (29 % респондентов). Обнаружен факт расхождения внешних и внутренних компотентов социальной идентичности респондентов: декларируя себя активными участниками волонтерского движения, респонденты не испытывают чувства ответственности за события, происходящие по месту их жительства. Механизм рекрутирования новых волонтеров в добровольческое движение из числа старшеклассников с точки зрения социальной идентификации также оказался не гармоничным. Внешне позиционируя себя волонтерами, внутренне респонденты не ассоциируют себя с представителями волонтерского движения, т. к. стали участниками такого движения по настойчивой инициативе педагогов образовательных учреждений при незначительной роли ближайшего окружения и профессионального сообщества организаторов социальной активности. Авторами цитируемого исследования зафиксирована устойчивость социальных ролей, избранных респондентами: при повторных участиях в волонтерских акциях лица, первоначально выбравшие роли наблюдателей и/или помощников, не стремились занять более активную, инициативную и творческую роль организаторов событий. Описанные сценарии социальной активности старшеклассников, по нашему мнению, свидетельствуют о наличии акмеологического конфликта в структуре социальной идентичности респондентов и позволяют прогнозировать их недостаточную эффективность в случае необходимости брать на себя ответственность за построение траектории собственной жизни и поиске новых источников средств существования в переходные этапы социально-экономического развития страны.

Разобщенность сценариев жизни молодежи и общества в целом как целостной, эмерджентной системы следует также из материалов социологического исследования, изложенных в книге [12]. Изучение смысловых ценностей молодежи, проведенное в 2020 г., т. е. в разгар пандемии COVID-19, Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН по репрезентативной выборке в 28 населенных пунктах 7 субъектов Российской Федерации методом личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов (объем выборки 1155 человек), показало, что лишь одна треть молодых людей в возрасте от 30 до 35 лет признает в качестве личных значимых ценностей «проявление своей индивидуальности (самореализацию) и продолжение себя в будущих поколениях», соответственно 39% и 29% от числа опрошенных респондентов (табл. 1.3.2, с. 33). Исходя из приведенных данных, можно полагать, что подавляющее большинство российской молодежи не идентифицирует себя с теми, кто считает необходимым качеством личности самообеспечение в нестабильных условиях жизни при бурно протекающих социально-экономических трансформациях.

Краткий обзор литературы, приведенный выше, с объективной неизбежностью ставит перед исследователями следующие вопросы. Отражается ли реально протекающий процесс диссипации социальной идентичности молодежи в общественном сознании? С какими технологиями управления социальными процессами соотносит диссипацию социальной идентичности молодежи научное сообщество? Какие способы нивелирования процесса диссипации социальной идентичности молодежи в качестве оптимальных рассматривают участники профильных научно-практических конференций? Каким образом государство может в сложившихся обстоятельствах наиболее успешно консолидировать общество: с помощью технологий социального обеспечения, социальной защиты, социальной помощи или социальной поддержки? Такое ранжирование в данной ситуации уместно, т. к. первые два вида социальной работы с населением ориентированы преимущественно на пассивно-рентный тип поведения людей, а вторые два – на их активную социально-экономическую позицию.

Актуальность, новизну и практическую значимость сформулированных вопросов ярко демонстрирует планируемое слияние Пенсионного фонда и Фонда социального страхования в единый социальный институт – Социальный фонд России или Соцфонд России². Целесообразность такого решения в экспертном сообществе обсуждается с 2018 г. В течение трех лет идея приобрела черты законотворческой инициативы и трансформировалась 20 мая 2022 г., когда в качестве законопроекта была внесена Правительством России на рассмотрение Государственной Думы. 08 июля 2022 г. Совет Федерации одобрил закон о создании единого Фонда пенсионного и социального страхования России. По мнению вице-премьера Т. А. Голиковой, работа Фонда в новом формате начнется с 1 января 2023 г. Но готово ли общество к запланированным изменениям?

Методология и методы исследования, источники информации

Для поиска ответов на поставленные вопросы нами проведен наукометрический анализ публикаций, включенных в базу РИНЦ на платформе elibrary. Глубина поиска – одиннадцать лет – с 2012 по 2021 гг. включительно. Поиск публикаций осуществлен по пяти запросам: «социальная идентичность молодежи», «социальное обеспечение», «социальная защита», «социальная помощь», «социальная поддержка». Каждый запрос детализировался в трех форматах: общее число публикаций; статьи в журналах перечня ВАК и диссертации; материалы конференций. Динамика публикаций материалов исследований в научных журналах и диссертациях интерпретировалась как отражение представлений о проблеме социальной идентичности молодежи в научном сообществе, в материалах конференций – как проявление пиар-акций, формирование общественного мнения и популяризация сформировавшихся научных парадигм. Сравнительный анализ временных рядов двух типов публикаций (в научных журналах и материалах конференций) использован для обоснования заключений о взаимовлиянии академического и общественного сознания, об их сходстве и различиях, как по временным параметрам, так и структурно-функциональным характеристикам, описывающим формирование представлений о кризисе социальной идентичности молодежи. Структурно-функциональный аспект феномена социальной идентичности молодежи в научном и общественном сознании был изучен с помо-

² Путин подписал закон об объединении ПФР и Фонда социального страхования. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/07/2022/62cfe3979a7947ef1c2b6168> (дата обращения: 17.06.2022).

щью парного корреляционного анализа, при котором вычислялись коэффициенты парных корреляций между количеством публикаций по запросу «социальная идентичность молодежи» и запросам «социальное обеспечение», «социальная защита», «социальная поддержка», «социальная помощь». Специфика применения парного корреляционного анализа в данном случае заключалась в том, что с его помощью мы искали ответ на вопрос: одинаков ли алгоритм взаимосвязи феномена социальной идентичности молодежи с отдельными формами социальной работы с населением в структуре научного и общественного сознания?

Результаты

Суммарно по всем пяти запросам поисковая программа базы РИНЦ предложила 86341 публикацию. На первом месте в рейтинге по числу публикаций оказались поисковые запросы «социальная поддержка» и «социальная помощь», соответственно 24712 и 24043 наименования. Второе место в рейтинге разделили поисковые запросы «социальная защита» и «социальное обеспечение», 16927 и 13153 наименования соответственно. Наименьшее число наименований было получено по запросу «социальная идентичность молодежи» (7506). Численные результаты поисковых запросов приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Количество публикаций по годам в зависимости от вида публикаций

Table 1.

Number of publications by years depending on the type of publications

Поисковый запрос	Годы публикаций									
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
По запросу «Социальная идентичность молодежи»										
Общее число публикаций	716	712	885	784	707	782	857	695	710	663
Статьи, диссертации	518	580	561	495	470	489	447	416	394	382
Материалы конференций	143	69	259	144	165	229	294	205	214	201
По запросу «Социальное обеспечение»										
Общее число публикаций	903	901	1209	1286	1379	1461	1653	1547	1431	1390
Статьи, диссертации	573	622	698	700	765	740	813	779	725	695
Материалы конференций	202	151	319	307	399	497	566	549	530	524
По запросу «Социальная защита»										
Общее число публикаций	1028	1128	1593	1835	2042	2028	1903	1758	1818	1838
Статьи, диссертации	739	754	796	950	1069	978	798	713	872	807
Материалы конференций	148	203	598	589	708	824	845	738	700	822
По запросу «Социальная помощь»										
Общее число публикаций	657	841	1142	1318	1350	1263	1449	1176	1206	1079
Статьи, диссертации	450	541	608	705	1179	821	685	673	769	734
Материалы конференций	53	113	147	390	635	572	493	523	503	528
По запросу «Социальная поддержка»										
Общее число публикаций	1300	1475	2039	2553	2713	2876	2832	2698	2974	3252
Статьи, диссертации	873	877	1038	1375	1389	1411	1209	1220	1471	1502
Материалы конференций	220	373	705	753	893	1064	1220	1106	1178	1405

Примечательно, что в рейтинге по числу публикаций лидирующие позиции заняли те формы социальной работы с населением, которые связаны с краткосрочными финансовыми выплатами гражданам, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях. На второй план в научных и общественных интересах авторов отошли вопросы долгосрочного, в том числе пожизненного, финансового обеспечения граждан, регламентированного законодательно. Стратегически значимые проблемы трансформации социальной идентичности молодежи, которая в обозримом будущем может стать целевой категорией населения по социальным выплатам, привлекла к себе наименьший интерес исследователей за анализируемый период времени.

За рассматриваемый нами одиннадцатилетний период пики публикационной активности по темам, касающимся различных форм социальной работы с населением, приходились на трехлетний интервал – с 2016 по 2018 гг., что в хронологическом плане на 6–4 года опережает законотворческую инициативу по слиянию Пенсионного фонда и Фонда социального страхования в единый Социальный фонд России, соответствует мероприятиям по интеграции Крымского полуострова в финансовую, экономическую, кредитную, правовую, энергетическую, транспортную и туристическую систему Российской Федерации после присоединения Крыма к России в 2014 г., а также началу проведения в РФ пенсионной реформы. Указанная хронология была типична не только для динамики общего числа публикаций, но также и для их составляющих, относящихся к публикациям академического и научно-публицистического характера.

Интерес научного сообщества к теме социальной идентичности молодежи обладал некоторыми специфическими чертами по сравнению с вышеописанными хронологическими закономерностями. Максимум публикаций академического характера по этому запросу наблюдался в 2013 г., т. е. предшествовал событиям, упомянутым выше. График общего числа публикаций по запросу «социальная идентичность молодежи» имел два пика, приуроченных к 2014 и 2018 гг. и хронологически совпадал с началом событий в Крыму и принятием закона о пенсионной реформе. Пик публикаций в сборниках конференций зафиксирован в 2018 г., т. е. с временным лагом в пять лет по отношению к пику публикаций в академических изданиях.

Таким образом, вынесение темы на общественную дискуссию широкой аудитории состоялось в тот момент, когда интерес научного сообщества к ней начал снижаться. На наш взгляд, наличие такого временного лага позволяет предполагать, что экстраполяция дискурса из академического сообщества на широкую аудиторию осуществлена после достаточно полной и глубокой проработки темы обсуждения.

Нами использован парный корреляционный анализ для уточнения характера связи между публикациями в академических изданиях и публикациями в материалах научных конференций. Коэффициент корреляции составил $-0,41$, что доказывает отсутствие подобия между этими двумя отражениями массового сознания и указывает на диссипацию представлений о социальной идентичности молодежи в массовом сознании россиян, вовлеченных в обсуждение данной темы.

Помимо хронологического подхода в работе исследована динамичность анализируемых социальных феноменов. Рассчитаны относительные величины прироста числа публикаций по анализируемым запросам по отношению к уровню 2012 г, принятому за фоновый. Установлено, что наиболее интенсивно увеличивался интерес исследователей к формам краткосрочной финансовой поддержки населения со стороны государства (+121,2% по запросу «социальная поддержка» и +120,5 % по за-

просу «социальная помощь»). Не так быстро рос интерес аудитории к проблемам долгосрочного социально-финансового обеспечения граждан (+98,5 % по запросу «социальная защита» и +83,1 % по запросу «социальное обеспечение»). Наиболее инертным, устойчивым и неизменным оказался интерес авторов публикаций к теме, обозначенной запросом «социальная идентичность молодежи» (+23,6 %). Такую ситуацию можно объяснить сложившейся в обществе традицией рассматривать российское государство как социально ориентированное, в котором любые социально-экономические риски граждан компенсируются выплатами из бюджета. Однако эта же ситуация может быть интерпретирована как дополнительный риск дестабилизации социально-экономического развития страны в среднесрочной перспективе.

Временная неоднородность интереса представителей академической и прикладной науки к проблеме социальной идентичности молодежи побудила нас исследовать структурно-функциональные характеристики представлений академической и широкой научной общественности о социальной идентичности молодежи как социальном феномене, взаимосвязанной с государственной политикой в области защиты населения. Для чего было проведено компаративное исследование результатов корреляционного анализа, выполненное по двум массивам данных. В первый массив вошли статьи, опубликованные в журналах перечня ВАК, и диссертации, во второй – публикации в материалах конференций. В каждом массиве данных парный корреляционный анализ был выполнен между количеством публикаций по запросу «социальная идентичность молодежи» и количеством публикаций по запросам «социальное обеспечение», «социальная защита», «социальная помощь», «социальная поддержка». Результаты корреляционного анализа приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Структурно-функциональная характеристика представлений авторов публикаций о феномене социальной идентичности молодежи, 2012–2021 гг.

Table 2.

Structural and functional characteristics of the ideas of the authors of publications about the phenomenon of social identity of young people, 2012–2021

Массив данных	Значение коэффициента парной корреляции с количеством публикаций по запросу «социальная идентичность молодежи» с количеством публикаций по запросам:			
	Социальное обеспечение	Социальная защита	Социальная помощь	Социальная поддержка
Статьи и диссертации	-0,53	-0,14	-0,36	-0,76
Материалы конференций	0,75	0,74	0,41	0,65

Из приведенных результатов корреляционного анализа следует, что представления о феномене социальной идентичности молодежи в академической среде и в среде пиар-менеджмента не только существенно различны, но по своему содержанию прямо противоположны. В академической среде феномен социальной идентичности молодежи рассматривается с точки зрения самостоятельности, относительной автономности молодежи, ее способности к самореализации, как инструмент инновационного развития общества, не зависящий напрямую от финансовых государственных дотаций. Более того, как следует из таблицы 2, между количеством публикаций на тему социальной идентичности молодежи и публикациями на тему социальной поддержки и социального обеспечения существуют сильные отрицательные связи,

указывающие на противопоставление таких понятий в групповом сознании академического сообщества.

Наоборот, в среде широкой научной общественности, выразившей свои взгляды в материалах конференций, социальная идентичность молодежи рассматривается как функция от финансовой политики государства. В массиве данных публикаций, включенных в сборники конференций, рост публикаций на тему социальной идентичности молодежи коррелирует с ростом публикаций по темам социальной помощи, поддержки, защиты и обеспечения. Причем по трем из четырех указанных тем присутствует сильная положительная связь. Это означает, что в массовом сознании современных россиян процесс социальной идентичности молодежи не представляется как сложная самоорганизующаяся система, но подлежит прямому директивному управлению со стороны государства путем регулирования финансовых отношений.

Обсуждение

На наш взгляд, приведенные результаты отражают неоднородность массового сознания, говорят о существенной роли ситуативных факторов, формирующих групповое сознание, т. е. о тех обстоятельствах, которые подробно описаны в трудах Б. А. Грушина на примере многолетних наблюдений, проведенных в 60–80-е гг. прошлого столетия. Опираясь на монографические исследования современных социологов, следует признать, что новый этап развития России модифицирует условия жизнедеятельности общества, ставит перед молодежью инновационные задачи, которые она пытается решить, используя собственные ресурсы саморазвития и самореализации, совершая действия и поступки, которые не всегда соответствуют представлениями о молодом поколении в массовом сознании россиян. Применение концепций самоорганизации к изучению феномена социальной идентичности молодежи, безусловно, перспективно с точки зрения эффективного стратегического менеджмента, но оно, к сожалению, противоречит устоявшемуся в обществе мнению о возможности прямого государственного управления поступками молодежи. Более того, интродукция модели саморегуляции социальной идентичности молодежи в массовое сознание россиян, по нашему мнению, чревато индуцированием протестных реакций со стороны населения, т. к. будет противоречить существующим ассоциативно-семантическим связям между понятиями «молодежь, прогрессивное развитие, безопасность» с одной стороны, и понятиями «защищенность, социально ориентированное государство, финансовые субсидии» – с другой. Бесконфликтная смена ценностей с приближением их к задачам прогрессивного развития и новой технологической революции – задача крайне сложная, требующая нестандартных подходов к своему решению и применения инновационных технологий, вопрос об этических границах использования которых может стать отдельной темой для дискуссий.

Заключение

Авторским анализом публикаций базы РИНЦ установлено, что динамика интереса научного сообщества и общественного мнения к теме социальной идентичности молодежи хронологически не совпадают друг с другом. Более того, интерес общественности к данной теме менее мобилен, чем в академической среде: он активизируется после того, как интерес научного сообщества достиг своего апогея и стал снижаться. Связь между этими событиями отрицательная и находится на уровне

средней силы ($r=-0,41$). В научном дискурсе, представленном в академической среде, феномен социальной идентичности молодежи противостоит представлениям о государственной защищенности населения посредством финансовых механизмов регулирования общественных отношений, а в дискурсе научно-практических конференций, наоборот, ассоциируется. Полученные результаты указывают на диссипацию представлений о феномене социальной идентичности молодежи в массовом сознании и появлении, как минимум, двух вариантов группового сознания по данному признаку. К сожалению, сложившиеся представления создают когнитивно-акмеологическую основу для рециклинга пассивно-рентных установок в череде поколений россиян. Адаптация массового сознания к новым реалиям развития России требует со стороны специалистов в области социального менеджмента высоких этических норм, смелого системного подхода к анализу возникающих ситуаций и ювелирной точности применяемых технологических решений.

Список литературы

1. Теория и практика принятия управленческих решений: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. И. Бусов, Н. Н. Лябах, Т. С. Сагкалиева, Г. А. Таспенова; под общей редакцией В. И. Бусова. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 279 с.
2. Клок К., Голдсмит Д. Конец менеджмента. – СПб.: Питер, 2004. – 368 с.
3. Мошелла Д. Путеводитель по цифровому будущему: отрасли, организации и профессии / Дэвид Мошелла; – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 215 с.
4. Machines that Think. Everything You Need to Know about the Coming Age of Artificial Intelligence. New Scientist Instant Expert. Hachette UK, 2017. 288 p.
5. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Ричард Талер; [пер. с англ. А. Прохоровой]. – М.: Эксмо, 2018. – 384 с. ISBN 978-5-04-091150-9.
6. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции; [пер. с англ.] / КЛАУС Шваб, Николас Дэвич. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.
7. Сринчек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. – 128 с.
8. Уотсон Р. Технологии против Человека: как мы будем жить, любить и думать в следующие 50 лет? / Ричард Уотсон; [пер. с англ. Л.И. Степановой]. – М.: Эксмо, 2020. – 320 с.
9. Файнберг-Иванов Д. «Недетские деньги: 100 500 способов заработать в 12–17 лет / Джейн Файнберг-Иванов, Кира Джейн. – Ростов н/Дону: Феникс, 2021. – 172 с.
10. Кучарски А. Законы эпидемий / Адам Кучарски; [пер. с англ. Ю. Гольдберга]. – М.: Синдбад, 2021. – 384 с. ISBN 978-5-00131-236-9.
11. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский и др.; науч. ред. Ю. А. Зубок. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. – 500 с.
12. Лисовский В. Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование) // Серия «Мыслители», Тугариновские чтения. Выпуск 1 / Материалы научной сессии. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 40–44.
13. Талалаева Г. В. Демография: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. – 120 с.
14. Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л. Н. Банникова [и др.]; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Ю. Р. Вишневского. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – 904 с. ISBN 978-5-321-02540-6.
15. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.): монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского; М-во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 372 с.
16. Певная М. В., Минченко Д. В., Чусовитин Н. А. Социальные городские проекты: управленче-

ские характеристики и виды молодежного участия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3(63). С. 79–87. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_79.

Сведения об авторе:

Талалаева Галина Владленовна, доктор медицинских наук, доцент, профессор, Уральский федеральный университет; Уральский институт ГПС МЧС России, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: gvtalal@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6923-0256; РИНЦ Author ID: 132946; Scopus Author ID: 19436378500; Web of Science Researcher N-8451-2017.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; принята в печать 08.09.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DYNAMICS OF REPRESENTATIONS CONCERNING MECHANISMS OF FORMATION OF SOCIAL IDENTITY OF YOUTH: A REVIEW OF PUBLICATIONS OF THE RSCI

Galina V. Talalaeva

Ural Federal University; Ural Institute of State Fire Service EMERCOM of Russia,

Yekaterinburg, Russia

E-mail: gvtalal@mail.ru

For citation: Galina V. Talalaeva. Dynamics of representations concerning mechanisms of formation of social identity of youth: a review of publications of the RSCI. *DEMIS. Demographic research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 88–103. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.7>. EDN: RHMSYQ

Abstract. The subject of the research is the phenomenon of dissipation of the social identity of young people in modern Russian society. Purpose: to compare the reflection of this phenomenon in the academic and public consciousness. Hypothesis: the dynamics and structure of the idea of the social identity of young people at the present stage of Russia's development is not the same in the academic and public consciousness. The hypothesis was tested on the example of publications included in the RSCI database. There are two categories of publications: 1) scientific journals, dissertations, 2) conference materials. The first reflects ideas about social phenomena in the minds of the academic community; the second is in the mass consciousness of the general scientific community. Search depth 11 years (2012–2021). It included the annexation of Crimea to Russia, pension reform, the COVID-19 pandemic, and the merger of two social support funds for the population (PF and FSS). The volume of empirical data amounted to 86341 titles of publications. The views of the authors of publications on the phenomenon under study were recorded according to five search queries: "social identity of young people", "social security", "social protection", "social assistance", "social support". The algorithm of the relationship between these topics was studied using paired correlation analysis. It was found that the peak of publications for these requests coincided with the three-year period 2016–2018. The reflection of the problem of the social identity of young people in academic publications preceded its active discussion in conference proceedings by 4–6 years. Fundamental differences are found in the ideas about the social identity of young people in the academic and public consciousness. In scientific articles and dissertations, the social identity of young people is considered as a special case of self-organization of complex social systems, in conference materials – as a separate element of a hierarchically built deterministic financial system. The results obtained are regarded by us as proof of the correctness of the null hypothesis put forward. Possible areas of application of the results of the study: youth, social and demographic policy of the state at a new stage of socio-economic reforms. The limitation for the implementation of the research results in the practice of social management may be the effect of inertial public opinion and mass consciousness, as well as the financial interests of individual lobbies currently involved in the implementation of social projects. Directions for future research – targeted monitoring of the transformation of the mass in accordance with the requirements of the modern technological revolution.

Keywords: youth, identity, dissipation, mass consciousness, technological revolution.

References

1. *Teoriya i praktika prinyatiya upravlencheskix reshenij: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury` [Theory and practice of managerial decision-making: textbook and workshop for undergraduate and graduate studies] / V. I. Busov, N. N. Lyabax, T. S. Satkalieva, G. A. Taspenova; Ed. by V. I. Busov. – Moscow: Izdatelstvo Yurayt Publishing House, 2019. 279 p. (In Russ.)*

2. Cloke K, Goldsmith J. *The end of management and the rise of organizational democracy*. SPb.:

Piter, 2004. 368 p. (In Russ.)

3. Moshella D. *Guide to the digital future: Industries, organizations and professions*; Moscow: Al'pina Publisher, 2020. 215 p. (In Russ.)

4. *Machines that Think. Everything You Need to Know about the Coming Age of Artificial Intelligence*. New Scientist Instant Expert. Hachette UK, 2017. 288 p.

5. Richard H. Thaler. *Misbehaving. The making of behavioral economics*; translation from English by I. A. Prohorova. Moscow: Eksmo, 2018. 384 p. ISBN 978-5-04-091150-9. (In Russ.)

6. Schwab K. *Shaping the Fourth Industrial Revolution* / K. Schwab, N. De'vich; translation from English. Moscow: Eksmo, 2018. 320 p. ISBN 978-5-04-095268-7. (In Russ.)

7. Srnicek N. *Platform capitalism*; translation from English M. Dobryakova: National Research University "Higher School of Economics". Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. 128 p. (In Russ.)

8. Watson R. *Digital vs Human: how we'll live, love, and think in the future*; translation from English by L.I. Stepanova. Moscow: Eksmo, 2020. 320 p. (In Russ.)

9. Feinberg Ivanov J. *"Non-childish" money: 100,500 ways to earn in 12–17 years* / J. F. Ivanov, K. Jane; translation from English. Rostov-on-Don: Feniks, 2021. 172 p. (In Russ.)

10. Kucharski A. *The rules of contagion. Why Things Spread and Why They Stop*; translation from English by Yu. Gol'dberg. Moscow: Sindbad, 2021. 384 p. ISBN 978-5-00131-236-9. (In Russ.)

11. *Samoreguljaciya zhiznedejatel'nosti molodezhi: metodologiya i social'ny'e praktiki: monografiya [Self-regulation of youth's life activity: methodology and social practices] : monograph* / Yu. A. Zubok, O. N. Bezrukova, Yu. R. Vishnevskij [and others]; Ed. by Yu. A. Zubok. – Belgorod: "Epicenter", 2021. 500 p. (In Russ.)

12. Lisovsky V. T. *Cennosti zhizni i kul'tury` sovremennoj molodezhi (sociologicheskoe issledovanie) [Values of life and culture of modern youth (sociological research)]*: The series "Thinkers", Tugarin readings. Issue 1 / Materials of the scientific session: St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2000. Pp. 40–44. (In Russ.)

13. Talalaeva G. V. *Demografiya: uchebno-metodicheskoe posobie [Demography: educational and methodical manual]*. – Yekaterinburg: UGTU-UPI, 2007. 120 p. (In Russ.)

14. *Student 1995–2016 gg.: dinamika sociokul'turnogo razvitiya studenchestva Srednego Urala [Student 1995–2016: dynamics of socio-cultural development of students of the Middle Urals]* : monograph / L. N. Bannikova [and others]; Ed. by Yu. R. Vishnevskiy. – Yekaterinburg: UrFU, 2017. 904 p. ISBN 978-5-321-02540-6. (In Russ.)

15. *Molodezh` o budushhem Rossii i o sebe: vy`zovy` nastoyashhego i konstruirovaniye gorizontov budushhego [Young people about the future of Russia and about themselves: challenges of the present and the construction of future horizons]* (based on the materials of the VIII stage of monitoring the dynamics of socio-cultural development of Ural students in 1995–2020.): [monograph] / Ed. by Yu. R. Vishnevskiy; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. – Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2021. 372 p. (In Russ.)

16. Pevnaya M. V., et al. Social'ny'e gorodskie proekty`: upravlencheskie xarakteristiki i vidy` molodezhnogo uchastiya. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2021. No. 3(63). Pp. 79–87. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_79 (In Russ.)

Bio note:

Galina V. Talalaeva, Doctor of Medical Sciences, Docent, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ural Institute of State Fire Service EMERCOM of Russia.

Contact information: e-mail: gvtalal@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6923-0256; RSCI Author ID 132946; Web of Science Researcher ID N-8451-2017; Scopus Author ID 19436378500.

Received on 19.06.2022; accepted for publication on 08.09.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.8

EDN: NQFFVC

ТВОРЧЕСКАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ В АСПЕКТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ОДАРЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Попова Н. В.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

E-mail: n.v.popova@urfu.ru

Ванькова М. А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

E-mail: vankova.maria@urfu.me

Шорсткая Л. М.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

E-mail: larisa.shorstkaia@urfu.me

Для цитирования: Попова Н. В., Ванькова М. А., Шорсткая Л. М. Творческая самореализация в аспекте профессиональной ориентации одаренной молодежи // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 104–115. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.8>. EDN: NQFFVC

Аннотация. Авторы предприняли попытку провести анализ творческой самореализации в аспекте профессиональной ориентации одаренной молодежи. Объект исследования – одаренная молодежь в возрасте от 14 до 18 лет включительно, участвующая в программах российского образовательного центра поддержки одаренных детей «Сириус». Предметом исследования являлись особенности творческой самореализации в аспекте выбора профессии молодежью в возрасте от 14 до 18 лет. Цель исследования: подготовка рекомендаций и предложений руководству центра «Сириус» по вовлечению молодежи в процесс выбора профессии в ходе творческой самореализации. Авторами выдвинуто предположение о том, что для одаренной молодежи в возрасте 14–18 лет свойственна неустойчивость в выборе как творческого, так и профессионального пути. Исследование проведено в образовательном центре «Сириус» методом анкетирования. Исходными данными стали деятельность центра «Сириус», в том числе отряда «Наука. Биология» и результаты анкетирования 16 воспитанников данного центра, возраст которых был от 14 до 18 лет включительно. Авторами выявлены и проанализированы особенности профессиональной ориентации одаренной молодежи, проблемы ее творческой самореализации и их взаимосвязь с выбором профессии. Результаты исследования могут быть использованы учреждениями, реализующими в России программы для одаренной молодежи. Научная новизна исследования заключается в том, что на основе изучения теоретических источников разработана программа эмпирического исследования творческой самореализации в аспекте профессиональной ориентации одаренной молодежи. А его практическая значимость – в выработке предложений и рекомендаций исследуемому учреждению по вовлечению одаренной молодежи в процесс выбора профессии на основе творческой самореализации, а также возможности использования результатов данного исследования при подготовке студентов по направлению 39.04.03 – Организация работы с молодежью по предмету «Менеджмент организационной, культурно-массовой, спортивной и научной деятельности».

Ключевые слова: творческая самореализация, творчество, одаренная молодежь, профессиональная ориентация, способности.

Введение

В стремительно изменяющемся мире современному обществу необходимы активные, профессионально обученные, разбирающиеся в сфере креативных индустрий граждане. Молодежь вследствие внешних факторов и внутренних убеждений часто отказывается от профессии по пути творческой самореализации. Поэтому, с одной стороны, принципиально важна подготовка к выбору творческого и профессионального пути вследствие того, что это считается обязательной частью всестороннего и гармоничного становления личности, что следует рассматривать в единстве с нравственным, трудовым, умственным, политическим, эстетическим и физическим совершенствованием личности, то есть в соответствии с системой учебно-воспитательного процесса. С другой стороны, профессиональная ориентация и творческая самореализация будущего поколения является не только проблемой педагогической, но и общественной. Социализация личности неразрывно связана с процессом самореализации, потому что позволяет человеку приобрести опыт, знания и полезные навыки, а также реализовать себя и найти свое место в социуме. Творческая деятельность является основой не только для творческой самореализации человека, но и для будущей профессии молодежи. Это, в свою очередь, поможет подготовить кадры для сферы креативных индустрий, творчества в России, которые необходимы современному социуму.

Обзор научной литературы

Феномен творческой самореализации молодых людей рассматривается в работах известных социологов, педагогов, культурологов, психологов и философов. Анализу творческой самореализации молодежи посвящены работы В. Н. Боряза, С. И. Иваненкова, С. Н. Иваненковой, В. Т. Лисовского, И. Р. Кона и других.

Остановимся на некоторых научных трудах, оказавших наибольшее влияние на процесс подготовки и проведения нашего исследования. Психологический аспект творческого становления личности рассмотрен в работах Д. В. Ушакова, А. Н. Адаскиной, М. Р. Битяновой и др. Их исследование по вопросам психологии одаренных детей содержит современные научные сведения о природе одаренности, методах ее выявления и развития [1, с. 37]. Так, в работе Е. В. Старобинец-Догляд исследованы структура, основные формы и параметры творческой самореализации, их смысловое наполнение, выделены типы саморегуляции свободного времени молодежи [2]. Ученый констатирует, что к индивидуализации процесса профессионального и творческого развития среди молодежи может привести только сотрудничество, а не авторитарное регулирование. Одновременно с этим, создание условий для творческой самореализации требует не только пересмотра роли участников процесса в его реализации, но и организационных программ. Атмосфера сотрудничества между молодежью и другими взаимодействующими с ними лицами должна быть дополнена специальными организационными мероприятиями [2, с. 45–46]. В свою очередь О. С. Парц анализирует проблему самореализации одаренных детей, рассматривает явление «одаренные дети» как феномен социально-педагогической действительности, придавая большое значение интеллектуально-творческой (исследовательской) деятельности, и отмечает, что творческая (исследовательская) активность – это важнейший инструмент самореализации и развития интеллектуально-творческого потенциала личности ребенка [3, с. 244]. А. И. Савенков проводит анализ исследовательского поведения школьников на пути к одаренности [4]. Т. О. Унагаева изучает особенности творческой самореализации молодежи в современном мире и делает

вывод о том, что в период молодости люди являются активными создателями, что прямым образом связано с вопросом творческой самореализации [5, с. 358].

Л. В. Гуляева и Г. З. Ефимова исследуют особенности профессионального самоопределения одаренной молодежи (на примере работающей молодежи Тюменской области). Они отмечают, что у профессионального самоопределения, безусловно, есть своя специфика. Самоопределение в выборе профессии – это, в первую очередь, осознанное познание собственных возможностей, выбор профессии состоит из двух гармонирующих частей: реализация своего потенциала и удовлетворение общественных потребностей [6, с. 94].

Е. А. Антропова проводит анализ профессиональной ориентации как научно-обоснованной системы подготовки молодежи к свободному и самостоятельному выбору профессии и выделяет тему поддержки молодежи, как со стороны семьи, так и со стороны образовательного учреждения. Мы разделяем ее мнение: важно готовить молодежь к тому, чтобы она свободно, самостоятельно выбирала профессию. Основой чего может стать научно обоснованная система подготовки молодых людей к осознанности этого самого выбора [7, с. 94].

Н. Гриценко считает, что, обсуждая проблемы инженерного дела и подготовки инженерно-технических кадров, особое внимание следует уделять вопросу состояния и развития научно-технического творчества детей и молодежи как резерва будущих кадров-ученых и специалистов, творцов научно-технического прогресса. Он выделяет следующие принципы, которые являются фундаментом научно-технической системы творчества со времен Советского Союза: развиваясь в сфере техники в юности, можно добиться больших успехов во взрослом возрасте; чтобы пробудить у молодежи осознанный и долговременный интерес к техническому творчеству, нужно не отказывать ребенку в удовлетворении его потребностей в изучении оснащения машин и различных приборных механизмов; создание такой среды, где в школе и за ее пределами имеются условия для практического решения несложных задач в области техники; помощь и сопровождение в получении навыка комплексно технически мыслить [8, с.33].

А. Н. Кононов рассматривает профессиональное ориентирование молодежи в современной российской школе как совокупность взаимосвязанных элементов и тех задач, которые ставятся перед психологической службой учебного заведения в современных экономических условиях. Он отмечает важную роль психолога-консультанта в процессе организации профессионального ориентирования молодежи, необходимость оказания квалифицированной помощи подросткам в ситуации профессиональной неопределенности. Он пишет: «если выявить способности, задатки и склонности у ребенка в раннем возрасте, то впоследствии это упростит его выбор профессии и само стремление осознанно определиться профессионально» [9, с. 256].

Нами также специально изучались вопросы спортивной одаренности молодежи, проводился анализ мирового и отечественного опыта работы со спортивно-талантливой молодежью, определялись возможности реализации спортивной одаренности молодежи, а также позитивные и негативные аспекты системы поддержки талантливой молодежи в спорте, существующей в Свердловской области [10].

Методология и методы исследования, источники информации

Настоящее исследование проводилось по заявке руководства центра поддержки одаренных детей «Сириус» в отряде «Наука. Биология». Совместно с руководством

отряда нами была определена цель исследования: подготовка рекомендаций и предложений руководству центра по вовлечению молодежи в процесс выбора профессии на основе творческой самореализации. Объектом исследования являлась одаренная молодежь в возрасте от 14 до 18 лет (включительно). Предметом исследования – стали особенности творческой самореализации в аспекте выбора профессии одаренной молодежью в возрасте 14–18 лет. В статье выдвинута гипотеза, базирующаяся на предположении о том, что для одаренной молодежи в возрасте от 14 до 18 лет свойственна неустойчивость в выборе как творческого, так и профессионального пути. Для доказательства этой гипотезы использованы методы анализа теоретических источников по теме исследования, анализа деятельности, анкетирования и сравнительного анализа данных. Исследование проведено в образовательном центре «Сириус» (г. Сочи) в мае 2022 г. Опрошены 16 респондентов – воспитанников отряда «Наука. Биология» центра «Сириус» в возрасте 14–18 лет (100% проходивших образовательную программу в майскую смену). В предложенной авторской анкете предусматривались вопросы, направленные на определение респондентами своего творческого пути, самооценки творчества; мотивации выбора будущей профессии и сформированности такого выбора; оценки деятельности образовательного центра «Сириус» в аспекте его реализации.

При проведении исследования нами использовались следующие понятия. Творческая самореализация – высший уровень самоактуализированной деятельности, которая может проявляться в разных направлениях [11, с. 161]. Творчество – это образование нового и устройство развития личности [11, с. 161]. Творчески одаренная молодежь – категория людей от 14 до 30 лет, характеризующаяся стремлением создавать новое и особой увлеченностью одним или несколькими видами творчества [12, с. 135]. Уточним, что в настоящее время, согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», возраст категории «молодежь» увеличен до 35 лет¹. Профессиональная ориентация – это система научно обоснованных психолого-педагогических и медицинских мероприятий, направленных на подготовку молодежи к выбору профессии с учетом индивидуально-психологических особенностей личности и потребностей общества [13, с. 74]. Способности – индивидуально-психологические особенности, определяющие успешность выполнения деятельности или ряда деятельностей, несводимые к знаниям, умениям и навыкам, но обуславливающие легкость и быстроту обучения новым способам и приемам деятельности [14, с. 354].

Результаты

Образовательный центр «Сириус» создан образовательным фондом «Талант и успех» на базе олимпийской инфраструктуры по инициативе Президента Российской Федерации В. В. Путина. Цель работы центра «Сириус» – раннее выявление, развитие и дальнейшая профессиональная поддержка одаренных детей, проявивших выдающиеся способности в области искусств, спорта, естественно-научных дисциплин, а также добившихся успеха в техническом творчестве. Образовательная программа рассчитана на 24 дня и включает в себя как занятия по специальности, так и развивающий досуг, мастер-классы, творческие встречи с признанными в своих областях

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/400156192/> (дата обращения: 01.07.2022).

профессионалами, комплекс оздоровительных процедур, а в течение учебного года – общеобразовательные занятия².

В соответствии с целью и задачами исследования были опрошены 16 человек – воспитанников центра (отряд «Наука. Биология»), среди них: 75% – девушки, 25% – юноши; 5% – в возрасте 14 лет, 43,8% – 15 лет, 17,2% – 18 лет. Большинство (93,8%) пока не имеют основного общего образования (9 классов).

Определение респондентами своего творческого пути. Самооценки творчества. Половина респондентов (50%) уделяет творчеству 1–2 часа в неделю (рис. 1).

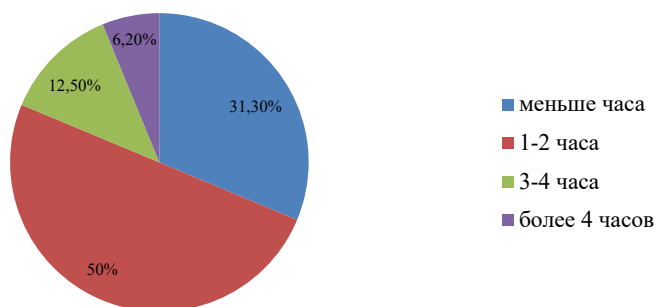

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Сколько времени Вы отдаете творчеству в неделю?», % от количества ответивших

Fig. 1. Answers to the question: “How much time do you give to creativity per week?”, % of the number of respondents

Большинство (81,3%) любит фантазировать на разные темы. При этом респонденты указали на то, что их фантазии связаны с настоящим, прошлым, будущим общества, мира, государства, а также близких людей и личным будущим. Они сообразили, что придумывают сюжеты будущих книг. Зачастую их фантазии связаны с абстракциями. Половина опрошенных считает себя изобретательными людьми. Более половины респондентов (62,5%) любят мастерить своими руками, четверть (25%) указали на то, что не любят, а 12,5% – затруднились с ответом. На вопрос: «С какими предметами и материалами Вы любите творить?», – преобладающими ответами стали «карандаши», «бумага», «краски».

Отвечая на открытый вопрос: «Что Вы испытываете при занятии творчеством?», – молодые люди ответили: «спокойствие», «удовольствие», «умиротворение», «возможность сконцентрироваться на себе и своем эмоциональном состоянии», «возможность выразить какие-то эмоции через творчество», «упорядочивание и систематизирование мыслей», «наслаждение», «злость, если что-то не получается», «счастье, иногда удивление полученному результату», «азарт», «расслабление».

На вопрос: «Нравится ли Вам делиться своими успехами в творчестве с окружающими?», – почти половина респондентов (43,8%) ответили «да», почти треть (31,3%) – «нет», остальные 25% затруднились ответить.

В свободное время воспитанникам центра более всего нравится читать книги (81,3%), слушать музыку (75%), встречаться с друзьями (56,3%), играть в компьютерные игры (25,0%).

² Сириус. Федеральная территория Сириус. URL: <https://sochisirius.ru/o-siriuse/obschaja-informatsija> (дата обращения: 07.06.2022).

Ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете возможности для реализации своего творческого потенциала?», – показали следующее. Большинство респондентов (68,8%) отметили: «У меня множество возможностей», что уже говорит о довольно благоприятной среде для развития способностей одаренной молодежи. Остальные ответы представлены на рисунке 2.

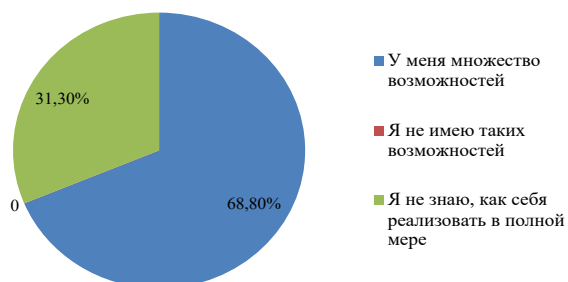

Рис. 2. Ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете возможности для реализации своего творческого потенциала?», в % от количества ответивших
Fig. 2. Answers to the question: “How do you assess the opportunities for realizing your creative potential?”, in % of the number of respondents

На один из основных вопросов: «Меняли ли сферу своей творческой деятельности или занимаетесь одним делом всю жизнь?», – три четверти респондентов (75%) ответили, что меняли, и только четверть (25%) занимаются «одним делом всю жизнь». Следовательно, в молодежной среде распространено такое явление, как поиск своего творческого, профессионального пути (рис. 3).

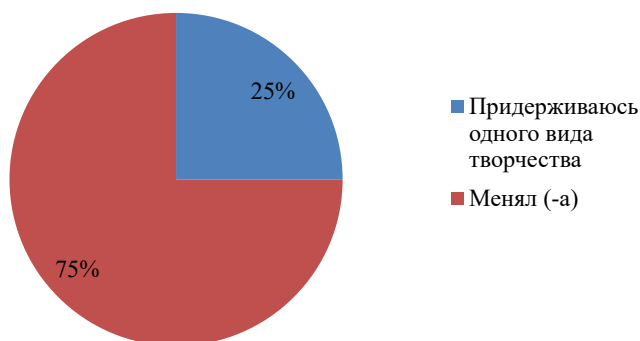

Рис. 3. Ответы на вопрос: «Меняли ли Вы сферу своей творческой деятельности или занимаетесь одним делом всю жизнь?», % от количества ответивших

Fig. 3. Answers to the question: “Have you changed the scope of your creative activity or have you been doing one thing all your life?”, % of the number of respondents

На вопрос: «Есть ли в Вашей семье творческие личности?», – ровно половина респондентов сказала «да», вторая половина, соответственно, – «нет». При этом респонденты указали на то, что развивают свои творческие способности самостоятельно дома, в том числе используя Интернет (49,9%), в общеобразовательной школе

(18,8%), в центре по работе с молодежью и научном кружке (по 12,5%), а также и «все указанное» – 6,3%. Оказались способными определить свое творческое направление немногим более половины опрошенных (56,3%). Респондентам было предложено оценить свои способности по 10-балльной шкале. Большинство дало высокую оценку своим способностям в творчестве: 12,6% – 9 и 10 баллов; 37,5% – 7 и 8 баллов; 25,9% – 5 баллов, остальные – ниже 5 баллов.

Мотивация выбора будущей профессии и сформированность этого выбора. Большинство (81,3%) ответило, что имеют представление о будущей профессии (рисунок 4).

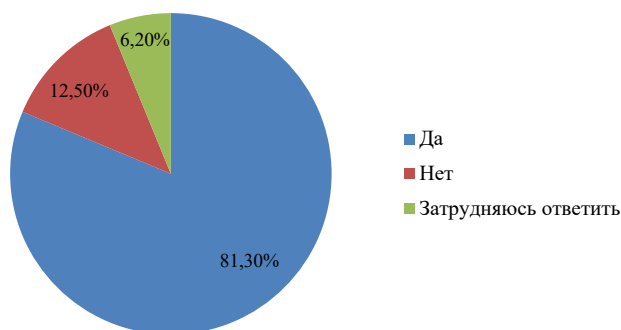

Рис. 4. Ответы на вопрос: «Имеете ли Вы представление о своей будущей профессии?», % от количества ответивших

Fig.4. Answers to the question: “Do you have an idea about your future profession?”, % of the number of respondents

Среди ответов на открытый вопрос: «На что Вы ориентируетесь при выборе будущей профессии», – преобладают те, которые связаны с интересом к виду деятельности, увлечениями (43,8%), хорошей зарплатой и востребованностью профессии в обществе (по 25,0%), результатами сдачи ЕГЭ (6,2%). У большинства (62,5%) будущая профессия не связана с творческой реализацией. В будущем воспитанники центра видят себя врачами, биологами, биоинформатиками и просто счастливыми людьми.

Указали на то, что выбрали профессию окончательно только 18,8% респондентов; профессия выбрана, но возможны корректировки – 43,8%; остальные 37,6% находятся в процессе выбора профессии. Те, кто не выбрал профессию, называют одной из причин то, что в обществе меняется востребованность профессий», «слишком много вариантов», «много, что получается, не могу выбрать что-то одно...». Абсолютно всем респондентам хотелось бы, чтобы их будущая профессия была связана с техникой: автоматическим оборудованием функционального назначения для человека (как средство воздействия на человека) – 43,8%; машинами, ручными операциями – 37,5%, а также машинами с ручным управлением – 18,8%. Три четверти опрошенных (75,0%) сказали, что для них важно работать в коллективе, однако каждый четвертый (25,0%) предпочел бы работать «в одиночку». Считают, что в будущей работе важны: устойчивость внимания (100%), наблюдательность (81,2%), хорошая память на числа, даты и воображение (по 37,5% соответственно). Менее трети (31,3%) полагают, что знают все о той профессии, которая нравится, остальные в той или иной степени нуждаются в информации о ней. Большинство респондентов (66,7%) считает, что творческая самореализация способствует профессиональной ориентации, более четверти (26,7%) – имеют противоположное мнение.

Оценка деятельности образовательного центра «Сириус». Абсолютно все опрошенные удовлетворены уровнем знаний и навыков, получаемых в центре, и им нравится находиться здесь. Респондентам задавался вопрос: «Кто помог Вам попасть в Центр «Сириус»?». Половина респондентов (50%) ответила, что попасть на образовательную программу в центр им помогли родители. Вторым вариантом по частоте ответов (18.8%) – «педагог в общеобразовательной школе/лицее/гимназии». Половина респондентов (50%) в «Сириусе» была впервые, почти треть (31.3%) – второй раз, почти каждый пятый (18.8%) – третий раз. Абсолютное большинство отметило, что они имеют большие и достаточные возможности для реализации в центре своего творческого потенциала (соответственно, 50,0% и 43.8%). Среди пожеланий по расширению этих возможностей назывались «возможность посещать смены чаще, чем два раза в год», «увеличить время пребывания», «более гармоничное расписание», «больше работать с оборудованием: каждый день, а не раз в 2–3 дня» и др. Большинство респондентов (81,3%) заявили, что получают информацию о возможных будущих профессиях в интересующей сфере.

Обсуждение (дискуссия)

Результаты исследования показали, что большинство респондентов уверено в выборе своего творческого пути и высоко оценивает свои творческие способности. Особенности выбора творческих направлений одаренной молодежью состоят в следующем: воспитанники центра любят фантазировать (81,3%), изобретать (50%), мастерить своими руками (62,5%) и делиться успехами в творчестве (43,8%).

Респонденты имеют представление о своей будущей профессии (81,3%), но кто-то еще находится в процессе выбора и поиске себя (18,7%), что характерно для молодежи в возрасте от 14 до 18 лет. Интересен тот факт, что у некоторых опрошенных родители имеют профессию, связанную с естественными науками – врачи, микробиологи. Очевидно, что для этой категории молодежи велико влияние родителей, чей пример значим для респондентов. Не случайно, многие респонденты видят себя в будущем врачами и хирургами. Воспитанники центра осознают, что профессиональной ориентации способствует творческая самореализация (66,7%) и занимаются творчеством, исходя из своих внутренних и внешних убеждений. Но в то же время всего лишь 25% из них отмечают, что их будущая профессия будет связана с творческой самореализацией. Анализ распорядка дня воспитанников отряда «Наука. Биологи» показал, что среди мероприятий образовательной программы имеются как лекции и семинары по отдельным уникальным темам биологии, алгебры и информатики, так и мастер-классы по созданию умных чат-ботов, общению и визуальной риторике. Ежедневно проводятся спортивные мероприятия, а также занятия художественным творчеством (по желанию). Составленная таким образом программа, на наш взгляд, способствует осознанию творческих возможностей и гармоничному развитию личности молодого человека. Вместе с тем наличие пожеланий воспитанников расширить возможности реализации способностей в центре дает основание полагать, что нужно совершенствовать направления работы с одаренной молодежью, применяя новые подходы и методы.

Для того, чтобы увеличить число тех, кто будет уверенно выбирать будущую профессию, связанную с творческой самореализацией, необходимо улучшать педагогическую работу, как в образовательном центре, так и за его пределами. Одаренная молодежь развивает свои творческие способности в общеобразовательных школах/

гимназиях/лицеях, научных кружках, центрах по работе с молодежью. Именно в них следует наиболее тщательно вести консультации, лекции, мастер-классы, которые будут направлены на профориентацию подростков. Лучше всего начинать это делать как можно раньше, чтобы подросток мог «искать» себя и был нацелен на свою профессию. В центре «Сириус» большинство опрошенных получает информацию об интересующих профессиях, здесь ведется профориентационная работа, подходы в которой требуют дальнейшего развития.

Результаты настоящего исследования, а также опыт работы авторов с одаренной молодежью в исследуемом центре свидетельствуют о том, что руководителям центра «Сириус» необходимо обновить систему поддержки одаренной молодежи, а также программу повышения квалификации для педагогов и специалистов по работе с молодежью. Целью и задачами такой программы должны стать разработка и реализация новых подходов в выявлении, поддержке и сопровождении одаренных детей. Вожатым (специалистам по работе с молодежью), работающим с талантливой молодежью, следует обращать внимание на то, каким видом творчества занимаются их подопечные. Это необходимо для того, чтобы у молодых складывалось не только общее представление, но они понимали бы суть и основные особенности того вида творчества, которым занимаются, и видели перспективы использования полученных навыков в будущей профессии. Следует вырабатывать новые технологии вовлечения одаренной молодежи к конкретному виду творчества (в нашем случае при занятии наукой). Именно это позволит повысить мотивацию у молодежи к занятию наукой и ее развитию в нашей стране, сделать выбор будущей профессии, связанной с наукой, творчески в ней реализовавшись. Таким образом, Россия получит кадры, которые будут работать на благо отечественной науки.

Способствуя привлечению молодежи к занятию научным творчеством, в перспективе можно добиться расширения кадровых специалистов в области науки. Это также относится и к другим направлениям творчества – музыкальному, художественному, хореографическому и т. д., имеющим место в данном образовательном центре. Повышая интерес к творчеству, увеличивается вероятность выбора одаренной молодежью своего будущего профессионального пути. Именно к этому нужно стремиться, поднимая тему творческой самореализации в аспекте профессиональной ориентации молодежи.

Выводы (заключение)

Существенный интерес в связи с рассматриваемой темой представляет то, что в молодости происходит становление индивида, выбор дальнейшего жизненного пути. Молодые люди амбициозны, стараются показать себя с лучших сторон, выделиться из массы и произвести лучше впечатление на окружающих и, разумеется, наилучшим образом устроить свою личную жизнь. Анализ итогов проведенного исследования показал, что для одаренной молодежи в возрасте от 14 до 18 лет свойственна неустойчивость в выборе как творческого, так и профессионального пути. Результаты исследования могут быть использованы учреждениями, реализующими программы для одаренной молодежи в России. На основе изучения теоретических источников нами разработана программа эмпирического исследования творческой самореализации в аспекте профессиональной ориентации одаренной молодежи. По итогам эмпирического исследования разработаны предложения и рекомендации руководству отряда «Наука. Биология» по вовлечению одаренной молодежи в про-

цесс выбора профессии на основании творческой самореализации. Результаты данного исследования применимы при подготовке студентов по направлению 39.04.03 – Организация работы с молодежью по предмету «Менеджмент организационной, культурно-массовой, спортивной и научной деятельности», а также в деятельности специалиста по работе с молодежью по направлениям – содействие образованию молодежи, научной, научно-технической деятельности; выявление, сопровождение и поддержка молодежи, проявившей одаренность.

Список литературы

1. Психология одаренности: от теории к практике / Д. В. Ушаков, А. Н. Адашкина, М. Р. Битянова [и др.]; под редакцией Д. В. Ушакова. – Москва: Издательство «Пер Сэ», 2000. – 128 с.
2. Старобинец-Догляд Е. В. Творческая самореализация молодежи: социокультурный подход. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. № 4 (168). С. 43–48. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-43-48.
3. Парц О. С. Мир одаренного ребенка: через опыт творческой деятельности – к самореализации. Омский научный вестник. 2006. № 8 (45). С. 242–247.
4. Савенков А. И. Путь к одаренности: исследовательское поведение дошкольников. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – 272 с.
5. Унагаева Т. О. Особенности творческой самореализации молодежи в современном мире // Трансформация социального мира в современную эпоху: Сборник научных трудов / Научный редактор Т. И. Грабельных. – Иркутск: «Издательство Отгиск», 2019. С. 357–359.
6. Гуляева Л. В., Ефимова Г. З. Исследование особенностей профессионального самоопределения одаренной молодежи (на примере работающей молодежи Тюменской области). Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 1. С. 91–103. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.1.9.
7. Антропова Е. А. Профессиональная ориентация как научно обоснованная система подготовки молодежи к свободному и самостоятельному выбору профессии // Повышение качества подготовки кадров в современных условиях развития образования: сборник научных статей / Л. Н. Анисимова (отв. ред.); Московский государственный областной университет, Факультет технологии и предпринимательства. – Москва: Московский государственный областной университет, 2017. С. 12–15.
8. Гриценко Н. Профессиональная ориентация и развитие научно-технического творчества молодежи как фактор развития страны. Русский инженер. 2015. № 3 (46). С. 32–34.
9. Кононов А. Н. Профессиональная ориентация молодежи в современной Российской школе: трудности и задачи / А. Н. Кононов // Социокультурная детерминация субъектов образовательного процесса: сборник материалов международной конференции XI Левитовские чтения в МГОУ, Москва, 20–21 апреля 2016 года. – Москва: Московский государственный областной университет, 2016. С. 252–256.
10. Пономарев А. В. Реализация спортивной одаренности молодежи в аспекте социологического анализа / Пономарев А. В., Попова Н. В., Тропина Л. К., Попов А. Н. // Теория и практика физической культуры. 2020. № 5. С. 20–22. DOI: 10.25629/НС.2018.07.16.
11. Шаврина К. Г., Рушина М. А. Изучение вопроса творческой самореализации личности. Человеческий капитал. 2018. № 7 (115). С. 158–163.
12. Зайцева М. А. Особенности работы с творчески одаренной молодежью в контексте государственной политики. Социально-политические исследования. 2020. № 3(8). С. 134–148. DOI: 10.20323/2658-428X-2020-3-8-134-148.
13. Зеер Э. Ф. Профориентология: теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов / Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова, Н. О. Садовникова. – М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2004. – 188 с.
14. Дружинин В. Н. Психология общих способностей – СПб.: Издательство «Питер», 1999. – 368 с. (Серия «Мастера психологии»). ISBN 5-314-00121-7.

Сведения об авторах:

Попова Наталья Викторовна, кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доцент, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: n.v.popova@urfu.ru; ORCID ID: 0000-0002-8711-6510; PИNC Author ID: 822722; Scopus ID:57207947870.

Ванькова Мария Алексеевна, студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: vankova.maria@urfu.me; ORCID ID: 0000-0001-9322-7674.

Шорсткая Лариса Максимовна, студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: larisa.shorstkaia@urfu.me; ORCID ID: 0000-0002-0479-9767.

Статья поступила в редакцию 04.07.2022; принята в печать 06.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

CREATIVE SELF-REALIZATION IN THE ASPECT OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF GIFTED YOUTH

Natalia V. Popova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

E-mail: n.v.popova@urfu.ru

Maria A. Van'kova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

E-mail: vankova.maria@urfu.me

Larisa M. Shorstkaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

E-mail: larisa.shorstkaia@urfu.me

For citation: Natalia V. Popova, Maria A. Van'kova, Larisa M. Shorstkaya. Creative self-realization in the aspect of professional orientation of gifted youth. DEMIS. Demographic research. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 104–115. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.8>. EDN: NQFFVC

Abstract. The authors made an attempt to analyze creative self-realization in the aspect of professional orientation of gifted youth. The object of the study is gifted youth aged 14 to 18 years (inclusive) participating in the programs of the Sirius Educational Support Center for Gifted Children in Russia. The subject of the study is the features of creative self-realization in the aspect of choosing a profession by young people aged 14 to 18 years. The purpose of the study: to prepare recommendations and proposals for the leadership of the center to involve young people in the process of choosing a profession in the course of their creative self-realization. The authors put forward the assumption that gifted youth aged 14 to 18 are characterized by instability in the choice of both creative and professional paths. The study was conducted in the educational center "Sirius" by the method of questioning. The initial data are the activities of the Sirius Center, including the Science. Biologists and the results of a survey of 16 pupils of this center, whose age is from 14 to 18 years inclusive. The authors identified and analyzed the features of the professional orientation of gifted youth, the problems of their creative self-realization and their relationship with the choice of profession. The results of the study can be used by institutions implementing programs for gifted youth in Russia. The scientific novelty of the study lies in the fact that, based on the study of theoretical sources, a program of empirical research of creative self-realization in the aspect of professional orientation of gifted youth has been developed. The practical significance of the study lies in the development of proposals and recommendations for the institution under study to involve gifted youth in choosing a profession along the path of their creative self-realization, as well as the possibility of using the results of this study in preparing students in the direction 39.04.03 Organization of work with youth in the subject "Management of organizational, cultural -mass, sports and scientific activities".

Keywords: creative self-realization, creativity, gifted youth, professional orientation, abilities.

References

1. *Psikhologiya odarennosti: ot teorii k praktike: [monografiya]. [Psychology of giftedness: from theory to practice: monograph]* Ed. by D. V. Ushakova. Moscow: Publishing house "Per Se", 2000. 128 p. (In Russ.)
2. Starobinets-Doglyad E. V. Creative Self-Realization of Youth: Sociocultural Approach. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2017. Vol. 22. No. 4. Pp. 168–186. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-43-48. (In Russ.)
3. Partz O. S. The world of a gifted child: self-realization through creative activity skills. *Omsk Scientific Bulletin*. 2006. No 8. Pp. 242–247. (In Russ.)
4. Savenkov A. I. Put' k odarennosti: issledovatel'skoye povedeniye doskol'nikov [The path to giftedness: research behavior of preschoolers]. St. Petersburg: Piter, 2004. 272 p. (In Russ.)
5. Unagaeva T. O. *Osobennosti tvorcheskoy samorealizacii molodezhi v sovremennom mire [Features of creative self-realization of youth in the modern world]: Transformation of the social world in the modern era: A collection of scientific papers*; Ed. by T. I. Rake. Irkutsk: Ottisk Publishing House, 2019. Pp. 357–359. (In Russ.)
6. Gulyaeva L., Efimova G. Study on the Features of Professional Self-Determination of the Gifted Youth (On the Example of the Working Youth of the Tyumen Region). *Logos et Praxis*. 2019. No. 1. Pp. 91–103. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.1.9. (In Russ.)
7. Antropova E. A. *Povysheniye kachestva podgotovki kadrov v sovremennykh usloviyakh razvitiya obrazovaniya: sbornik nauchnykh statey [Vocational guidance as a science-based system for preparing young people for a free and independent choice of profession]. [Improving the quality of training in modern conditions for the development of education: a collection of scientific articles]*. Ed. by L. N. Anisimova. Moscow: Moscow State Regional University, 2017. Pp. 12–15. (In Russ.)
8. Gritsenko N. Professional orientation and development of scientific and technical creativity of youth as a factor in the development of the country. *Russkiy inzhener*. 2015. No 3. Pp. 32–34. (In Russ.)
9. Kononov A. N. *Professional'naya orientaciya molodezhi v sovremennoj Rossijskoj shkole: trudnosti i zadachi [Professional orientation of youth in the modern Russian school: difficulties and tasks]* In: Socio-cultural determination of the subjects of the educational process: collection of materials of the international conference XI Levitov's readings at Moscow State University. Moscow: Moscow State Regional University, 2016. Pp. 252–256. (In Russ.)
10. Ponomarev A. V., et al. Realization of sports talent in youngsters in context of sociological analysis. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2020. No 1. Pp. 20–22. (In Russ.)
11. Shavrina K. G., Rushina M. A. Study of the question of the creative self-realization of the person. *Human capital*. 2018. No. 7 (115). Pp. 158–163. DOI: 10.25629/HC.2018.07.16 (In Russ.)
12. Zaitseva M. A. Peculiarities of work with creatively gifted youth in the context of state policy. *Social and Political Researches*. 2020. No 3. Pp. 134–148. (In Russ.)
13. *Proforiyentologiya: teoriya i praktika: ucheb. posobiye dlya studentov vuzov [Vocational orientation: theory and practice: textbook. allowance for university students]: monograph*; Ed. by E. F. Zeyer, A. M. Pavlova, N. O. Sadovnikova. M.: Acad. project; Yekaterinburg: Business book, 2004. 188 p. (In Russ.)
14. Druzhinin V. N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostey [Psychology of general abilities]: monograph*. St. Petersburg: Publishing house "Piter", 1999. 368 p. (In Russ.)

Bio note:

Natalia V. Popova, PhD, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Associate Professor, Yekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: n.v.popova@urfu.ru; ORCID ID: 0000-0002-8711-6510; RCSI Author ID: 822722; Scopus ID: 57207947870.

Maria A. Van'kova, student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: vankova.maria@urfu.me; ORCID ID: 0000-0001-9322-7674.

Larisa M. Shorstkaya, student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: larisa.shorstkaia@urfu.me; ORCID ID: 0000-0002-0479-9767.

Received on 04.07.2022; accepted for publication on 06.09.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.9

EDN: KFEPTT

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЫ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Князькова Е. А.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
E-mail: eapavlova@bk.ru*

Для цитирования: Князькова Е. А. Проблемы занятости и безработицы российской молодежи // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.9>. EDN: KFEPTT

Аннотация. В статье на вторичных материалах современных исследований и источниковой базы 2020–2022 годов обобщены основные тенденции в сфере занятости и безработицы российской молодежи, актуализированы проблемы неформальной занятости молодых людей и их прекаризации. Несмотря на увеличение доли молодежи в общем составе населения, связанное с повышением границ молодежного возраста, динамика численности молодежи в России уменьшается. Уровень профессионального образования молодежи растет, уровень ее занятости в 2017–2020 гг. также обнаруживал тенденцию к росту и превышал общероссийский показатель занятости. Вероятно, в связи с пандемией коронавируса уровень занятости всех возрастных групп уменьшился. В аналогичный период 2017–2020 гг. наибольшие уровни занятости были характерны для групп 30–34 года и 25–29 лет (85,7% и 83,3% соответственно). В более молодых возрастных группах уровень занятости составляет 48,5% – 20–24 года, 5,3% – 15–19 лет. С 2017 года наблюдается тенденция увеличения безработицы молодых людей. Остается высокой доля молодежи, занятой в неформальном секторе, особенно в возрастных категориях 15–19 лет и 20–24 года. Для современной молодежи актуальна проблема прекарной занятости, основные элементы которой изучены и обобщены коллективом Российского государственного гуманитарного университета под руководством Тощенко Ж. Т. Материалы исследования могут представлять интерес для специалистов, занимающихся разработкой управленческих решений в сферах государственной молодежной политики, политики содействия занятости и трудоустройства молодежи, а также исследователей обозначенных проблем.

Ключевые слова: социально-демографическая структура российской молодежи, образование российской молодежи, безработица молодежи, занятость молодежи, занятость молодежи в неформальном секторе, прекарность молодежи.

Введение

На современном этапе особую актуальность и значимость приобретает изучение проблем занятости и безработицы всех социально-демографических групп населения. Поскольку именно молодежь, получающая в настоящее время профессиональное образование, будет определять состояние рынка труда в ближайшей перспективе, актуальны исследования уровня образования молодежи, степени соответствия рынка образовательных услуг и рынка труда. Первоочередное внимание следует уделить проблемам молодежной занятости и безработицы, т. к. несмотря на преимущества молодого возраста, молодежь остается одной из уязвимых категорий населения, испытывающей сложности при трудоустройстве, занятой в неформальном секторе, а также работающей на условиях прекарной занятости. Комплекс обозначенных проблем обусловил исследовательский интерес к изучаемой теме, предопределил исследовательскую логику.

Обзор научной литературы по исследуемой проблематике представлен публикациями российских и зарубежных ученых. Современный взгляд на проблемы занятости и безработицы российской молодежи отражен в публикациях таких исследо-

вателей, как Забелина О. В., Асалиев А. М., Дружинина Е. С. [1], Аврамова Е. М. [2] и ряда других.

Изучением проблем выпускников вузов как нового прекариата занимаются исследователи Южного федерального университета [3]. Значительный вклад в изучение прекариата внесли исследователи Российского государственного гуманитарного университета под руководством проф. Тощенко Ж. Т. [4; 5].

Источниковая база представлена данными Росстата («Распределение населения по возрастным группам» за 2020 год¹; «Россия в цифрах», 2020²; «Труд и занятость в России», 2021³; «Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы)», 2020⁴ и др., материалами Доклада о мировом развитии Группы Всемирного банка, 2022 г⁵. и пр.

Результаты

Социально-демографическая структура российской молодежи

Рассмотрим социально-демографическую структуру российской молодежи: долю молодых людей в общем населении страны, возрастную структуру молодежи, динамику ее численности, соотношение числа мужчин и женщин.

Возрастные рамки молодежного возраста в современной Российской Федерации определены⁶ границами 14–35 лет.

По имеющимся в распоряжении данным Росстата («Распределение населения по возрастным группам») за 2020 год, а также аналитическим материалам Росмолодежи, доля молодежи 14–30 лет в общем населении страны на 1 января 2020 года составила 27 368 077 чел. или 18,65% населения (рис. 1).

В возрастной структуре молодежи преобладают 23–27-летние – они составляют 29% от численности других возрастных групп молодежи (рис. 2).

Между тем, в 2020 году в связи с увеличением границ молодежного возраста до 35 лет, численность молодежи достигла 39,1 млн чел. Численность молодежи, как и в целом численность населения России, ежегодно сокращается (рис. 3).

¹ Распределение численности населения по полу и возрастным группам // Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020. Стат. Сб. / Росстат. – М., 2020. – 145 с. – С. 16.

² Россия в цифрах. 2020.: Крат. стат.сб. / Росстат. – М., 2020 – 550 с.

³ Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат – М., 2021. – 177 с.

⁴ Рабочая сила, занятость и безработица в России...

⁵ Доклад о мировом развитии 2022 «Финансирование в интересах справедливого восстановления» (обзор) / Группа Всемирного банка. 2022. – 46 с. DOI: 10.1596/978-1-4648-1730-4.

⁶ Федеральный закон от 30.12.2020 №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Консультант Плюс. Справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 12.04.2022).

■ Населения всего: 146 748 590 чел.
■ Молодежь от 14 до 30 лет: 27 368 077 чел.

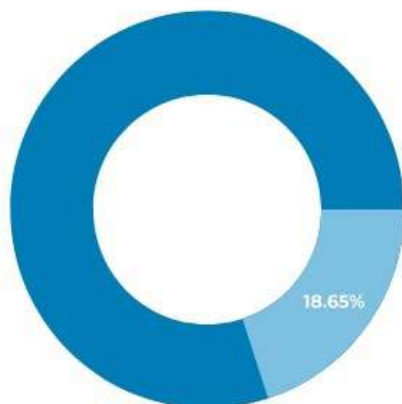

Рис. 1. Доля молодежи в общем населении страны на 1 января 2020 года
Fig. 1. The share of young people in the total population of the country as of January 1, 2020

Источник: составлено автором по данным Росмолодежи⁷

■ 14-17 лет: 5 931 809 чел.
■ 18-22 года: 6 725 306 чел.
■ 23-27 лет: 7 913 992 чел.
■ 28-30 лет: 6 796 970 чел.

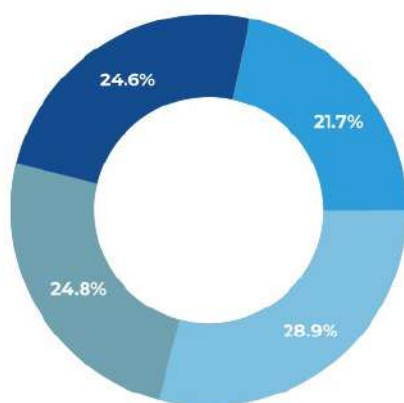

Рис. 2. Возрастная структура молодежи 14–30 лет на 1 января 2020 года
Fig. 2. Age structure of youth aged 14–30 years as of January 1, 2020

Источник: составлено автором по данным Росмолодежи⁸

⁷ Статистика Федерального агентства по делам молодежи. URL: <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=14&page=1> (дата обращения: 11.04.2022).

⁸ Там же.

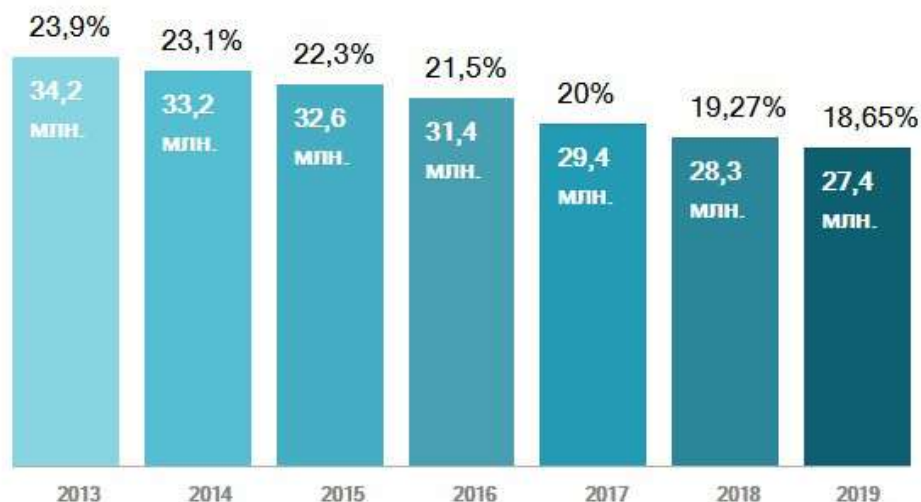

Рис. 3. Динамика численности молодежи в России (2013–2019 гг.)

Fig. 3. Dynamics of the number of young people in Russia (2013–2019)

Источник: составлено автором по данным Росмолодежи⁹

В 2017–2019 гг. доля мужчин 14–30 лет составляла 51%, женщин – 49%. Молодежь России сконцентрирована преимущественно в городах, однако можно говорить о стабилизации и некотором росте численности сельской молодежи в течение последнего десятилетия (с 25% на 1 января 2010 года до 26% на 1 января 2021 года). Сохраняется неоднородность в распределении молодежи между субъектами РФ: в городе Москве проживает в 258 раз больше молодежи, чем в Ненецком автономном округе [1].

Образование российской молодежи

Образовательный уровень российской молодежи растет в части профессионального образования, становится заметно выше по сравнению со среднероссийскими показателями. По данным микропереписей Росстата за 2015 год, среди 20–24-летних 73,2 % было охвачено профессиональным образованием (в 2010 году данный показатель был аналогичным), а среди 25–29-летних охват профессиональным образованием составил 81,4 % в 2015 году (против 75,9 % в 2010 году). Итак, прослеживается тенденция увеличения доли молодежи с начальным и средним профессиональным образованием в 2015 году, по сравнению с 2010 годом. Однако у молодежи по-прежнему в приоритете остается получение высшего образования (табл. 1; табл. 2).

⁹ Статистика Федерального агентства по делам молодежи...

Таблица 1.

Образовательная структура российской молодежи (профессиональное образование), в %^{10 11}

Table 1.

The educational structure of Russian youth (vocational education), in %

	Доля лиц с соответствующим уровнем образования, %			
	Профессиональное образование			
	Высшее и неполное высшее образование		Начальное и среднее профессиональное образование	
	2010	2015	2010	2015
Население РФ в целом	27,4	25,6	36,8	36,1
Население в возрасте 20–24 года	40	38,2	33,3	35
Население в возрасте 25–29 лет	42,1	45,2	33,8	36,2

Таблица 2.

Численность студентов, обучающихся по программам подготовки высшего и среднего профессионального образования (на начало учебного года)¹²

Table 2.

The number of students enrolled in training programs of higher and secondary vocational education (at the beginning of the school year)

	2017 / 2018 уч. год	2018 / 2019 уч. г.	2019 / 2020 уч. г.
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры			
Тыс. чел.	4245,9	4161,7	4068,3
На 10 000 чел. населения, человек	289	284	277
Численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих			
Тыс. чел.	543,2	542,1	543,4
На 10 000 чел. населения, человек	37	37	37
Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена			
Тыс. чел.	2387,6	2464,3	2576,2
На 10 000 чел. населения, человек	163	168	176

¹⁰ Всероссийская перепись населения 2010 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 11.04.2022).

¹¹ Итоги микропереписи населения 2015 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 11.04.2022).

¹² Россия в цифрах (выпуск завершен в 2021 году) // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993> (дата обращения: 14.04.2022).

Проблемы занятости и безработицы российской молодежи

Поскольку фиксируется снижение доли молодежи в численности населения России в целом, в рабочей силе также наблюдается снижение общей доли молодежи. Уровень участия в рабочей силе молодежи 15–19 лет за десять лет снизился практически в два раза, уменьшается и уровень участия в рабочей силе молодежи 20–24 лет, в то время как аналогичный показатель в молодежной аудитории 25–29 лет остается почти неизменным (табл. 3).

Таблица 3.

Экономическая активность российской молодежи различных возрастных групп на рынке труда в 2010–2020 гг. (уровень участия в рабочей силе, %)

Table 3.

Economic activity of Russian youth of various age groups in the labor market in 2010–2020 (labor force participation rate, %)

Возрастная группа	Год										
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
15–19	11,6	10,6	9,3	9,0	8,1	8,7	9,0	8,0	7,7	6,8	6,6
20–24	62,5	62,1	59,4	60,1	58,9	58,2	58,6	57,1	56,4	57,7	57,3
25–29	87,1	87,6	88,1	87,3	87,3	87,9	88,5	89,2	89,2	88,5	88,1

Уровень занятости российской молодежи в 2017–2020 гг. составил в среднем 5,3 % – для возрастной группы 15–19 лет; 48,5 % – для возрастной группы 20–24 года; 83,3 % – для возрастной группы 25–29 лет; 85,7 % – для возрастной группы 30–34 года. В 2017–2020 гг. уровень занятости молодежи 25–29 лет более чем в 1,41 раз превышал среднероссийский показатель занятости, а молодежи 30–34 лет – более чем в 1,44 раза. В 2020 году уровень занятости всех возрастных групп молодежи уменьшился в связи с пандемией коронавирусной инфекции (табл. 4).

Таблица 4.

Экономическая активность российской молодежи различных возрастных групп на рынке труда в 2017–2020 гг. (уровень занятости, в % от численности населения соответствующей возрастной группы)¹³

Table 4.

Economic activity of Russian youth of various age groups in the labor market in 2017–2020 (employment rate, in % of the population of the corresponding age group)

Возрастная группа		2017	2018	2019	2020
15–19	Уровень занятости различных возрастных групп молодежи	5,7	5,6	5,1	4,8
20–24		48,7	47,8	49,4	48,0
25–29		83,9	84,3	83,6	81,5
30–34		86,0	86,8	86,1	84,2
Уровень занятости всех возрастных групп населения		59,5	59,8	59,4	58,4
Население в трудоспособном возрасте		77,5	78,2	78,3	77

¹³ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 14.04.2022).

В России самый высокий уровень безработицы в возрастных группах 15–19 лет и 20–24 года, при этом прослеживается тенденция увеличения безработицы во всех возрастных группах молодежи, начиная с 2017 года. Примечательно, что доля безработных женщин выше, нежели мужчин, во всех «молодежных» возрастных группах (табл. 5).

Таблица 5.

**Уровень безработицы молодежи по возрастным группам
(в процентах от численности рабочей силы соответствующей возрастно-половой группы)**

Table 5.

**Youth unemployment rate by age group
(as a percentage of the workforce of the corresponding age and gender group)**

	В том числе в возрасте, лет			
	15–19	20–24	25–29	30–34
Все население				
2017	28,4	14,7	5,9	4,7
2018	27,6	15,3	5,5	4,4
2019	24,7	14,4	5,6	4,4
2020	27,2	16,2	7,4	6,0
Мужчины				
2017	25,7	14,4	5,4	4,4
2018	25,6	14,7	5,2	4,0
2019	22,6	14,2	5,3	4,0
2020	23,2	15,6	6,7	5,4
Женщины				
2017	32,4	15,2	6,4	5,1
2018	30,3	16,1	5,9	4,8
2019	27,6	14,7	6,1	4,8
2020	33,2	17,0	8,3	6,8
Городское население				
2017	29,7	13,9	5,0	3,8
2018	28,7	14,2	4,7	3,7
2019	23,8	13,7	4,9	3,8
2020	28,0	15,7	6,6	5,5
Сельское население				
2017	26,7	17,2	9,3	8,1
2018	25,9	18,3	8,7	6,9
2019	26,1	16,3	8,7	6,6
2020	26,0	17,6	10,6	8,2

Тенденции неодинаковых последствий пандемии COVID-19 в гендерном разрезе отвечают общемировым тенденциям. Так, Всемирный банк отмечает, что кризис пандемии «особенно сильно ударил по социально незащищенным группам. Степень утраты доходов оказалась сопоставимо выше у молодежи, женщин, самостоятельно занятых и непостоянно занятых работников с более низким уровнем образования. Женщины страдали от утраты доходов и потери работы потому, что они чаще работали в отраслях, затронутых локдаунами и мерами социального дистанцирования,

и именно на их плечи легло основное бремя забот по уходу за членами семьи, а также связанных с закрытием детских садов и школ»¹⁴.

Доля безработицы городской молодежи обнаруживает тенденцию к снижению в следующих возрастных группах: 15–19 лет (с 2017 по 2019 гг.) и 20–24 года (в 2019, по сравнению с 2017 г.) и остается почти неизменной в возрастных группах 25–29 лет и 30–34 года.

Доля безработицы сельской молодежи снижалась практически во всех возрастных группах с 2017 по 2019 гг.

Между тем, в 2020 году доля безработицы среди молодых людей повысилась как в городских, так и в сельских поселениях. Доля безработной молодежи 15–19 лет была выше в городе, чем в селе. Во всех других «молодежных» группах доля безработицы молодежи оставалась более высокой на селе.

Таким образом, пандемия коронавирусной инфекции в части социально-экономических последствий, включая безработицу, в России затронула все возрастные группы молодых людей, сказалась как на городской, так и на сельской молодежи, нивелировала положительные тренды молодежной занятости, заложенные в 2017–2019 гг.

По подсчетам российских исследователей [1] на основе данных Всемирного банка, с 2017 по 2020 гг. в возрастной группе российской молодежи 15–24 лет уровень безработицы был существенно выше, чем в США и Германии, но ниже, чем в странах Еврозоны. В то же время уровень занятости российской молодежи 15–24 лет оказался существенно ниже, чем в обозначенных государствах (табл. 6).

Таблица 6.

Уровень занятости и безработицы молодежи 15–24 лет (по странам мира: РФ, США, Германия, Еврозна) за 2017–2020 гг.

Table 6.

The level of employment and unemployment of youth aged 15–24 (by countries of the world: Russia, USA, Germany, Eurozone) for 2017–2020

	Уровень безработицы молодежи, %				Уровень занятости молодежи, %			
	2017	2018	2019	2020	2017	2018	2019	2020
РФ	16,3	17,0	15,2	17,0	26,0	25,1	24,9	23,6
США	9,2	8,6	8,4	14,9	49,9	50,3	51,1	45,3
Германия	6,8	6,2	5,8	7,2	45,5	45,4	46,1	46,9
Еврозна	21,6	19,6	18,2	20,1	30,7	31,3	31,8	30,2

Источник: [1]

Отраслевая локализация молодежной занятости носит ярко выраженный характер. Наибольшая доля молодежи 15–29 лет отмечена в таких видах деятельности, как работа гостиниц и предприятий общественно-

¹⁴ Доклад о мировом развитии 2022... Группа Всемирного банка. 2022. URL: <https://www.vseмирnyjbank.org/ru/publication/wdr2022> (дата обращения: 14.04.2022).

го питания; деятельность в области информации и связи; финансовая и страховая деятельность; оптовая и розничная торговля; государственное управление и обеспечение военной безопасности. В 2020 году, по сравнению с 2019 годом, процент занятости молодежи снизился по всем видам экономической деятельности (табл. 7). Настораживает тот факт, что наименьшая доля молодых людей представлена в таких значимых видах деятельности, как здравоохранение и социальные услуги, образование¹⁵, сельское хозяйство¹⁶. Не изменилась, т. е. осталась по-прежнему невысокой, доля молодежи в профессиональной, научной и технической деятельности (16,9% от всех занятых в данном виде экономической деятельности).

Таблица 7.

Виды экономической деятельности с наибольшими и наименьшими долями молодежи в 2019 и 2020 гг.

Table 7.

Types of economic activity with the largest and smallest proportions of young people in 2019 and 2020

Виды экономической деятельности с наибольшей долей молодежи 15–29 лет, % от всех занятых в данном виде экономической деятельности	
2019	2020
Деятельность в области информации и связи – 29%	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания – 27,3%
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания – 27,7%	Деятельность в области информации и связи – 26%
Деятельность финансовая и страховая – 26,7%	Деятельность финансовая и страховая – 24,1%
Торговля оптовая и розничная – 23,6%	Торговля оптовая и розничная – 21,7%
Государственное управление и обеспечение военной безопасности – 22,7%	Государственное управление и обеспечение военной безопасности – 21,2%
Виды экономической деятельности с наименьшей долей молодежи 15–29 лет, % от всех занятых в данном виде экономической деятельности	
Водоснабжение и водоотведение – 11%	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом – 10,4%
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом – 11,8%	Водоснабжение и водоотведение – 10,6%
Обеспечение электрической энергией и газом – 13%	Обеспечение электрической энергией и газом – 12,1%
Здравоохранение и социальные услуги – 13,2 %	Здравоохранение и социальные услуги – 12,2%
Сельское хозяйство – 15,1%)	Образование – 12,8%

Источник: составлено автором на основе данных Росстата¹⁷

¹⁵ Доля молодежи 15–29 лет, занятой в образовании, за год упала на 1% и составила 12,8% в 2020 году.

¹⁶ Доля молодежи, занятой в сельском хозяйстве, в 2019 и 2020 гг. осталась неизменной (15,1%).

¹⁷ Рабочая сила, занятость и безработица в России // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 14.04.2022).

Занятость молодежи в неформальном секторе

Особое место в изучении проблем занятости молодежи занимает ее занятость в *неформальном секторе*. В России в качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица, а к занятым в неформальном секторе относят индивидуальных предпринимателей; лиц, работающих по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц; членов семьи, помогающих в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников; работающих на индивидуальной основе, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; занятых в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена¹⁸ Отметим, что концепция неформального сектора отличается от понятия скрытой (теневой) экономики тем, что деятельность предприятий неформального сектора связана с предоставлением товаров и услуг, производство и распространение которых законно. А именно: «деятельность предприятий неформального сектора не обязательно связана с преднамеренным уклонением от уплаты налогов или взносов на социальное страхование, или нарушением трудового законодательства, или других правил. Однако некоторые из предприятий неформального сектора предпочитают оставаться незарегистрированными или нелицензируемыми, чтобы избежать выполнения всех или некоторых правил и таким образом снизить издержки производства»¹⁹.

Таблица 8.

Численность молодежи, занятой в неформальном секторе (2006–2019 гг.)²⁰

Table 8.

The number of young people employed in the informal sector (2006–2019)

	Всего занятых в неформальном секторе, тыс. чел.	Всего молодежи 15–29 лет, тыс. чел.	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет
2006	12601	3614	542	1404	1668
2007	12931	3635	518	1455	1662
2008	13837	3950	473	1644	1833
2009	13382	3656	362	1486	1808
2010	11482	3092	273	1264	1555
2011	12922	3443	260	1405	1778

¹⁸ (Росстат). Рабочая сила, занятость и безработица в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 14.04.2022).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

	Всего занятых в неформальном секторе, тыс. чел.	Всего молодежи 15–29 лет, тыс. чел.	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет
2012	13600	3578	243	1399	1936
2013	14096	3702	248	1479	1975
2014	14387	3636	203	1363	2070
2015	14827	3608	205	1263	2140
2016	15370	3581	222	1176	2183
2017	14324	3370	186	1076	2108
2018	14581	3179	181	971	2027
2019	14800	3110	168	955	1987

Начиная с 2010 года, неформальная занятость населения растет: в этом сегменте в 2019 году было занято 14800 тыс. чел., из которых 55,28% – мужчины, 44,72% – женщины. Остается высокой доля молодежи, занятой в неформальном секторе (табл. 8; рис. 4).

Рис. 4. Доля молодежи, занятой в неформальном секторе в 2006–2019 гг.

Fig. 4. The share of young people employed in the informal sector in 2006–2019

Источник: составлено автором на основе данных Росстата²¹

Наибольший удельный вес занятых в неформальном секторе в общей численности занятых составляет молодежь в возрастных категориях 15–19 лет и 20–24 года (табл. 9), причем в возрастной группе молодежи 15–19 лет с 2006 года наблюдается самый большой рост неформальной занятости, по сравнению со всеми другими возрастными группами населения. Исследователи предполагают, что молодежь данной возрастной группы более склонна к неформальной занятости, поскольку не имеет за-

²¹ (Росстат). Рабочая сила, занятость и безработица в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 14.04.2022).

конченного образования, не обладает опытом работы, вынуждена совмещать учебу и трудовую деятельность [7].

Таблица 9.

Удельный вес занятых в неформальном секторе в общей численности занятых по возрастным группам, %²²

Table 9.

The proportion of people employed in the informal sector in the total number of people employed by age groups, %

Год	Занятые в неформальном секторе (в % от общей численности занятого населения)	В том числе в возрасте, лет											
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и старше
2006	18,2	40,5	21,8	18,7	18,3	19,3	17,6	16,2	14,3	12,7	19,7	33,8	45,5
2019	20,6	48	26,4	21,4	21,1	20,9	20,4	19,5	18,8	17,4	17,9	23,3	39,3
Изменения	+2,4	+7,5	+4,6	+2,7	+2,8	+1,6	+2,8	+3,3	+4,5	+4,7	-1,8	-10,5	-6,2

Прекарность молодежи

Коллектив исследователей из РГГУ [Тощенко Ж. Т., Анисимов Р. И., Белова Н. И., Буланова М. Б., Воробьева И. В., Зотова В. А., Кученкова А. В., Лазенкова А. П., Ниорадзе Г. В., Романовский Н. В., Тартыгашева Г. В., Шевченко И. О., Цапко М. С. и др.] среди множества определений прекарности использует в своей работе 7 индикаторов (признаков) прекарной занятости, имеющих значение при определении уровня, а также индекса прекарности молодежи:

1. Оформление труда без договора или с договором не более чем на 1 год;
2. Полное несоответствие образования и квалификации работе;
3. Переработка (более 8 часов) постоянная;
4. Подработка в своей или сторонней организации (регулярная или нерегулярная);
5. Зарплата в конверте (систематическая или иногда случающаяся);
6. Смена работы за последние 3 года более 1 раза;
7. Невозможность влиять на решения в своей производственной организации [4].

Оформление труда без договора или с договором не более чем на 1 год. Как уже отмечалось, доля молодежи, трудящейся в условиях неформальной занятости, остается высокой, особенно в возрастных категориях 15–19 лет и 20–24 года, что свидетельствует, с одной стороны, об уязвимости данных возрастных групп на рынке труда, а с другой стороны, дает им возможности для дополнительной подработки в условиях неоконченного образования и недостаточного опыта работы.

Временная занятость молодежи, ограниченная сроком действия договора (как правило, не более чем на 1 год), способствует отказу молодым

²² Там же.

работникам во многих правах, таких, например, как защита от несправедливого увольнения или компенсация в связи с сокращением штатов, которыми пользуются те, кто занят постоянно или как минимум работает по договору, в котором не указан срок пребывания в должности [7].

Полное несоответствие образования и квалификации работе. Данные Росстата²³ иллюстрируют несоответствие между полученным образованием и реальным местом работы молодежи: 31% выпускников вузов, 42,8% выпускников СПО по программе подготовки специалистов среднего звена и 49,9% выпускников СПО по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих), получивших образование в 2016–2018 гг., работали в 2019 году не по полученной профессии (специальности).

Наибольшее несоответствие высшего образования реальному месту работы определено по следующим направлениям обучения:

1. Сельское, лесное и рыбное хозяйство (у 60,7% выпускников работа не связана с полученной профессией);
2. Социология и социальная работа (52,9%);
3. Политические науки и регионоведение (52,3%);
4. Промышленная экология и биотехнологии (47,5%);
5. Технологии материалов (45,2%);
6. Фотоника, приборостроение, оптические и биотехнические системы и технологии (43,2%);
7. Техника и технологии строительства (42,6%);
8. Машиностроение (41,9%);
9. Науки о Земле (41,8%);
10. Сервис и туризм (41,2%) и др.

По нижеперечисленным направлениям высшего образования напротив наблюдается связанность работы с полученной профессией:

- 1) Клиническая медицина (у 97% выпускников работа связана с полученной профессией),
- 2) Фармация (95,7%);
- 3) Науки о здоровье и профилактическая медицина (93,3%);
- 4) Военное управление (92,8%);
- 5) Химия (87,7%);
- 6) Сценические искусства и литературное творчество (85,1%);
- 7) Музыкальное искусство (84,3%);
- 8) Физическая культура и спорт (83,8%);
- 9) Ядерная энергетика и технологии (83,4%);
- 10) Ветеринария (81,7%) и др.

Переработка (более 8 часов) постоянная. По данным современных исследований²⁴, 79% сотрудников во всем мире перерабатывают в среднем 20,4

²³ (Росстат). Рабочая сила, занятость и безработица в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 14.04.2022).

²⁴ Maxis Global Benefits Network. URL: <https://maxis-gbn.com/> (accessed on 21.04.2022).

часа в месяц, то есть почти три полных рабочих дня. Россияне тратят на работу 21,2 дополнительных часа в месяц и занимают пятое место по переработкам – после работников ОАЭ (24 часа в месяц), США (23,2 часа), Гонконга (23,2 часа), Франции (22,4 часа). Оценить масштабы переработки в России до конца осуществить невозможно, поскольку, в отличие от стран Запада, в России не распространен формат оплаты работы по часам²⁵. Однако имеются данные hh.ru, согласно которым с каждым годом растет количество вакансий с пунктом «ненормированный рабочий день». Дать оценку масштабам переработок позволяют данные hh.ru, согласно которым, 43,15% начинающих специалистов перерабатывают несколько раз в неделю, а 14,04% – ежедневно, что может быть связано со стереотипом, что молодые должны работать больше и дольше. Однако фактически топ-менеджеры и руководители отделов / направлений перерабатывают не меньше начинающих специалистов (рис.5).

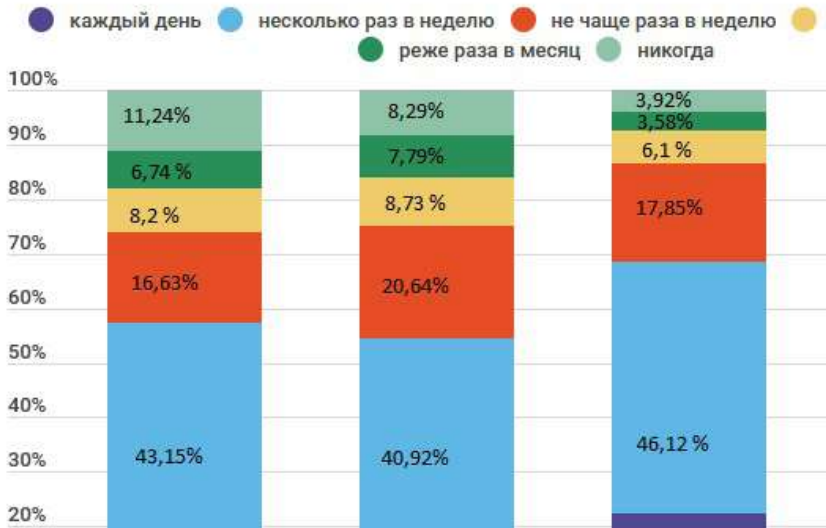

Рис. 5. Какие специалисты задерживаются на работе чаще всего?

Fig. 5. Which specialists stay at work most often?²⁶

Наряду с переработками, при анализе precariousности молодежи следует принимать во внимание и такую «современную» форму прекаризации, как вынужденная занятость на неполный рабочий день, когда частично занятые работники имеют меньшие права и пособия, чем предусмотрены в

²⁵ Больше не значит лучше. Чем опасны трудовоголизм и переработки? // ТАСС. 25.03.2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6248689> (дата обращения: 21.04.2022).

²⁶ Какие специалисты задерживаются на работе чаще всего? // HeadHunter. URL: <https://infogram.com/1pmqjn5qjpk6z6t3n95qngp6w2izl9vkqxj> (дата обращения: 13.04.2022).

стандартных договорах, или когда работники хотели бы трудиться полный день, но не могут найти соответствующие рабочие места [3].

Подработка в своей или сторонней организации (регулярная или нерегулярная). Согласно данным экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), исследовавших финансовую грамотность 15-летних школьников из разных стран, 50% российских подростков подрабатывают в свободное от учебы время (для сравнения, 48% – подростки стран-лидеров PISA-2018), 31% заняты на нерегулярной неофициальной работе (46% – подростки PISA-2018), а 27% работают в семейном бизнесе (16% – подростки PISA-2018²⁷). Однако если подработку подростков можно рассматривать в положительном аспекте как возможность приобретения дополнительных навыков, включая soft-skills, возможность заработать на «карманные расходы» как альтернативу получения денег от родителей (70% подростков получают деньги на карманные расходы без выполнения работы по дому; 44% подростков – за работу, выполненную по дому), то в более старших возрастах молодежь рассматривает подработку именно как источник дополнительного заработка²⁸. Так, около 61% студентов российских вузов вынуждены подрабатывать, поскольку прожить на стипендию невозможно (исследование компании HeadHunter)²⁹. 44% вынужденных подрабатывать обучающихся заняты в областях, не связанных с будущей профессией.

По материалам совместного исследования «Ситимобил» и ResearchMe³⁰, 70% молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет имеют подработку или находятся в ее поисках, и только 15% респондентов пока не задумываются о поиске подработки.

Безработица в 5% среди россиян 25–29 лет при среднем показателе 3,3% для старших возрастов свидетельствует не только о последствиях «демографической ямы», но и о неблагоприятной ситуации на рынке труда для молодых специалистов, осложненной высокими ожиданиями молодежи и ее представлениями о достойном уровне жизни. Подобные ожидания у российской молодежи формируются уже в младшей возрастной группе: на

²⁷ PISA – Международная программа оценки образовательных достижений учащихся, разработанная ОЭСР (Организацией экономического сотрудничества и развития), участие в которой принимают не только страны, входящие в ОЭСР, но и государства, сотрудничающие с ней (в т. ч. Россия), *прим. автора.*

²⁸ Исследование: половина российских подростков подрабатывают после учебы // Российская газета. 08.05.2020. URL: <https://rg.ru/2020/05/08/issledovanie-pоловина-rossijskih-podrostkov-podrabatyvaiut-posle-ucheby.html> (дата обращения: 26.04.2022).

²⁹ Более половины российских студентов вынуждены подрабатывать // Рамблер. Новости. URL: https://news.rambler.ru/sociology/43562044-bolee-poloviny-rossijskih-studentov-vynuzhdeny-podrabatyvat/?utm_source=copysharing&utm_medium=social (дата обращения: 26.04.2022).

³⁰ Опрос проводился с 27.07.2020 по 02.08.2020 г. N= 1,6 тыс. респондентов по всей России, *прим. автора.*

первой работе 40% школьников хотят получать более 60 тыс. руб. в месяц³¹, в то время как средняя зарплата в России на конец 2021 года составила 56 тыс. руб. За год 20–29-летних специалистов стало меньше на 460,5 тысячи человек³², а среди молодых людей все большую популярность приобретают фриланс, блогинг в социальных сетях и др.

Современные блогеры получают вознаграждение от самой социальной сети за создание контента или количество его просмотров. Также у блогеров есть доходы от рекламных контрактов, интеграций с брендами, от бартер-ов (когда блогер получает продукцию от бренда), розыгрышей, от систем размещения персонализированной рекламы (баннеры, ссылки, контекст, тизеры) и с «донатов» (пожертвований) пользователей³³. В Instagram (ныне запрещенной в России социальной сети) среди молодежи были популярны марафоны, тренинги, консультации, спрос на которые повысился в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 и переходом всего мира, в том числе сферы услуг, в онлайн³⁴.

Поскольку практически отсутствуют трудовые и социальные гарантии для неформально работающих людей, то занятую на подобных условиях молодежь следует относить к прекариям, место которых в данной социальной структуре не является добровольным, а носит характер мнимой добровольности, поскольку нет других альтернатив этой форме занятости [8].

Зарплату в конверте (систематическую или иногда случающуюся) получают в России примерно 25 млн человек³⁵, – к таким выводам пришли специалисты Центра социально-политического мониторинга Института общественных наук РАНХиГС, подсчитавшие, что 32,5% опрошенных работают или подрабатывают «по-серому», без уплаты налогов. Было выделено несколько причин, по которым граждане готовы получать зарплаты в конвертах:

- во-первых, это возможность увеличить свой доход;
- во-вторых, это возможность совмещения нескольких видов деятельности;

³¹ По данным опроса международной образовательной компании «ЯКласс», *прим. автора*.

³² По подсчетам международной аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, *прим. автора*.

³³ Черноусов И. Сколько и как зарабатывают блогеры в соцсетях // Российская газета. 09.08.2021. URL: <https://rg.ru/2021/08/09/skolko-i-kak-zarabatyvayut-blogery-v-socsetiah.html> (дата обращения: 26.04.2022).

³⁴ Прибыловский М. Тиктокеры, а не иждивенцы: молодые россияне все чаще отказываются работать. За год рынок труда «потерял» почти полмиллиона работников от 20 до 29 лет... // News.ru. 25.01.2022. URL: <https://news.ru/society/tiktokery-a-ne-izhdivency-molodye-rossiyane-vse-chashe-otkazyvayutsya-rabotat/> (дата обращения: 26.04.2022).

³⁵ Аракелян Е. Слишком высокие налоги? Зачем мы соглашаемся на зарплаты в конвертах. Примерно 25 млн человек в России получают серые зарплаты // Комсомольская правда. 23.09.2019. URL: <https://www.kp.ru/daily/27046.3/4110439/> (дата обращения: 26.04.2022).

– в-третьих, что особенно актуально для молодежи, – возможность работать «по-серому» там, где могли бы возникнуть ограничения в силу молодого возраста или состояния здоровья;

– в-четвертых, недостаточность веры в то, что способы получения зарплаты в будущем могут повлиять на пенсионные выплаты;

– в-пятых, по мнению многих опрошенных респондентов, оплата их «белого» труда несправедливо занижена, следовательно, «деньги, которые платятся из рук в руки напрямую, многим кажутся более честными»³⁶.

Смена работы за последние 3 года более 1 раза чаще всего имеет отношение к подросткам и студенческой молодежи, не привязывающей работу к будущей специальности (профессии), а рассматривающей ее как возможность заработка. Между тем, одним из трендов «постковидной» реальности является увеличение объемов найма: люди стали чаще менять работу, находясь в поиске наиболее приемлемых для себя условий. Для работодателя это также означает необходимость большего найма людей, в том числе на замену тем, кто уходит. Права работника в данной ситуации будут защищены меньше, так как работодатель понимает, что трудовые отношения можно в любой момент прервать и найти сотрудника, согласного на уже имеющиеся условия. В связи с частой сменой работы все большее число молодых людей неоднократно относится к категории «начинающий специалист», на нескольких местах работы, что фактически лишает их возможности карьерного роста.

Одним из признаков прекарности молодежи выступает *невозможность влиять на решения в своей производственной организации*, что является дисфункциональным следствием распространения неформальной и нелегальной занятости, попаданием в ситуации нестабильной занятости. Между тем, данный признак прекарности связан, на наш взгляд, с субъективной оценкой последствий нестабильной занятости для рассматриваемой группы. Как сама молодежь реагирует на новые условия занятости? Создают ли они новые возможности или увеличивают риски? Находит ли молодежь возможности повлиять на решения в своей производственной организации?

Одним из современных исследований отношения выпускников вуза к нестабильной занятости и последствиям прекаризации стало исследование «Выпускники университетов как новый прекариат», проведенное научным коллективом Южного федерального университета в апреле 2021 года [3]. В результате исследования, проведенного методом фокус-групп среди студентов и выпускников Южного федерального университета (n=28 чел., 16 мужчин и 12 женщин, средний возраст респондентов 22,5 года), выделены причины нестабильной занятости молодежи данной возрастной

³⁶ Там же.

группы: несоответствие требований рынка труда и навыков, предоставляемых университетом; завышенные ожидания; недостаток личной инициативы; особенности отраслей и специальностей; особенности российского рынка труда. Данное исследование интересно, прежде всего, в части развития теории профессиональной социализации молодежи.

В условиях пандемии коронавирусной инфекции и вводимых ограничительных мер интерес представляют адаптационные стратегии, выбираемые молодежью. Возможно, в дальнейшем именно они станут образцом для других поколений. С одной стороны, новые условия притормозили развитие локального молодежного активизма, обнаружили неуверенность 38% молодежи в собственных карьерных перспективах³⁷, с другой – послужили триггером для появления новационных практик и поведенческих паттернов молодежи [4; 8], связанных с позитивными сторонами карантинного времяпрепровождения, волонтерской деятельностью, онлайн-обучением, онлайн-стажировками и пр.

Заключение

На основе статистических данных и материалов вторичных социологических исследований автор проанализировал изменения в социально-демографической структуре российской молодежи и пришел к следующим выводам. Численность молодежи, равно как и в целом численность населения России, ежегодно сокращается. Образовательный уровень российской молодежи в части профессионального образования растет, получение высшего образования остается у нее в приоритете. С 2017 года прослеживается тенденция увеличения безработицы молодежи во всех возрастных группах, а самый высокий уровень безработицы наблюдается в возрастных группах 15–19 лет и 20–24 года. Во всех «молодежных» возрастных группах выше доля безработицы выше среди женщин. Отраслевая локализация молодежной занятости носит ярко выраженный характер. Остается высокой доля молодежи, занятой в неформальном секторе. Для российской молодежи актуальна проблема прекарности.

Российская молодежь обладает чертами прекарности, которые могут усиливаться у социально уязвимых категорий, таких как молодые беженцы; молодые мигранты; юноши и девушки, проживающие за чертой бедности; молодежь с ограниченными возможностями здоровья; девочки и молодые женщины, уже страдающие от последствий гендерного неравенства; молодые семьи (включая студенческие); молодежь, отбывшая наказание в МЛС, и др. Изучение особенностей прекарности различных возрастных групп и категорий молодежи, их социальных настроений и

³⁷ Youth & COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being: Survey Report. Geneva: ILO, 2020. URL: https://www.ilo.org/global/topics/youth-employment/publications/WCMS_753026/lang--en/index.htm (accessed on 26.04.2022).

ожиданий, позволит выработать рекомендации по совершенствованию государственной политики в сфере образования, содействия трудоустройству и занятости молодежи на основе принципов комплексности и адресного подхода.

Список литературы

1. Забелина О. В. Проблемы молодежного сегмента российского рынка труда и новые акценты политики поддержки занятости молодежи / О. В. Забелина, А. М. Асалиев, Е. С. Дружинина // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 9. С. 985–1002. DOI: 10.18334/et.8.9.113473.
2. Аврамова Е. М. Социальные настроения и ожидания молодежных групп // Экономическая ситуация в России после кризиса: ожидания, настроения, перспективы / Е. М. Аврамова, Д. М. Логинов. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 52 с.
3. Маслюкова Е. В. Государственная политика в сфере образования и молодежный прекариат / Е. В. Маслюкова, А. И. Маскаев, М. А. Покусаенко // Журнал институциональных исследований. 2021. Т. 13. № 4. С. 140–152. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.140-152.
4. Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. – 400 с.
5. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж. Т. Тощенко. – М.: Издательство «Весь Мир», 2021. – 400 с.
6. Тенденции в сфере занятости (На примере современной России) / Г. Ф. Фейгин, О. Н. Громова, З. Н. Каландаришвили [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2020. – 168 с. – (Социально-трудовые конфликты). – ISBN 978-5-7621-1109-6.
7. Крауч К. Победит ли гиг-экономика? / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. Ред. С. Шукиной; Нац. Исследоват. Ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. – 144 с.
8. Ядова М. А. Молодежь в условиях пандемии COVID-19: возрастные преимущества и ограничения. *Siberian Socium*. 2021. Т. 5. № 2 (16). С. 20–28. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28.

Сведения об авторе:

Князькова Екатерина Александровна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела семьи и семейно-демографической политики Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, доцент социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: eapavlova@bk.ru; ORCID ID: 0000-0001-7313-8754, PIIIC Author ID: 785242, Scopus Author ID: 57202401926, Researcher ID: AAV-2422-2020.

Статья поступила в редакцию 27.05.2022; принята в печать 25.08.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

PROBLEMS OF EMPLOYMENT AND UNEMPLOYMENT OF RUSSIAN YOUTH

Ekaterina A. Knyazkova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: eapavlova@bk.ru

For citation: Knyazkova E. Problems of employment and unemployment of Russian youth. *DEMIS. Demographic research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.9>. EDN: KFEPIT

Abstract. The article summarizes the main trends in the sphere of employment and unemployment of Russian youth on the secondary materials of modern research and the source base of 2020–2022, actualizes the problems of informal youth employment and its precarization. Despite the increase in the share of young people in the total population, associated with an increase in the

boundaries of youth age, the dynamics of the number of young people in Russia is decreasing. The level of vocational education of young people is growing, the level of their employment in 2017–2020 also showed an upward trend and exceeded the all-Russian employment indicator. Probably, due to the coronavirus pandemic, the employment rate of all age groups has decreased. In the same period of 2017–2020, the highest levels of employment were typical for groups aged 30–34 and 25–29 years (85.7% and 83.3%, respectively). In younger age groups, the employment rate is 48.5% – 20–24 years, 5.3% – 15–19 years. Since 2017, there has been a trend of increasing youth unemployment. The proportion of young people employed in the informal sector remains high, especially in the age categories of 15–19 years and 20–24 years. For modern youth, the problem of precarious employment is relevant, the main elements of which have been studied and summarized by the staff of the Russian State University for the Humanities under the leadership of Toshchenko Zh. T. The research materials may be of interest to specialists involved in the development of managerial decisions in the areas of state youth policy, employment promotion and youth employment policy, as well as researchers of the identified problems.

Keywords: socio-demographic structure of Russian youth, education of Russian youth, youth unemployment, youth employment, youth employment in the informal sector, youth precarity.

References

1. Zabelina O. V., et al. Problems of the youth segment of the Russian labour market and novelties of the youth employment policy. *Russian Journal of Labor Economics*. 2021. Vol. 8. No. 9. Pp. 985–1002. DOI: 10.18334/et.8.9.113473. (In Russ.)
2. Avraamova E. M. Social'nye nastroeniya i ozhidaniya molodezhnyh grupp [Social moods and expectations of youth groups]. In: *Ekonomicheskaya situatsiya v Rossii posle krizisa: ozhidaniya, nastroeniya, perspektivy* [The economic situation in Russia after the crisis: expectations, moods, prospects]: scientific reports / Ed. by Avraamova E. M., Loginov D. M. Moscow: RANEP, 2020. 52 p. (In Russ.)
3. Maslyukova E., et al. "Public Education Policy and Youth Precariat". *Journal of Institutional Studies* 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 140–52. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.140-152. (In Russ.)
4. Precariat: the formation of a new class (collective monograph) / Ed. by J. T. Toshchenko. M.: Center for Social Forecasting and Marketing, 2020. 400 p. (In Russ.)
5. Precarious employment: origins, criteria, features / Ed. by J. T. Toshchenko. M.: Publishing house "Ves Mir", 2021. 400 p. (In Russ.)
6. Feigin G. F., Gromova O. N., Kalendarishvili Z. N. *Trends in employment (on the example of modern Russia)* // Feigin G. F., Gromova O. N., Kalendarishvili Z. N. [and others]. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2020. 168 p. (Social and labor conflicts). (In Russ.)
7. Krauch K. *Pobedit li gig-ekonomika? [Will the gig economy win?]*. Translate from English Y. Kapturevsky. Moscow: Higher school of economics, 2020. 144 p. (In Russ.).
8. Yadova Maiya A. "Young People in the Age of the COVID-19 Pandemic: The Age-Related Benefits and Limitations". *Siberian Socium*. 2021. Vol. 5. No. 2. Pp. 20–28. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28. (In Russ.)

Bio note:

Ekaterina A. Knyazkova, candidate of Political Sciences, Leading Researcher of the Department of Family and Family-Demographic Policy, Institute of Demographic Research FCTAS RAS; Associate Professor, faculty of sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: eapavlova@bk.ru; ORCID ID: 0000-0001-7313-8754, PИИЦ Author ID: 785242, Scopus Author ID: 57202401926, Researcher ID: AAV-2422-2020.

Received on 27.05.2022; accepted for publication on 25.08.2022.
The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.10

EDN: HUEFJZ

РЕАЛИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Васильева Е. Н.

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

E-mail: vasilevaen@yandex.ru

Данилова Е. О.

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

E-mail: danilovaelena@volsu.ru

Для цитирования: *Васильева Е. Н., Данилова Е. О. Реализация миграционных установок молодежи Волгоградской области в условиях цифровизации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 136–145. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.10>. EDN: HUEFJZ*

Аннотация. В сложных социально-экономических условиях актуализируются исследования по выявлению факторов, влияющих на трудовую миграцию молодежи, а также исследования, ориентированные на прогнозирование ситуации в регионах с неблагоприятной демографической ситуацией. Трудовая миграция является результатом формирования новых моделей поведения обучающейся и работающей молодежи, но большое влияние на данный процесс сегодня оказала пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19). В регионах созданы условия для организации дистанционной работы, оптимизируются управленческие процессы и т. д. Цель настоящего исследования – выявить миграционные установки молодежи Волгоградской области, оценить влияние развития дистанционных форм занятости на перспективы ее трудовой миграции. В работе представлены данные социологического исследования, проведенного в 2021 г. методом массового опроса молодежи в возрасте от 18 до 35 лет, проживающей в Волгоградской области (выборка квотная, n=576), данные экспертного опроса представителей работодателя и специалистов, участвующих в реализации федерального проекта «Кадры для цифровой экономики», определены стратегические задачи по развитию дистанционных технологий и дана оценка влияния цифровизации на адаптацию молодежи на рынке труда. Проведенное исследование позволило систематизировать условия, в которых молодежь готова к трудовой миграции, а также перспективы снижения оттока молодежи в крупные города. Полученные в ходе исследования результаты послужат базой для дальнейшего поиска ресурсов стабилизации миграционных потоков в регионе и формирования условий для самореализации молодых специалистов на рынке труда.

Ключевые слова: *молодежь, трудовая миграция, дистанционная занятость, цифровизация.*

Введение

На протяжении длительного времени наблюдается отток молодежи из г. Волгограда и Волгоградской области. В 2019 г., по данным исследования, проведенного специалистами Финансового университета при Правительстве Российской Федера-

ции, доля молодых людей в возрасте до 30 лет, намеренных покинуть г. Волгоград в течение ближайших 7 лет, составляла 41%¹. Согласно исследованию аналитиков сервиса «Авито Работа», миграционный отток формируется и за счет образовательной, и за счет трудовой миграции, в том числе в другие регионы уезжают молодые специалисты сразу после окончания вузов².

С целью уточнения миграционных намерений молодежи в 2021 г. на базе Волгоградского государственного университета было проведено социологическое исследование. Инструментарий исследования разрабатывался с опорой на классические и современные теории миграционного поведения и концепции, обосновывающие развитие институциональных факторов миграции.

Обзор научной литературы

Потребность в научно-практических исследованиях процессов трудовой миграции в российском обществе стала одной из причин формирования сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, в рамках которого большой вклад в изучение влияния миграции на рынок труда внес коллектив под руководством В. И. Мукомеля [1], а также Института демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН под руководством члена-корреспондента РАН С. В. Рязанцева [2].

Следует указать на некоторые значимые работы в области заявленной темы: образовательная миграция в современном мире: субъекты, стратегии, ценности – М. М. Мчедлова и др. [3]; трансформация экономической и трудовой модели поведения современной молодежи в условиях становления цифрового общества – О. Э. Башина, Е. С. Васютина, Л. В. Матраева [4]; исследование сетей – А. Барабаш³; влияние цифровой экономики на формирование новых трендов на российском рынке труда – Л. Ю. Андреева, О. Г. Джемаев [5]; рынок труда и компетенции кадров в цифровую эпоху – Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. [6]; человек на работе: мир труда в оценках россиян – И. М. Козина [7].

Большой вклад внесли проекты, реализованные при поддержке грантов Президента РФ: «Миграция российских ученых в трансграничном и национальном пространстве: проблемы, эффективность, оценка» (А. Е. Судакова, МК-1737.2019.6) [8]; «Эмиграция высококвалифицированных специалистов из России: масштабы, тенденции, перспективы возвращения» (В. А. Безвербный, МК-5872.2018.6) [9]; «Эмиграционный отток молодежи из России: современные тенденции, последствия и подходы к государственному регулированию» (А. С. Лукьянец, МК-7322.2015.6) [10]; «Диагностика и прогнозирование влияния внешней миграции на социально-экономическое развитие регионов России» (А. В. Васильева, МК-1998.2014.6) [11]; «Социокультурные факторы и субъекты формирования экономической и инновационной

¹ Зубец А. Н. Основные социальные и инфраструктурные факторы, определяющие демографическую динамику в регионах России и их привлекательность для миграции // Социология. 2019. № 6. С. 77–86. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/1a3/%E2%84%966%202019%20%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения: 20.04.2022).

² Диплом, чемодан, вокзал, столица: почему молодые специалисты бегут из Волгограда. URL: <https://novostivolgograda.ru/news/society/17-08-2019/diplom-chemodan-vokzal-stolitsa-pochemu-molodye-spetsialisty-begut-iz-volgograda> (дата обращения: 20.04.2022).

³ Albert-László Barabási Barabási Lab. Northeastern University. Boston, MA. URL: <https://www.barabasilab.com/> (accessed on 03.04.2022).

активности молодежи в современной России» (Е. Н. Васильева, МК-2659.2014.6) [12; 13]. Широкий обзор моделей анализа и прогнозирования миграционных процессов дан в работах Т. Н. Юдиной, М. Г. Дмитриева [14].

Зарубежные исследования миграции и занятости представлены следующими работами: D. S. Massey, Принстонский университет, факультет социологии, Принстон, США⁴; J. T. Rothwell, Институт Брукингса, Вашингтон, США⁵; F. Kalter, Центр европейских социальных исследований, Германия⁶; N. Lewin-Epstein, Тель-Авивский университет, Тель-Авив-Яффо, Израиль⁷; F. Anthias, Университет Восточного Лондона, Школа права и социальных наук, Лондон, Великобритания⁸.

В Республике Беларусь исследованиям трудовой миграции посвящены работы ученых Белорусского государственного университета – Л. Е. Тихоновой, Е. В. Масленковой, А. А. Нестеровой и др. [15], Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации – А. Г. Злотникова [16] и др. Вопросами занятости и безработицы молодежи занимаются ученые Витебского государственного технологического университета – Е. В. Ванкевич, О. В. Зайцева [17]. В рамках грантов БРФФИ проводятся следующие исследования: «Оценка и алгоритм использования резервов воспроизводства и миграции населения для сохранения демографического роста в Союзном государстве – Россия и Беларусь» (Г20Р-054), «Демографические и социально-экономические последствия миграции в решении стратегических задач развития человеческого капитала России и Беларуси». Несмотря на актуальность темы, нерешенными остаются некоторые региональные вопросы трудовой миграции и занятости молодежи РФ в условиях развития информационных технологий и цифровизации экономики.

Миграционные установки молодежи Волгоградской области и ресурсы цифровых технологий

На базе Волгоградского государственного университета в 2021 г. был проведен массовый опрос молодежи в возрасте от 18 до 35 лет. Выборка квотная – учитывался половозрастной состав населения; доли обучающейся молодежи в разных типах образовательных учреждений Волгоградской области; доли работающей молодежи в разных секторах экономики (n=576). В целом доля молодежи, готовой к миграции, высока (см. табл. 1). Зафиксированы гендерные различия – 58% ответивших утвердительно о готовности к переезду – мужчины; 42% – женщины. По данным массового опроса, из тех, кто желал бы уехать из Волгоградской области, 19% молодежи хотят переехать в другую страну; 44% – в другой регион. Открытый вопрос о том, в какие

⁴ Massey D. S. America's Immigration Policy Fiasco: Learning from Past Mistakes. 2013 by the American Academy of Arts & Sciences. Electronic text data. Mode of access: <http://www.deepdyve.com/lp/mit-press/america-s-immigration-policy-fiascolearning-from-past-mistakes-USfTnuTaAH>. Title from screen. DOI: 10.1162/DAED_a_00215 (accessed on 21.04.2022).

⁵ Rothwell Jonathan T. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/cf_dev/AbsByAuth.cfm?per_id=1058412 (accessed on 05.10.2022).

⁶ Kalter F. Kogan I. Migration networks and labor market integration of immigrants from the former Soviet Union in Germany Social Forces. 2014. No. 92 (4). Pp. 1435–1456 URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.39c44d38-6252a4c5-0189db53-74722d776562/https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=en&user=8dnLY2UAAAAAJ&citation_for_view=8dnLY2UAAAAAJ:4JMBOYKvNBMC (accessed on 21.04.2022).

⁷ Prof. Noah Lewin-Epstein| Tel Aviv University URL: <https://english.tau.ac.il/profile/noah1> (accessed on 05.10.21).

⁸ Prof. Floya Anthias URL: <http://www.floyaanthias.com/> (accessed on 21.04.2022).

регионы молодые люди готовы уехать, показывает, что на первом месте – г. Москва и Московская область, на втором – г. Санкт-Петербург, на третьем – г. Краснодар. Устойчивых тенденций в выборе зарубежных стран не выявлено.

Таблица 1.

Ответ на вопрос: «Хотите ли Вы уехать из населенного пункта, в котором проживаете?», в % от тех, кто хотел бы уехать

Table 1.

The answer to the question: “Do you want to leave the locality where you live?” in % of those who would like to leave

Да	42,0
Нет	33,0
Не задумывался (лась)	22,2
Итого	97,2
Пропущено	2,6

Причины, по которым молодые люди готовы сменить место жительства, представлены в таблице 2. Высока доля молодежи, выбравшей вариант «нет перспектив». Респондентам была предоставлена возможность выбора нескольких вариантов ответов на вопрос: «Почему Вы хотите уехать из этого населенного пункта?», что позволило уточнить, какие факторы оцениваются как неблагоприятные – низкая заработная плата, нет карьерного роста, экологические проблемы и др. Работа в Волгоградской области есть, но доступны для трудоустройства в основном низкооплачиваемые вакансии.

Неблагоприятной тенденцией является то, что около трети – 29,8% – молодежи уже предпринимали попытки уехать из Волгоградской области, т. е. совершали определенные действия для осуществления миграционных планов (табл. 3). Не менее значимым является то, что 51,3% молодежи оценивают свои перспективы отъезда из региона, получают информацию о работе и условиях проживания в других городах.

Таблица 2.

Ответ на вопрос: «Почему Вы хотите уехать из этого населенного пункта?», в % от тех, кто хотел бы уехать

Table 2.

The answer to the question: “Why do you want to leave this locality?” in % of those who would like to leave

Нет перспектив	60,3
Низкая зарплата	56,2
Нет карьерного роста	49,4
Неблагоприятная экологическая ситуация	42,2
Нет работы	34,7
Здесь не осталось родственников	8,3
Другое	5,0

Таблица 3.

Ответ на вопрос: «Предпринимали ли Вы какие-либо действия для переезда?», в % от тех, кто хотел бы уехать

Table 3.

The answer to the question: “Have you taken any action to move?”, in % of those who would like to leave

Просто интересовалась(ся)	51,3
Выезжал(а) туда	29,8
Купил(а) там жилье	3,3
Другое	9,9

Устойчивость миграционных установок определяется разницей ответов на вопрос о желании уехать из населенного пункта, где респондент проживает (табл. 1), и на вопрос о готовности поехать на временную работу в другой регион (табл. 4). Можно констатировать, что часть молодежи рассматривает возможность вернуться в Волгоградскую область, т. к. рассматривает возможность устройства на временную работу. Ответы на вопрос: «При каких условиях Вы готовы поехать на временную работу в другой регион России?» – распределились следующим образом: 59,7% – высокая заработная плата; 36,5% – бесплатное жилье; 22,2% – работа по специальности; 20,8% – подъемные средства; 17,7% – наличие развитой социальной инфраструктуры.

На вопрос: «Согласились бы Вы работать удаленно?» – дали утвердительный ответ 75%, не готовы – 14,7%, затруднились ответить 10,3%. Выявлено, что если молодые люди, ориентированные на поиск удаленной работы, найдут такую работу, то 46,7% все равно покинут Волгоградскую область. Таким образом, удаленное трудоустройство молодежи в условиях цифровизации экономики способствует сохранению кадров в регионе лишь частично.

Таблица 4.

Ответ на вопрос: «Готовы ли Вы поехать на временную работу в другой регион?», %

Table 4.

The answer to the question: “Are you ready to go to a temporary job in another region?”, %

Да	39,9
Нет	27,4
Не задумывался (лась)	26,4
Итого	93,8
Пропущено	6,3

На втором этапе исследования было проведено экспертное интервью со специалистами, участвующими в реализации федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» (n=7), а именно: Комитета социальной защиты населения Волгоградской области, Отделения Пенсионного Фонда РФ по Волгоградской области, ГАУ ВО «Мой бизнес», Многофункционального Центра предоставления государственных и муниципальных услуг Волгоградской области, а также с менеджерами крупных промышлен-

ленных предприятий Волгоградской области. Эксперты поделились своим мнением о ресурсах и проблемах молодого поколения в условиях цифровизации экономики.

Ресурсом повышения компьютерной грамотности являются волонтеры: *«При Вузах функционируют добровольческие отряды помощи по обучению компьютерной грамотности. Данное направление работы пользуется популярностью»* (эксперт 2). Такие объединения выполняют функцию и повышения квалификации самих волонтеров, возможности передать знания в нестандартных условиях. Еще одним направлением работы современных вузов является развитие региональных отделений добровольческого движения «Кибердружина»⁹, где молодые люди учатся работать в команде дистанционно и существенно повышают компетентность, сотрудничают с управленцами разного уровня.

Экспертами была обозначена проблема цифрового неравенства – как разного доступа к цифровым технологиям и образовательным платформам у жителей городских и сельских поселений Волгоградской области:

«Существует возможность пройти обучение компьютерной грамотности – ежегодно на базе различных учреждений обучаются граждане. В основном жители города Волгограда обучаются компьютерной грамотности, если взять область, то там намного медленнее все происходит» (эксперт 1, Ж.);

«Вопрос заключается именно в том, что многие граждане не имеют компьютеров и эффективность от такого обучения теряется, так как навыки нужно постоянно отрабатывать» (эксперт 2., Ж.).

Цифровизация способствует повышению экономической активности и финансовой грамотности не только молодежи, но и иных групп населения: *«Обучение оперативно адаптироваться, появляется экономически активное население. Мы, когда исследование проводили, удивительная вещь получилась, когда пожилой мужчина, благодаря курсам по компьютерной грамотности создал страничку в социальной сети и начал продвигать «свой бизнес», так скажем. Второе направление работы – это обучение по получению электронных государственных услуг»* (эксперт 2., Ж.); *«Это расширение кругозора, получение финансовой грамотности, больше возможностей»* (эксперт 5).

Повышение эффективности федерального проекта направлено на спецификацию обучающих программ и оптимизацию интерфейса: *«Нужно программы по компьютерной грамотности разбить на различные тематические блоки для различных групп населения и по сфере деятельности, желательно (например, для студентов – один блок, для предпринимателей – другой блок вопросов)»* (эксперт 2); *«Я в восторге от государственных услуг на самом деле, потому что очень мало времени занимают. Мы привыкли, в телефон зашел и в один клик все сделал»* (эксперт 1).

Данные экспертного опроса работодателей позволили выявить новые формы занятости: *«Наша компания является дочерней для крупной промышленной компании, функционирующей на всей территории РФ. Наша задача – обеспечение цифровой среды, внедрение современных IT-технологий в управленческие и производственные процессы. Руководство нашей (дочерней) компании находится не в Волгоградской области, даже не в г. Москве. Совет директоров принял данное решение, руководствуясь тем, где профессионализм выше, зная ресурсы и мощности в разных городах, на разных промышленных предприятиях. Сотрудники наши трудятся в офисе в г. Волжском Волгоградской области, но кон-*

⁹ «Кибердружина» – межрегиональное молодежное общественное движение, созданное Лигой безопасного интернета в 2011 году. URL: <http://www.ligainternet.ru/liga/activity-cyber.php> (дата обращения: 02.04.2022).

тролируют многие процессы дистанционно, а некоторые на месте, на самом предприятии» (эксперт 7).

Экспертный опрос позволил выявить новое направление развития рынка труда – трудоустройство в другом городе, при фактическом нахождении в Волгоградской области. Ранее, до пандемии, дистанционная форма занятости также фиксировалась [7]: в работе через социальные сети, самозанятости, фрилансе, проектной работе. Сегодня дистанционная работа активнее внедряется крупными промышленными компаниями, где больше возможностей для молодежи, в том числе для повышения заработной платы (при такой занятости работодатели предлагают заработную плату выше, чем средняя по региону) и карьерного роста.

Заключение

Массовой опрос позволяет сделать вывод о потенциально высокой исходящей трудовой миграции молодежи из Волгоградской области. Данные экспертного опроса явились основой систематизации основных трудностей развития рынка дистанционной работы. Во-первых, при реализации дистанционной формы занятости к кандидатам предъявляются высокие требования к их квалификации. Обеспечить такую квалификацию – одна из задач федерального проекта «Кадры для цифровой экономики», позволяющего студентам получить опыт волонтерской деятельности, а далее попасть на стажировку в крупную компанию или в администрации города и региона.

Во-вторых, активный карьерный рост в модели, когда работодатель зарегистрирован в другом городе, сопряжен со сменой места жительства, т. к. не все административные должности можно занимать, находясь в Волгоградской области. В-третьих, доступность данной формы занятости возможна только при наличии стабильного Интернета, как основного канала коммуникаций.

Развитие информационных технологий необходимо включить в планы регуляции миграционных потоков, поскольку это позволит решить проблему оттока молодежи из регионов РФ в г. Москву, г. Санкт-Петербург, г. Краснодар, т. е. в мегаполисы, население которых стабильно растет. Формирование миграционных установок молодежи – это нацеленность на высокую заработную плату, карьерный рост и комфортную инфраструктуру, в этом молодые люди не принимают во внимание экологические угрозы, которые высоки в больших городах, а также стоимость аренды и покупки жилья.

Таким образом, перспективным направлением снижения интенсивности миграционного оттока населения является развитие цифровых технологий, которое запланировано в соответствии с национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которой реализуется федеральный проект «Кадры для цифровой экономики»¹⁰. В проекте заложены индикаторы результативности – повышение доступности обучения для молодежи и иных групп населения с целью получения цифровых компетенций, повышение цифровой грамотности, формирование инфраструктуры и др. Важно своевременно использовать возможности человеческого и социального капиталов в условиях цифровизации экономики, обеспечить работодателям и молодым специалистам институциональные инструменты реали-

¹⁰ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.ac.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2022).

зации дистанционных форм занятости, что позволит сократить миграцию в другие регионы за счет обеспечения молодежи работой с достойным уровнем оплаты труда.

Список литературы

1. *Мукомель В. И.* Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии. Социологические исследования. 2022. № 1. С. 63–75. DOI: 10.31857/S013216250017014-8.
2. *Рязанцев С. В.* Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты. Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2016. № 2. С. 17–20. DOI: 10.12737/18147.
3. Образовательная миграция в современном мире: субъекты, стратегии, ценности: [Монография] / [М. М. Мчедлова и др.]; Отв. ред. М. М. Мчедлова. – Москва: РУДН, 2020. – 356 с.
4. *Башина О. Э.* Трансформация экономической и трудовой модели поведения современной молодежи в условиях становления цифрового общества / *Башина О. Э., Васютина Е. С., Матраева Л. В.* // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 133–145. DOI: 10.17805/zpu.2018.3.12.
5. *Андреева Л. Ю., Джемаев О. Г.* Влияние цифровой экономики на формирование новых трендов на российском рынке труда. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 3. С. 25–32. DOI: 10.23394/2079-1690-2017-1-3-25-32.
6. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. Доклады к XX апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, 9–12 апр. 2019 г. / [Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.]; научный редактор Л. М. Гохберг; Высшая школа экономики, Национальный исследовательский университет, при участии Всемирного банка. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 82 с.
7. *Козина И. М.* Человек на работе: мир труда в оценках россиян. Социодиггер. 2020. Т. 1. Выпуск 1: Труд и занятость. С. 5–15.
8. *Судакова А. Е., Тарасев А. А.* Мобильность региональных ученых в трансграничном пространстве. Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. № 4. С. 79–84. DOI: 10.37468/2307-1400-2020-4-79-84.
9. *Безвербный В. А.* Эмиграция высококвалифицированных специалистов из России: теоретические и практические аспекты. Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2018. № 6. С. 47–56. DOI: 10.26653/2076-4650-2018-6-04.
10. *Рязанцев С. В., Лукьянец А. С.* Эмиграция молодежи из России: формы, тенденции и последствия. Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2016. № 1 (66). С. 59–72.
11. *Васильева А. В.* Оценка влияния миграции на безопасность социально-экономического развития регионов России. Фундаментальные исследования. 2014. № 6. – Ч. 1. С. 118–122.
12. *Васильева Е. Н.* Организационно-правовые концепции как инструмент институционализации экономической активности и социального обеспечения трудовых мигрантов (работа подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ. Проект МК-2659.2014.6) / *Васильева Е. Н., Данилова Е. О., Зуева О. В.* // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 160–165.
13. *Vasilieva E., et al.* The Sources and Practice of Economic Activity of Young People in Social Networks. International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8. No. 3. Pp. 5055–5058. DOI: 10.35940/ijrte.C5686.098319.
14. *Юдина Т. Н., Дмитриев М. Г.* Миграционные процессы: модели анализа и прогнозирования (обзор). Труды института системного анализа Российской академии наук. 2017. Том 67. № 2. С. 3–14.
15. *Тихонова Л. Е., Масленкова Е. В.* Внешняя трудовая миграция в Республике Беларусь. Социологические исследования. 2016. № 6. С. 49–55.
16. *Злотников А. Г.* Методология исследования миграционных процессов в Республике Беларусь // Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности: десятилетие Валентеевские чтения: материалы юбилейной международной конференции. (Москва, 27–29 октября 2020 г.); Московский государственный университет; под ред. О. С. Чудиновских, И. А. Троицкой, А. В. Степановой. – М., 2020. С. 266–275.
17. *Ванкевич Е. В., Зайцева О. В.* Предупреждение рисков неустойчивости и незащищенности занятости. Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2017. № 1. С. 5–13.

Сведения об авторах:

Васильева Екатерина Николаевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоград, Россия.

Контактная информация: e-mail: vasilevaen@volsu.ru; ORCID ID: 0000-0002-0460-5539; WOS Research ID: K-6216-2013; Scopus Author ID: 55611633800; ID РИНЦ: 240731.

Данилова Елена Олеговна, кандидат социологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоград, Россия.

Контактная информация: e-mail: danilovaelena@volsu.ru; ORCID ID: 0000-0002-2859-2226; Scopus Author ID: 57193578907; ID РИНЦ: 749022.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022; принята в печать 22.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

IMPLEMENTATION OF MIGRATION ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE OF THE VOLGOGRAD REGION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Ekaterina N. Vasileva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

E-mail: vasilevaen@yandex.ru

Elena O. Danilova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

E-mail: danilovaelena@volsu.ru

For citation: Ekaterina N. Vasileva, Elena O. Danilova. Implementation of Migration Attitudes of Young People of the Volgograd Region in the Conditions of Digitalization. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 136–145. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.10>. EDN: HUEFJZ

Abstract. In difficult socio-economic conditions, studies are being updated to identify factors affecting the labor migration of young people, as well as studies focused on predicting the situation in regions with an unfavorable demographic situation. Labor migration is the result of the formation of new behaviors of young people studying and working, but the coronavirus pandemic (COVID-19) has had a great impact on this process today. In the regions, conditions have been created for the organization of remote work, management processes are being optimized, etc. The purpose of this study is to identify the migration attitudes of young people in the Volgograd region, as well as to assess the impact of the development of remote forms of employment on the prospects of youth labor migration. The paper presents the data of a sociological study conducted in 2021 by a mass survey of young people aged 18 to 35 years living in the Volgograd region (quota sample, n=576). As well as data from an expert survey of employer representatives and specialists involved in the implementation of the federal project "Personnel for the Digital Economy"; strategic objectives for the development of remote technologies were identified and the impact of digitalization on the adaptation of young people in the labor market was assessed. The study made it possible to systematize the conditions in which young people are ready for labor migration, as well as the prospects for reducing the outflow of young people to large cities. The results obtained in the course of the study will serve as a basis for further search for resources to stabilize migration flows in the region and create conditions for self-realization of young professionals in the labor market.

Keywords: youth, labor migration, distance employment, digitalization.

References

1. Mukomel V. I. Central Asian migrants on the Russian labor market: before the pandemic. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022. No. 1. Pp. 63–75. DOI: 10.31857/S013216250017014-8. (In Russ.)
2. Ryazantsev S. V. Contribution of labor migration to the Russian economy: assessment methods and results. *Humanities. Bulletin of the University of Finance*. 2016. No. 2. Pp. 17–20. DOI: 10.12737/18147. (In Russ.)
3. *Obrazovatel'naya migratsiya v sovremennom mire: sub`ekty`, strategii, cennosti: [Educational migration in the modern world: subjects, strategies, values]*: monograph; Ed. by M. M. Mchedlov. Moscow: RUDN,

2020. 356 p. (In Russ.)

4. Bashina O. E., Vasyutina E. S., Matraeva L. V. Transformation of the economic and labor model of behavior of modern youth in the conditions of the formation of a digital society. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2018. No. 3. Pp. 133–145. DOI: 10.17805/zpu.2018.3.12. (In Russ.)

5. Andreeva L. Yu., Dzhemaev O. G. The influence of the digital economy on the formation of new trends in the Russian labor market. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2017. No. 3. Pp. 25–32. DOI: 10.23394/2079-1690-2017-1-3-25-32. (In Russ.)

6. *Chto takoe cifrovaya e`konomika? Trendy`, kompetencii, izmerenie [What is the digital economy? Trends, competencies, measurement]*. In: Reports for the XX April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development. Moscow, April 9–12, 2019 / [G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg, etc.]; Ed. by L. M. Gokhberg; Higher School of Economics, National Research University, with the participation of the World Bank. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 82 p. (In Russ.)

7. Kozina I. M. A man at work: the world of work in the assessments of Russians. *SocioDigger*. 2020. Vol. 1. Issue 1: Labor and employment. Pp. 5–15. (In Russ.)

8. Sudakova A. E., Tarasyev A. A. Mobility of regional scientists in a cross-border space. *Nacional`naya bezopasnost` i strategicheskoe planirovanie*. 2020. No. 4. Pp. 79–84. (In Russ.)

9. Bezverbnny V. A. Emigration of highly qualified specialists from Russia: theoretical and practical aspects. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Jekonomika i parvo [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]*. 2018. No. 6. P. 47–56. DOI: 10.26653/2076-4650-2018-6-04. (in Russ.)

10. Ryazantsev S. V., Lukyanets A. S. Emigration of youth from Russia: forms, trends and consequences. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshhestvenny`x nauk*. 2016. No. 1 (66). Pp. 59–72. (In Russ.)

11. Vasilyeva A. V. Assessment of the impact of migration on the security of socio-economic development of Russian regions. *Fundamental research*. 2014. No. 6. Part 1. Pp. 118–122. (In Russ.)

12. Vasilyeva E. N., Danilova E. O., Zueva O. V. Organizational and legal concepts as a tool for institutionalizing economic activity and social security of migrant workers (the work was prepared with the financial support of a Grant from the President of the Russian Federation. Project MK-2659.2014.6). *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii*. 2015. No. 1 (32). Pp. 160–165. (In Russ.)

13. Vasilieva E., et al. The Sources and Practice of Economic Activity of Young People in Social Networks. *International Journal of Recent Technology and Engineering*. 2019. No. 3. Vol. 8. Pp. 5055–5058. DOI: 10.35940/ijrte.C5686.098319.

14. Yudina T. N., Dmitriev M. G. Migration processes: models of analysis and forecasting (review). *Trudy` instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk*. 2017. Vol. 67. No. 2. Pp. 3–14. (In Russ.)

15. Tikhonova L. E., Maslenkova E. V. External labor migration in the Republic of Belarus. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016. No. 6. Pp. 49–55. (In Russ.)

16. Zlotnikov A. G. *Methodology of migration processes research in the Republic of Belarus*. In: Strategic objectives of demographic development: priorities and regional features: tenth Valenteevskie readings: materials of the jubilee International conference. (Moscow, October 27–29, 2020); Moscow State University; Ed. by O. S. Chudinovskikh, I. A. Troitskaya, A.V. Stepanova. M., 2020. Pp. 266–275. (In Russ.)

17. Vankevich E. V., Zaitseva O. V. Prevention of risks of instability and insecurity of employment. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo e`konomicheskogo universiteta*. 2017. No. 1. Pp. 5–13. (In Russ.)

Bio note:

Ekaterina N. Vasilieva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd, Russia.

Contact information: e-mail: vasilievaen@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0460-5539; WC Research ID: K6216-2013; Scopus Author ID: 55611633800; RSCI ID: 240731.

Elena O. Danilova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Volgograd, Russia.

Contact information: e-mail: danilovaelena@volsu.ru; ORCID ID: 0000-0002-2859-2226; Scopus Author ID: 57193578907; RSCI ID: 749022.

Received on 23.05.2022; accepted for publication on 22.08.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.11

EDN: BDMMJI

МОЛОДЕЖНЫЕ СОВЕТЫ ПРИ ГЛАВАХ АДМИНИСТРАЦИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Сунгуров А. Ю.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург), Санкт-Петербург, Россия
E-mail: asungurov@hse.ru*

Кукарцев С. М.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург), Санкт-Петербург, Россия
E-mail: stas_kuk6@mail.ru*

Носков М. Ю.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург), Санкт-Петербург, Россия
E-mail: michaelfirs291099@gmail.com*

Для цитирования: Сунгуров А. Ю., Кукарцев С. М., Носков М. Ю. Молодежные советы при главах администраций муниципальных образований Ленинградской области // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 146–157. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.11>. EDN: BDMMJI

Аннотация. Статья посвящена анализу молодежных советов при главах администраций муниципальных образований Ленинградской области, как МО-1 (города и поселки), так и МО-2 (районы Ленинградской области). Информация о развитии, деятельности и проблемах молодежных советов была получена с помощью полуструктурированных экспертных анонимных интервью, как с активистами этих молодежных советов, так и с сотрудниками муниципальных образований, курирующими их деятельность. На основании материалов исследования мы можем выделить три основных варианта реальной деятельности молодежных советов при главах администрации районов: Вариант А – «Клуб заинтересованных лидеров молодежных инициатив», вариант Б – «Коммуникативная площадка для диалога с заинтересованной главой района», вариант В – «Коммуникативная площадка без участия главы района».

Анализ развития молодежных советов в муниципальных образованиях 1 уровня, позволяет сделать вывод о том, что важными условиями успеха являются три фактора. Первый – наличие в поселениях хотя бы небольшой группы молодых людей с какими-то проявленными интересами. Наиболее частыми интересами бывают спорт и современная музыка. Есть и интерес к волонтерству, краеведению и т. д. (как результат усилий школы). Второй фактор – наличие разветвленной сети специалистов по молодежной политике, которые смогут увидеть таких молодых людей и разглядеть конкретику их интересов, чтобы помочь им найти себя. Это могут быть сотрудники как местных администраций, так и других структур, работающих с молодежью. И третий фактор – внимание к инициативной молодежи со стороны главы поселения. Важен как сам фактор общения, так и возможность оказать определенную материальную поддержку, начиная с помещения, в котором можно встречаться молодым.

Ключевые слова: молодежная политика; молодежные советы; главы муниципальных образований; общественно-консультативные советы; клубы по интересам; системный подход.

Введение

Проблема развития молодежной политики в современной России в целом и в ее отдельных регионах постоянно привлекает внимание исследователей [1; 2; 3]. Особенностью реализации молодежной политики является необходимость учета особенностей жителей России молодого возраста, а также их высоким миграционным потенциалом [4] и повышенной чувствительностью к фальшивым словам и имитационным практикам. Кроме того, сам процесс реализации молодежной политики «на низовом уровне» или уровне «street bureaucracy» [5] осуществляется преимущественно молодыми сотрудниками, которые сами еще недавно были объектами такой молодежной политики, и в этом одна из причин меньшей представленности имитационных практик в данном виде политики (policy). Чем и объясняется, в частности, наша, то есть департамента политологии и международных отношений НИУ ВШЭ – СПб, инициатива установления сотрудничества с комитетами по молодежной политике Санкт-Петербурга и Ленинградской области. И именно в рамках такого взаимодействия мы получили конкретный вопрос от ответственного сотрудника одного из этих комитетов: «Почему одни молодежные советы в муниципальных образованиях Ленинградской области хорошо работают, а другие угасают и прекращают существование?».

Данный вопрос заинтересовал и нас, поскольку молодежные общественно-консультативные советы при структурах муниципальных органов власти несут важные функции посредничества и медиаторства между обществом и властью, и повышение их эффективности – важная задача развития как гражданского общества в целом, так и муниципальной молодежной политики, в частности.

Молодежные советы являются частным случаем так называемых молодежных консультативно-совещательных органов (МКСО), существующих в виде молодежных правительств, молодежных парламентов, молодежных палат и молодежных советов [6]. При этом под молодежными советами понимают, как правило, молодежные версии городских советов депутатов [7; 8]. О. Ю. Отроков и Р. А. Пупыкин рассматривают такие консультативно-совещательные органы как формы молодежного самоуправления, выделяя среди них, с одной стороны, формируемые «сверху» молодежные правительства, молодежные парламенты и молодежные избирательные комиссии, с другой, образуемые снизу органы ученического и студенческого самоуправления [9]. Итак, мы видим фактическое отсутствие работ по анализу деятельности молодежных советов при главах администраций, что наряду с приведенным выше конкретным вопросом об их деятельности и стало основанием для настоящего исследования.

В связи с отсутствием существенной информации о деятельности молодежных советов в Ленинградской области в сети Интернет основным методом получения информации было проведение полуструктурированных экспертных анонимных интервью. Последующие респонденты подбирались по их совету, то есть мы использовали методику «снежного кома». Все интервью транскрибировались. Всего было взято 25 интервью, при этом 19 респондентов были членами молодежных советов, а 8 – сотрудниками районных администраций (два респондента были одновременно сотрудниками районных администраций и председателями районных молодежных советов). Общий объем транскрибированных интервью составил 10 печатных листов.

Мы постарались учесть важный фактор географического устройства Ленинградской области – области без центрального города, окружающей со всех сторон город-мегаполис Санкт-Петербург. Этот город обладает мощной притягательной си-

лой для молодежи, в том числе и благодаря большому количеству университетов и рабочих мест. В исследовании необходимо было учесть географическую удаленность от Санкт-Петербурга районов Ленинградской области. Поэтому мы выделили 4 группы районов: группу 1 (непосредственно граничащие с Санкт-Петербургом районы) – Всеволожский, Выборгский, Гатчинский, Ломоносовский и Тосненский районы; группу 2 (отделенные от Санкт-Петербурга одним районом Ленобласти) – Приозерский, Кировский, Киришский, Лужский, Волосовский и Кингисеппский районы; группу 3 – Сланцевский, Волховский и Тихвинский районы и группу 4 – наиболее удаленные Бокситогорский и Подпорожский районы. Соответственно, при выборе респондентов мы учитывали и данный фактор – интервью брались у представителей всех этих четырех групп районов.

Деятельность молодежных советов при главах районов (МО 2 уровня): возможные варианты

Полученные из интервью сведения позволяют выявить основные варианты деятельности районных молодежных советов. Рассмотрим их по порядку.

Ситуация 1. Председатель – человек с опытом руководства молодежным советом на своем предприятии: *«Когда пошло распоряжение, чтоб в поселениях сделать молодежные советы при главах, у нас в городе администрация занялась сбором молодых людей из разных отраслей. Первое время этот совет почти не работал, потому что не знали вообще, чем заниматься, что делать. Потом, когда я стал председателем, я использовал свой опыт – я был председателем совета молодых специалистов у себя на предприятии... и мы начали работать в плане не консультативно-совещательном, а в плане все-таки организации каких-то проектов – по просветительскому направлению, по экологии, по спорту – много всего в общем»¹.*

Ситуация 2. Председатель совета – тележурналист, совет из «инкубатора» инициатив превращается в площадку диалога с властью: *«Должен сказать, что молодежный совет, тот, что был в начале моей работы в нем, и тот, что сейчас, – это две совершенно разные организации. Тогда он был силой, которая объединяла в себе и проектную деятельность, и активизм, и участие в мероприятиях и их организация, и в меньшей степени как мост между администрацией и молодежью. Сегодня из него сформировались в нашем районе несколько движений, есть волонтерские объединения, союз активной молодежи – активистская организация, которая занимается организацией уличных мероприятий и акций, пропагандой здорового образа жизни и т. д. У нас появились 2 НКО, которые занимаются чисто проектами и тоже выполняют часть функций молодежного совета. В молодежном совете проводятся встречи с главой, и там мы ему рассказываем о том, что у нас происходит, что нас волнует, ну и все»².*

Ситуация 3. Совет как клуб и площадка для встреч с главой: *«Когда я пришла в совет, он работал уже 3 года, и весь актив города там был собран. У нас всегда есть 15 человек, которые готовы прийти на помощь, которым важно развитие нашего города, важно развитие молодежной политики и вот до сих пор как бы, поколения меняются, а эти 15 человек они стабильно у нас есть... У нас каждый месяц проходят круглые столы с участием главы района, когда мы сидим и обсуждаем проблемы, то он задает нам вопросы, и если нам необходимо, то мы просим у него помощи, либо совета»³.*

¹ Интервью с респондентом А, был председателем молодежного совета района. Район группы 2. 03.06.2021.

² Интервью с респондентом Б, был председателем молодежного совета района. Район группы 4. 02.06.2021.

³ Интервью с респондентом В.

Ситуация 4. Молодежный совет как форма координации деятельности организаций города: *«Мы коммуницируем внутри совета, но мы это делаем в рабочем порядке. У нас каждый совет представляет свой административный ресурс, свое предприятие, свой профсоюз. У нас очень большая активность молодежная идет, и это все действия совета при главе, всех членов, которые там присутствуют»⁴.*

Ситуация 5. Коммуникативная площадка под руководством сотрудника администрации: *«У нас есть молодежный совет N-ского района при главе администрации. Иногда у нас присутствует глава, но у нас район большой, довольно напряженный. Учитывая, что я председатель молодежного совета района. Соответственно, если какие-то вопросы надо решать – есть председатель нашего комитета. При необходимости выходим на главу»⁵.*

Ситуация 6. Молодежный совет онлайн под руководством сотрудника администрации: *«Общий молодежный совет, его как такового нет, то есть мы взаимодействуем больше в онлайн-режиме, я им скидываю письма, в которых предлагаю куда-то сходить, принять участие в мероприятиях, но, чтобы мы собирались и что-то проводили – этого нет»⁶.*

На основании процитированных, равно как и других интервью, мы можем выделить три основных варианта деятельности молодежных советов при главах районных администраций: Вариант А – «Клуб заинтересованных лидеров молодежных инициатив», вариант Б – «Коммуникативная площадка для диалога с заинтересованной главой района», вариант В – «Коммуникативная площадка без участия главы района». Из приведенных выше примеров ситуация 1 соответствует варианту А; ситуация 2 – трансформация варианта А в Б; ситуация 3 – комбинация типов А и Б, реализуемая при условии заинтересованности главы района; ситуации 4–6 соответствуют типу В, при этом ситуация 4 характерна для относительно крупных городов, где есть сильные организации и совет действует по принципу самоорганизации, а вариант 5 – когда советом руководит сотрудник районной администрации, причем в варианте 6, хотя респондент и использовал термин «онлайн», реально члены совета похоже не встречаются и в таком режиме просто реализуется телефонная связь сотрудника администрации с активистами на местах. Иными словами, ситуация 6 – это случай навязанной имитации. Наиболее оптимальной, на наш взгляд, можно считать ситуацию 2, когда вариант А эволюционирует в вариант Б.

Отдельно стоит обратить внимание на варианты 5 и 6, когда председателем молодежного совета является сотрудник администрации района, так как в данном случае заложен конфликт интересов. Это особенно опасно, так как уже наблюдается тиражирование подобного опыта, что приводит к ситуации навязанной имитации.

Молодежные советы при главах городов и поселков (МО 1 уровня)

Рассмотрим сначала ситуации с этими советами глазами сотрудников районных администраций. Ситуация 7. Активная позиция, есть опыт и ресурсы. Первый пример: *«Мы, когда начинали работать, объезжали все поселения. У нас была молодежка только в двух городах района. Мы спрашивали, как у вас молодежь? Некоторые [главы администраций] говорили: «Окно открыл, мячик бросил и играют на улице! – Вот и все о молодежной политике». Мы провели большую работу. Семинары по молодежной политике с нуля, которые мы*

⁴ Интервью с респондентом Г, руководителем молодежного совета в своем институте и членом совета муниципального округа. Район группы 2.

⁵ Интервью с респондентом Д, сотрудником районной администрации и председателем молодежного совета района. Район группы 1. 08.06.2021.

⁶ Интервью с респондентом Е, сотрудником районной администрации и председателем молодежного совета района. Район группы 2. 08.06.2021.

сами придумывали и проводили. Просто зачастую специалист занимается всем чем угодно, но только потом уже молодежной политикой. Он занимается землей, лесом, погребениями, чем-то еще. И вот ему совсем нет дела до молодежной политики... Мы это знаем и видим»⁷.

Ситуация 8. Такой пример: «Есть поселения на пятерку. Даже когда сменяются специалисты, например, уходят в армию или переезжают в город Санкт-Петербург, они сразу ищут себе замену, не бросают свое дело и привозят себе на смену подрастающее поколение. Поэтому у нас кадры не теряются. Я бы на первое место поставила участников советов, которые «горят», которые хотят, но, когда они не видят реализации своих идей, они теряют интерес. Именно здесь должны подключиться специалисты на местах»⁸.

Ситуация 9. Активная позиция, есть опыт и интересные инициативы, но мало ресурсов: «В поселении N молодежный совет возглавляет очень активная девушка-руководитель. Она также работает в Доме культуры. В этот Дом культуры приходят ребята, она их подключает к работе молодежного совета и добровольческого клуба. Должен быть лидер! Будет лидер – будет и команда. Я решаю вопросы точно: звоню, пишу, либо со мной связываются напрямую, и мы находим решение проблем. Немаловажным является понимание главой поселения целей молодежной политики»⁹.

Рассмотрим теперь варианты ситуаций с молодежными советами в поселениях глазами активистов-общественников.

Ситуация 10. Создание молодежных советов «сверху»: «Для меня важно развитие молодежной политики нашей необъятной Ленинградской области, а также в нашем районе, поэтому 19 августа 2019 года мы открыли совет молодежи N-ского сельского поселения. Была цель создать объединение, которое будет проводить мероприятия, заниматься социальным проектированием, и вот мы это сделали... В других поселениях были другие инициаторы, в основном сотрудники Домов культуры, которые находятся непосредственно в поселениях»¹⁰.

Ситуация 11. Молодежный совет во втором городе района: «У нас давно существовало напряжение между центром района – N, и вторым городом – M, который немного больше. У них уже очень давно существует молодежная общественная организация МАРС, около 15 лет. Они были основоположниками своего местного молодежного совета при главе администрации города. И они же активисты из M привели к тому, чтобы совет района появился»¹¹.

Ситуация 12–1. Глазами волонтера и сотрудника районного Центра культуры и молодежных инициатив: «Так как я провожу районные мероприятия, то знаю, к кому обратиться по разным вопросам реализации молодежной политики. Сейчас из пятнадцати поселений примерно в пяти «молодежка» реализуется хорошо. Там есть и инициативные люди, там и администрация, даже если не сама администрация, то хотя бы подведомственные учреждения их поддерживают. Есть еще ситуации, когда власть не заинтересована в молодежной политике, поскольку считает это бессмысленным»¹².

Ситуация 12–2. Глазами волонтера и сотрудника молодежного коворкинг-центра: «Молодежный совет активный в городе N, там X председатель, очень активная женщина с детьми, она работает в ДК, и это ее способ реализации. Также у нас есть в M молодежный совет, его возглавляет, по-другому не могу сказать, старый активист. Он больше 15 лет в мо-

⁷ Интервью с респондентом Д.

⁸ Интервью с респондентом Ж, сотрудником районной администрации. Район группы 1. 01.06.2021.

⁹ Интервью с респондентом Е.

¹⁰ Интервью с респондентом В.

¹¹ Интервью с респондентом Б.

¹² Интервью с респондентом З, сотрудником районного центра культуры и молодежных инициатив, координатором движения волонтеров. Район группы 1. 22.06.2021.

лодежной политике, он уже сам не молодой, но собрал вокруг себя ребят активных и с ними что-то организует»¹³.

Ситуация 13. Глазами уставшего бывшего председателя молодежного совета района: «У нас район – это шесть поселений. Два поселения городских и четыре – сельских. Молодежный совет есть только в центральном городе района, он считается как бы районным. Мы ездили в свое время, встречались с активной молодежью, с кем-то общались, но они должны сами начать это делать»¹⁴.

Подведем некоторые итоги по теме развития молодежных советов в муниципальных образованиях 1 уровня. Важными условиями успеха, как следует из рассмотренных фрагментов интервью, являются три фактора.

Первый – наличие в поселениях хотя бы небольшой группы молодых людей с какими-то проявленными интересами. Наиболее частыми интересами бывают спорт, современная музыка. Есть и, как результат во многом усилий школ, интерес к волонтерству, краеведению и т. д. Это необходимый, но недостаточный фактор. Вторым фактором – наличие разветвленной сети специалистов по молодежной политике, которые смогут увидеть таких молодых людей и разглядеть конкретику их интересов, чтобы помочь им найти себя. Это могут быть как сотрудники местных администраций, так и других структур, работающих с молодежью (Ситуации 12–1 и 12–2, подробнее о них – в следующем разделе). Иначе говоря, необходима сеть заинтересованных специалистов, способных при занятости и другими задачами, быть, с одной стороны, в курсе ситуации «на месте», и с другой – постоянно взаимодействовать с коллегами из районной администрации. Об этом хорошо описано в Ситуациях 8–9. И третий фактор – внимание к инициативной молодежи со стороны главы поселения. Важен как сам фактор общения, так и возможность оказать определенную материальную поддержку, начиная с помещения, в котором можно было бы встречаться. Интересен опыт самоподдерживающейся команды из города М, описанный в Ситуации 11.

Ситуация 10 – когда молодежные советы создаются благодаря «десанту» с районного уровня – нестабильна, и без активной поддержки инициаторов легко может сойти на «нет». Итогом может стать и пессимизм ситуации 13.

Другие участники реализации молодежной политики на местах

Как следует из представленных в предыдущем разделе цитат из интервью, наряду с сотрудниками районных и местных администраций, а также школ, работой с молодежью, то есть реализацией молодежной политики, занимаются и сотрудники других структур. Они могут существовать на базе градообразующих предприятий («У нас есть Дворец культуры, он ведомственный, он принадлежит градообразующему предприятию. Естественно, там есть специалист по работе с молодежью при ДК. Есть еще молодежно-досуговый центр, там тоже молодежь может работать»¹⁵), но есть и иные варианты.

Так, респондент И заведует отделом молодежных инициатив в муниципальном бюджетном учреждении «Районный центр культуры и молодежных инициатив»: «Я не знаю, как в других районах, есть отдельно молодежные центры как коворкинги, есть Дома культуры, а у нас это совмещено, мы оказываем услуги и населению по организации концертов и кружковой деятельности, по молодежной политике мы работаем на весь район, не только

¹³ Интервью с респондентом И, сотрудником молодежного коворкинг-центра и волонтером. Район группы 1. 23.06.2021.

¹⁴ Интервью с респондентом А.

¹⁵ Там же.

в нашем поселке»¹⁶. Другой респондент работает начальником сектора молодежной политики Муниципальной казенной организации «Центр молодежной политики, культуры спорта и туризма г. N», являясь одновременно председателем молодежного совета при главе города N: «Я знаю, что везде реализация молодежной политики устроена по-разному: где-то сектора и специалисты по молодежной политике работают на базе городских домов культуры, где-то есть один специалист, который отвечает за все направления одновременно, поэтому в каждом по отдельности муниципальном районе необходимо уточнять такие моменты»¹⁶.

Иногда, при отсутствии инициативы со стороны администрации района, молодежные советы создают сотрудники коворкинг-центров, имеющие опыт членства в молодежных советах при главах районов: «У нас, как молодежного совета при главе района, не было каких-то громких инициатив, помимо одного молодежного форума нашего района. Потом у председателя совета родился ребенок, и он начал из колеи этой очень сильно выпадать. Сейчас молодежный совет не функционирует, более того, в декабре его полномочия закончились согласно положению. Новый совет, из-за коронавируса, создать так и не получилось, потому что мы то в красной зоне, то в желтой. Вот мы как раз создали совет молодежи при коворкинг-центре, в нем и ведем деятельность. И мы за счет этой какой-то уже осязаемой мотивации, работаем с ребятами, тем более я являюсь инструктором [по горнолыжному спорту], работаю очень давно, и в лагерь меня приглашают»¹⁷.

Об этой практике – о вовлечении молодых общественников в деятельность подобных центров с определенной оплатой – как о целенаправленной политике говорит в своем интервью респондент Б: «Эти структуры – не исполнительная власть, это – учреждения культуры, спорта либо комбинированные учреждения, поэтому вовлечение в их деятельность общественников – конечно, хорошо. Однако сотруднику, работающему хотя бы на полставки, можно что-то поручить, спросить за те или иные заслуги. И, конечно, это также является одним из маленьких шажков, чтобы инициировать молодежные советы. Потом они, уже набравшись опыта, могут идти работать в исполнительную власть»¹⁸.

Таким образом, мы видим следующие варианты вне властных позиций участников реализации молодежной политики:

- Отдел молодежных инициатив Муниципального учреждения Районный центр культуры и молодежных инициатив.
- Сектор молодежной политики МКО Центр молодежной политики, культуры спорта и туризма.
- Специалист по работе с молодежью культурно-досугового центра района.
- Сотрудник молодежного коворкинг-центра.

Проблемы во взаимодействии МО с администрацией и их структурами

В ходе интервью респондентам задавался вопрос о том, какие проблемы во взаимодействии с районной администрацией или областными структурами они видят, а также что они от такого взаимодействия ожидают. В качестве основной проблемы на районном уровне многие респонденты отмечали недостаток понимания важности молодежной политики со стороны областного руководства. Наиболее ярко это сфор-

¹⁶ ¹⁶ Интервью с респондентом З.

Интервью с респондентом К, сотрудником Муниципальной казенной организации Центр молодежной политики, культуры спорта и туризма. Район группы 2. 24.06.2021.

¹⁷ Интервью с респондентом И.

¹⁸ Интервью с респондентом Д.

мулировала респондент Ж: «Дело в том, что должен быть человек, который бы занимался советом, и глава, который понимал важность этого. Во-первых, понимал, что такое молодежная политика и что это важно. То есть, у нас есть Центр физической культуры и спорта и молодежной политики с большими буквами, есть конференц-зал, где мы можем с ребятами собраться, но это все не то»¹⁹.

Об этом же, по сути, говорил и другой респондент: «Но так как у нас за последние 2 года, можно сказать, третий глава администрации, нам тяжело сейчас создавать новую структуру, потому что идут вечные перестановки. А хочется работать с человеком на долгосрочную перспективу. И тогда с ним уже можно будет вести какой-то диалог»²⁰.

Об исчезновении интереса главы района к прямому взаимодействию с молодежным советом поведал и респондент Г: «По первости глава района проводил круглые столы раз в год с активной молодежью города, всех приглашал и общался, но потом эта практика просто ушла»²¹.

Еще об одной проблеме, связанной с межведомственной разобщенностью исполнительной власти, сказал респондент Л: «Я не назову это проблемой, я назову это обстоятельством, связанным с комитетом по образованию, потому что его сотрудники в некоторых моментах являются таким ступором... Моменты бывают, что мы им предлагаем принять участие в каких-то мероприятиях наших школ, волонтеров, на что слышим в ответ, что у них свои мероприятия в эти дни, и они никуда не пойдут»²².

На наш вопрос об ожиданиях со стороны Комитета по молодежной политике Правительства Ленобласти был получен такой ответ: «Ну, я считаю, что вообще нужно, наверное, изначально просто определить задачу, которой занимается молодежный совет любого района. Потому что, я понимаю, что конкретная задача совета все равно не определена»²³. Или такой: «Единственное что, и это основное, чего, я лично считаю, не хватает для работы совета – это чтобы был курирующий специалист. Второе, надо чуть-чуть хотя бы побольше средств вкладывать, может быть, делегацию отправить на какой-то форум или какой-то мерч закупить красивый, как у других районов»²⁴.

Подводя итоги вышесказанному, мы видим, что и здесь основной проблемой является недостаточное понимание главами районов важности молодежной политики.

Выводы и рекомендации

На основании материалов исследования мы можем выделить три основных варианта реальной деятельности молодежных советов при главах администрации районов: Вариант А – «Клуб заинтересованных лидеров молодежных инициатив», вариант Б – «Коммуникативная площадка для диалога с заинтересованным главой района», вариант В – «Коммуникативная площадка без участия главы района». При этом реализация определения молодежного совета как «консультативно-совещательного органа», скопированного из положений о других ОКС (общественно-консультативных советах), неконструктивна. Поэтому наиболее естественным для молодых лидеров является реализация варианта А, который в дальнейшем может перерасти в вариант Б, однако для него необходима сильная мотивация главы райо-

¹⁹ Интервью с респондентом Е.

²⁰ Интервью с респондентом З.

²¹ Интервью с респондентом А.

²² Интервью с респондентом К.

²³ Интервью с респондентом К.

²⁴ Интервью с респондентом А.

на, что, к сожалению, пока является исключением. Вариант В может быть реализован путем самоорганизации представителей сильных организаций (что характерно для относительно больших городов) либо при руководстве сотрудника администрации.

Анализ развития молодежных советов в муниципальных образованиях 1 уровня, позволяет сделать вывод о том, что важными условиями успеха являются три фактора. Это могут быть сотрудники как местных администраций, так и других структур, работающих с молодежью. И третий фактор – внимание к инициативной молодежи со стороны главы поселения. Важен как сам фактор общения, так и возможность оказать определенную материальную поддержку, начиная с помещения, в котором можно встречаться молодым.

Выявлены такие варианты вне властных позиций участников реализации молодежной политики: 1) отдел молодежных инициатив Муниципального учреждения Районный центр культуры и молодежных инициатив; 2) сектор молодежной политики МКО Центр молодежной политики, культуры спорта и туризма; 3) специалист по работе с молодежью культурно-досугового центра района; 4) сотрудник молодежного коворкинг-центра.

При анализе проблем развития молодежных советов важно отметить недостаточное внимание к перспективам роста и развития активных членов этих советов на территории района и МО. Выходом из такой ситуации может быть их рассмотрение как важной части кадровой политики, будущего управленческого резерва. Частично это реализуется в отдельных районах привлечением их к оплачиваемой работе в коворкинг-центрах и подобных структурах. Отдельной и важной темой является профессиональное развитие самих сотрудников администраций всех уровней, их зарплата и карьерный рост. Так, выявлено, что некоторые из них не проходили переподготовку и повышение квалификации по специфике своей работы – по реализации молодежной политики. Возможности же для проведения таких курсов в Санкт-Петербурге имеются. Проблемой является также и ее более низкий уровень, чем у сотрудников других профилей. Иначе говоря, «финансирование по остаточному принципу», что по определению будет вызывать у руководителей разного уровня, включая и часть глав районов, ощущение, что молодежная политика не входит в число властных приоритетов.

Основным выводом данного исследования и одновременно рекомендацией является необходимость системного, комплексного подхода к реализации молодежной политики в области, разработка Концепции молодежной политики, отдельные направления которой сегодня реализуются уже многими субъектами общественно-политической жизни Ленинградской области. Развитие молодежных консультативно-совещательных структур при органах муниципальной власти является важным направлением современной молодежной политики, для развития которого требуется системный подход на основе структурно-функциональной составляющей, позволяющей определить структуры и функции, права и обязанности субъектов, ответственных за работу с молодежью на местах, в условиях муниципальных образований. Особое внимание должно быть уделено формированию молодежной инициативы с учетом принципа адресности, в том числе средствами организаций различных форм и видов собственности.

Список респондентов:

- Респондент А был председателем молодежного совета района. Район группы 2, 03.06.2021.
- Респондент Б, был председателем молодежного совета района. Район группы 4. 02.06.2021.
- Респондент В, председатель молодежного совета района. Район группы 3, 03.06.2021.
- Респондент Г, руководитель молодежного совета в своем институте и член совета района. Район группы 2. 08.06.2021.
- Респондент Д, сотрудник районной администрации и председатель молодежного совета района. Район группы 1. 08.06.2021.
- Респондент Е, сотрудник районной администрации и председатель молодежного совета района. Район группы 2. 08.06.2021.
- Респондент Ж, сотрудник районной администрации. Район группы 1. 01.06.2021.
- Респондент З, сотрудник районного центра культуры и молодежных инициатив, координатор движения волонтеров. Район группы 1. 22.06.2021.
- Респондент И, сотрудник молодежного коворкинг-центра и волонтер. Район группы 1. 23.06. 2021.
- Респондент К, сотрудник муниципальной казенной организации Центр молодежной политики, культуры спорта и туризма. Район группы 2. 24.06.2021.

Список литературы

1. *Тарцан В. Н.* Государственная молодежная политика в современной России. Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 156–160.
2. *Луначева Н.* Основные проблемы государственной молодежной политики в России и пути их решения. Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 282–291.
3. *Silvan K.* Youth Policy Practice in Post-Soviet Russia and Belarus: Past and Present. Mir Rossii. Vol. 28. No 1. Pp. 161–171. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-161-171.
4. *Журавлев Н. Ю.* Миграционное поведение студенчества северного города. ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 182–193. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.14.
5. *Lipsky M.* Street-level democracy: Dilemmas of the individual in public services. Russell Sage Foundation. – New York, 2010. – 275 p.
6. *Лагуткина А. М.* Молодежные объединения и объединения молодежи: сравнительно-правовой анализ. Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 3 (73). С. 38–41.
7. *Сапарова Д. М.* Молодежный совет Томска в молодежной политике города. Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 94–96.
8. *Гильманова Д. Р.* Работа молодежных советов в городах Республики Башкортостан. Города и местные сообщества. 2017. Т. 1. С. 153–158.
9. *Отроков О. Ю., Пупыкин Р. А.* Молодежное самоуправление в России на современном этапе: основные признаки, функции и уровни деятельности. Научный журнал КубГАУ. 2017. № 129 (05). С. 1–15.

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-032) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Сведения об авторах:

Сунгуров Александр Юрьевич, доктор политических наук, старший научный сотрудник, профессор департамента политологии и международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург), Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: asungurov@hse.ru; 0000-0003-4834-063X; РИНЦ Author ID 615464; Web of Science Researcher ID L-6435-2015; Scopus Author ID 57191095128.

Кукарцев Станислав Михайлович, студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург), Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: stas_kuk6@mail.ru; ORCID ID 0000-0003-4884-1581.

Носков Михаил Юрьевич, студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург), Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: michaelfirs291099@gmail.com; ORCID ID 0000-0003-3809-1246.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; принята в печать 07.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

YOUTH COUNCILS OF THE HEADS OF LOCAL GOVERNMENTS IN Leningradskaya Oblast'

Alexandr Yu. Sungurov

National Research University Higher School of Economics (HSE – St. Petersburg),
St-Petersburg, Russia

E-mail: asungurov@hse.ru

Stanislav M. Kukartcev

National Research University Higher School of Economics (HSE – St. Petersburg),
St-Petersburg, Russia

E-mail: stas_kuk6@mail.ru

Mikhail Yu. Noskov

National Research University Higher School of Economics (HSE – St. Petersburg),
St-Petersburg, Russia

E-mail: michaelfirs291099@gmail.com

For citation: Alexander Yu. Sungurov, Stanislav M. Kukartcev, Michael Yu. Noskov. Youth councils of the heads of local governments in Leningradskaya oblast'. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 146–157. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.11>. EDN: BDMMJI

Abstract. The article is devoted to the analysis of youth councils under the heads of administrations of municipalities of the Leningrad region, both MO-1 (cities and towns) and MO-2 (districts of the Leningrad region). Information about the development, activities and problems of youth councils was obtained through semi-structured expert anonymous interviews, both with activists of these youth councils and with employees of municipalities overseeing their activities. Based on the research materials, we can identify three main options for the real activity of youth councils under the heads of district administrations: Option A – “Club of interested leaders of youth initiatives”, option B – “A communicative platform for dialogue with the interested head of the district”, option C – “A communicative platform without the participation of the head of the district”. An analysis of the development of youth councils in municipalities of the 1st level allows us to conclude that three factors are important conditions for success. The first is the presence in the settlements of at least a small group of young people with some expressed interests. The most frequent interests are sports and modern music. There is also an interest in volunteering, local history, etc. (as a result of the school's efforts). The second factor is the presence of an extensive network of youth policy specialists who will be able to see such young people and see the specifics of their interests in order to help them find themselves. These may be employees of both local administrations and other structures working with young people. And the third factor is the attention to initiative youth from the head of the settlement. The communication factor itself is important, as well as the opportunity to provide some financial support, starting with a room in which young people can meet.

Keywords: youth policy; youth councils; heads of municipalities; public advisory councils; interest clubs; a systematic approach.

References

1. Tarczan V. N. State youth policy in contemporary Russia. *Polis. Political Studies*. No. 3. Pp. 156–160. (In Russ.)
2. Lupacheva N. S. The main problems of state youth policy in Russia and the ways of their decisions. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronii vestnik*. 2018. No. 67. Pp. 282–291. (In Russ.)
3. Silvan K. Youth Policy Practice in Post-Soviet Russia and Belarus: Past and Present. *Mir Rossii*. 2019. Vol. 28. No 1. Pp. 161–171. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-161-171.
4. Zhuravlev N. Yu. Migration behavior of students from north city // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. № 2. Pp. 182–193. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.14. (In Russ.)
5. Lipsky M. *Street-level democracy: Dilemmas of the individual in public services*. Russell Sage Foundation: New York, 2010. 275 p.
6. Lagutkina A. M. Youth association and associations of youth: Comparative Jurisprudence Analysis. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava*. 2010. No. 3 (73). Pp. 38–41. (In Russ.)
7. Saporova D. M. Youth council of Tomsk in the youth policy of city. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiya*. 2013. No. 5 (25). Pp. 94–96. (In Russ.)
8. Gilmanova D. R. Activities of youth councils in cities of Bashkortostan Republic. *Goroda i mestnie soobshchestva. [Cities and local communities]*. 2017. Vol. 1. Pp. 153–158. (In Russ.)
9. Otrokov O. Yu., Pupikin R. A. The Youth self-government in contemporary Russia: main features, functions and levels of activities. *Nauchnii zhurnal KubGAU. [Nauchny'j zhurnal KubGAU]*. 2017. No. 129(05). Pp. 1–15. (In Russ.)

Bio note:

Alexander Yu. Sungurov, Dr. of Political Science, professor of department of political science and international Relations, National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg (NRU HSE – SPb), Saint Petersburg, Russia.

Contact information: e-mail asungurov@hse.ru ORCID ID 0000-0003-4834-063X; RSCI Author ID 615464; Web of Science Researcher ID L-6435-2015; Scopus Author ID 57191095128.

Stanislav M. Kukartcev, student, National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg (NRU HSE – SPb), Saint Petersburg, Russia.

Contact information: e-mail stas_kuk6@mail.ru, ORCID ID 0000-0003-4884-1581.

Michael Yu. Noskov, student National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg (NRU HSE – SPb), Saint Petersburg, Russia.

Contact information: e-mail michaelfrs291099@gmail.com, ORCID ID 0000-0003-3809-1246.

Received on 30.06.2022; accepted for publication on 07.09.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.12

EDN: DPNECS

НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ГОРОДА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРА

Безвербный В. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: vadim_ispr@mail.ru

Для цитирования: Безвербный В. А. Научная экспедиция в монопрофильные города Свердловской области и Ханты-Мансийского автономного округа – Югра // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 158–164. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.12>. EDN: DPNECS

18–28 июня 2022 г. в рамках реализации завершающего этапа научного проекта по гранту РФФИ № 20-010-00924 «Социально-экономическая стабильность и демографическое положение моногородов Уральского федерального округа (Урало-Сибирского макрорегиона): моделирование сценариев развития» сотрудники ФНИСЦ РАН провели научную экспедицию в монопрофильные города Свердловской области и Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. В экспедиции приняли участие: заместитель директора по стратегическому развитию и кадровой политике ИДИ ФНИСЦ РАН, заведующий отделом георбанистики и пространственной демографии, кандидат экономических наук **В. А. Безвербный** (руководитель проекта); ведущий научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН, кандидат социологических наук, доцент **И. А. Селезнев**; ведущий научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, кандидат географических наук, доцент **К. А. Чернышев**; младший научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН **Т. Р. Мирязов**.

На третьем этапе реализации научного проекта коллективом было принято решение о включении в грантовое исследование моногородов Тюменской области, не вошедших в текущий перечень моногородов Правительства РФ, но входящих в перечень моногородов в соответствии с Приказом № 597 Министерства регионального развития Российской Федерации от 23 декабря 2011 года, в соответствии с которым в список моногородов были включены монопрофильные населенные пункты ХМАО и ЯНАО (г. Сургут, г. Нижневартовск, г. Нефтеюганск, г. Когалым, г. Мегион, г. Нягань, г. Радужный, г. Урай, г. Лангепас, г. Покачи, пгт. Пойковский, пгт. Излучинск, п. Горноправдинск, пгт. Новооганск, Губкинский, г. Надым, г. Новый Уренгой, г. Ноябрьск). Данное решение было обусловлено ухудшением конъюнктуры на мировом рынке углеводородов, международным санкционным давлением, стратегией пере-

хода нашей страны к углеродной нейтральности и, как итог, повышением рисков социально-экономического развития вышеперечисленных населенных пунктов.

Основными задачами экспедиции стали: изучение демографических тенденций и миграционных предпочтений жителей моногородов Уральского федерального округа (УрФО), анализ социально-экономической ситуации и социальных аспектов жизнедеятельности населения, исследование проблем обеспечения градообразующих предприятий профессиональными кадрами в условиях миграционного оттока и депопуляции в УрФО.

Основной целью полевых экспедиций явилось проведения опросов населения и глубинных интервью экспертов в 29 моногородах Уральского федерального округа (со стабильной социально-экономической ситуацией и монопрофильных поселениях Тюменской области).

Социологические исследования (глубинные интервью и анкетирование, в среднем по 75–100 человек трудоспособного возраста из представителей местного населения, местных органов власти и бизнеса) позволяют детально изучить тенденции развития рынков труда регионов, состояние и перспективы градообразующих предприятий, социально-политические вызовы и социально-экономические реалии, определить наиболее трудодефицитные отрасли экономики и востребованные профессии, исследовать причины дефицита/профицита рабочей силы и причин миграционного оттока в данных макрорегионах, понять специфику формирования демографического потенциала и развития региональных рынков труда монопрофильных городов Урала.

В ходе интервью экспертов (главы и заместители глав городов и поселений, сотрудники отделов экономической политики и территориального развития) и опросов трудоспособного населения были получены уникальные социологические и статистические данные, позволившие оценить ситуацию на рынке труда, социально-экономическое самочувствие населения, экономическое положение градообразующей отрасли и предприятий, корпоративную ответственность градообразующих предприятий, тенденции демографического развития городов и особенности миграционного и демографического поведения населения.

Маршрут экспедиции был следующим: Екатеринбург – Нижний Тагил – Верхняя Салда – Серов – Нягань – Урай – Тобольск – Тюмень — Екатеринбург и составил более 2700 км автомобильных дорог.

В данных городах были проведены массовые анкетные опросы, серия экспертных интервью и социологическое наблюдение текущей ситуации. Состоялись рабочие встречи с руководством администраций городов и представителями градообразующих предприятий.

21 июля 2022 г. состоялась деловая встреча с заместителем Главы Администрации Нижнего Тагила по финансово-экономической политике А. В. Бурдиловым и представителями ключевых управлений и отделов Администрации города.

Рис. 1. Карта маршрута экспедиции по моногородам УрФО 18.06.2022–28.06.2022
Fig. 1. Map of the expedition route in the monotonies of the Ural Federal District
18.06.2022–28.06.2022

Рис. 2. На фото в центре – заместитель Главы Администрации Нижнего Тагила по финансово-экономической политике А. В. Бурдилов; во встрече также участвовали представители ряда управлений и отделов г. Нижний Тагил
Fig. 2. In the photo in the center – Deputy Head of the Administration of Nizhny Tagil for financial and economic policy A. V. Burdilov; the meeting was also attended by representatives of several departments of the Nizhny Tagil

Благодаря усилиям Администрации Нижнего Тагила была организована экскурсия по историческим достопримечательностям города и музейному комплексу Научно-производственной корпорации Уралвагонзавод им. Ф. Э. Дзержинского.

Рис. 3. Экскурсия по музейному комплексу Научно-производственной корпорации Уралвагонзавод им. Ф. Э. Дзержинского

Fig. 3. Excursion around the museum complex of the Research and Production Corporation Uralvagonzavod named after F. E. Dzerzhinsky

22–26 июля 2022 г. состоялись деловые встречи с представителями городских администраций г. Верхняя Салда, г. Серов, г. Урай.

Рис. 4. Деловая встреча участников научной экспедиции с представителями Администрации г. Верхняя Салда

Fig. 4. Business meeting of the participants of the scientific expedition with representatives of the Administration of Verkhnyaya Salda

Рис. 5. Деловая встреча участников научной экспедиции с представителями Администрации г. Урай

Fig. 5. Business meeting of the participants of the scientific expedition with representatives of the Administration of the city of Uray

При определении социально-экономического и демографического состояния моногородов были выбраны наиболее полно отражающие развитие поселения, с точки зрения авторов, показатели местного учета. Они отбирались по принципу доступности во всех моногородах муниципальных данных для анализа и представляют собой следующую совокупность 7 демографических и 7 экономических мер:

- общий коэффициент естественного прироста населения;
- общий коэффициент миграционного прироста населения;
- доля трудоспособного населения в общей численности населения;
- доля людей младшего возраста к общей численности населения;
- коэффициент демографической нагрузки;
- специальный коэффициент рождаемости;
- доля занятого трудоспособного населения;
- оборот розничной торговли;
- среднемесячная заработная плата;
- объем отгруженных товаров;
- прибыль организаций на территории муниципального образования;
- доходы муниципального бюджета;
- отношение собственных доходов к расходам муниципального бюджета;
- объем инвестиций в основной капитал.

Для сопоставления моногородов друг с другом, с Уральским макрорегионом и Российской Федерацией в целом экономические показатели рассчитывались на душу населения либо в зависимости от показателя, в процентах от его общего значения.

Учитывая, что муниципальная статистика, как правило, характеризуется неполнотой сведений, в большинстве случаев имелась возможность расчета лишь общих демографических коэффициентов. Для дополнительной надежности при анализе муниципальной статистики использовались отчеты (доклады) о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, отчеты о состоянии основных показателей социально-экономического развития. С одной стороны, они могут как расходиться с данными Росстата, так и содержать противоречия в собственной структуре, с другой – комплексно демонстрируют социально-экономическое состояние муниципалитета с точки зрения муниципальной власти того или иного города. Данная особенность также была принята во внимание.

Отдельно был разработан индекс экономико-демографического развития моногородов (индекс ЭДР), показывающий оценку рассматриваемых поселений по величине и темпам прироста среднегодовых социально-экономических и демографических показателей.

Проанализированные участниками экспедиции данные недвусмысленно говорят о том, что моногорода сталкиваются с большим спектром неразрешенных проблем. Их систематизацию можно представить в следующем виде:

- снижение численности трудоспособного населения и квалифицированных кадров;
- высокая смертность, низкая рождаемость и миграционный отток;
- активное старение населения;
- низкая заработная плата;
- нестабильная и/или отрицательная прибыль организаций;
- неконкурентоспособная сфера услуг;
- зависимость от трансфертов вышестоящих уровней;
- зависимость от градообразующего предприятия.

К этому списку можно добавить и дополнительные положения: сегодня выходит немало исследований, посвященных проблемам моногородов (в том числе и Урала). Здесь важно другое – большая часть моногородов остается на прежнем уровне развития, сопоставимом с 2014 г. Время прошлого десятилетия, которое могло видоизменить экономическую структуру монопрофильных поселений, было использовано не в полной мере и недостаточно эффективно.

Справедливости ради стоит заметить, что какие-либо адресные меры поддержки данных поселений сложились лишь к середине десятилетия и уже после формирования списка моногородов с делением на три цветовые зоны. Вероятно, 5 лет – недостаточный период для комплексного вывода моногородов из сложившегося кризиса. При этом заметные успехи, как правило связанные с сохранением градообразующих предприятий, действительно есть. Можно назвать несколько положительных примеров – от Карабаша до Нытвы, когда удалось сохранить и развить существующее производственную базу главных городских предприятий. Кроме того, достаточно стабильный уровень социально-экономического развития и корпоративной ответственности демонстрируют города базирования ПАО «Лукойл»: г. Когалым, г. Лангепас, г. Урай.

Помимо обсуждения рабочих вопросов, в ходе состоявшихся встреч участники экспедиции представили и передали в дар новейшие научные издания ИДИ ФНИСЦ РАН, также были достигнуты договоренности о дальнейшем сотрудничестве и оказании экспертного содействия администрациям моногородов.

Сведения об авторе:

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, заместитель директора по стратегическому развитию и кадровой политике, заведующий отделом геоурбанистики и пространственной демографии Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID ID 0000-0002-3148-7072; РИНЦ Author ID: 539479; Web of Science Researcher ID: 0-1050-2016.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-010-00924 А.

Статья поступила в редакцию 01.08.2022; принята в печать 05.09.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SCIENTIFIC EXPEDITION TO SINGLE-INDUSTRY CITIES OF THE SVERDLOVSK REGION AND KHANTY–MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA

Vadim A. Bezverbny

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vadim_ispr@mail.ru

For citation: Vadim A. Bezverbny. Scientific expedition to single-industry cities of the Sverdlovsk region and Khanty–Mansiysk autonomous okrug – Yugra. *DEMIS. Demographic research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 158–164. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.12>. EDN: DPNECS

Bio note:

Vadim A. Bezverbny, Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director, Head of the Department of Geo-Urban Studies and Spatial Demography of the Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID ID 0000-0002-3148-7072; RSCI Author ID: 539479; Web of Science Researcher ID: 0-1050-2016.

Acknowledgements and financing:

The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-010-00924 А.

Received on 01.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.13

EDN: CSGNLW

НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ СОТРУДНИКОВ ИДИ ФНИСЦ РАН ПО ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИИ В КАВКАЗСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ РОССИИ

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Вазиров З. К.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Медведь В. А.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, МГИМО МИД России,
Москва, Россия*

E-mail: viktoryamedved@gmail.com

Очирова Г. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: galinaochirova93@gmail.com

Рязанцев Н. С.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Российский
университет дружбы народов, Москва, Россия*

E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

Для цитирования: Рязанцев С. В., Вазиров З. К., Медведь В. А., Очирова Г. Н., Рязанцев Н. С. Научная экспедиция сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН по изучению миграции в Кавказском приграничье России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 165–180. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.13>. EDN: CSGNLW

Введение

В рамках проекта РФФИ «Международная миграция в приграничных регионах России: модели поведения населения и социально-экономические эффекты для развития территорий» научные сотрудники Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН) с 25 июня по 10 июля 2022 года совершили исследовательскую экспедицию в Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Ингушетию, Ставропольский край, Краснодарский край и Республику Абхазию. Основными целями экспедиции стало выявление особенностей, форм и трендов международной миграции в приграничных регионах Российской Федерации.

В ходе экспедиции были собраны эмпирические данные по проекту, в том числе статистика, научная литература, статьи в средствах массовой информации и прессе. Проведены встречи с государственными служащими на разных уровнях, экспертные интервью и опросы среди туристов, мигрантов и местных жителей. Также был собран эмпирический материал об особенностях различных форм и видов миграции в кавказском приграничье России.

Государственная граница как зона миграционных контактов

Кавказский или южный участок российской государственной границы проходит по горным труднодоступным районам Кавказского хребта, между Черным и Каспийским морями. Кроме того, Республика Дагестан на протяжении 370 км граничит с Азербайджаном. Российская граница с Грузией составляет всего 250 км, но к ней имеют выход несколько российских регионов – Краснодарский край, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Дагестан (рис. 1).

Рис. 1. Кавказский (южный) участок государственной границы Российской Федерации

Fig. 1. The Caucasian (southern) section of the state border of the Russian Federation

Экспедиция в приграничные регионы установила следующие формы международной приграничной миграции между приграничными регионами Российской Федерации и стран Южного Кавказа:

- туризм и рекреационная миграция – периодические перемещения жителей приграничных регионов через границу с целью туризма и отдыха, в том числе однодневные поездки, главным образом миграция направлена на черноморское побережье Республики Абхазия;
- коммерческая миграция – регулярные перемещения бизнесменов и коммерсантов с целью торговли различными видами товаров, прежде всего, сельскохозяйственной продукцией, продуктами питания, товарами широкого потребления;
- родственная миграция – периодические перемещения жителей приграничных регионов через границу с целью посещения родственников, проживающих на сопредельной территории другого государства. Данные миграции распространены между приграничными российскими регионами и Азербайджаном, Грузией, в том числе с Южной Осетией и Абхазией, где разделены ареалы проживания некоторых этносов (азербайджанцев, осетин, дагестанских народов).

Между Россией Федерацией и Республикой Грузия фактически функционирует только один пограничный переход «Казбеги – Верхний Ларс» на автомобильной трассе Владикавказ – Тбилиси (открылся в марте 2020 года). Ближайший российский город Владикавказ находится в 35 км. КПП открыт ежедневно с шести до двадцати двух часов. Пересечение границы возможно только на автомобиле или в автобусе. В среднем в день КПП пропускает около 50 автомобилей (рис. 2).

Рис. 2. Пограничный пункт на границе Российской Федерации и Республики Грузия «Казбеги – Верхний Ларс»

Fig. 2. The border checkpoint on the border of the Russian Federation and the Republic of Georgia “Kazbegi – Upper Lars”

Граница между Российской Федерацией и Абхазией, а также Южной Осетией практически прозрачна, и российские граждане пересекают ее без особого контроля. Здесь активны приграничные миграции между Краснодарским краем и Абхазией.

ей. Это обстоятельство способствует активному развитию коммерческих и туристических миграций в приграничье [1].

Власти Грузии категорически не рекомендуют въезжать через территорию Абхазии и Южной Осетии в Республику Грузия. Отсутствие грузинского штампа в паспорте на практике приводит к штрафу в 1150 долларов. Также существуют контрольно-пропускные пункты в Грузию «Гантиади – Адлер» (из Абхазии) и «Рок – Нижний Замаг» (из Цхинвали). Но въезд в Грузию иностранных граждан через эти КПП карается штрафом в первый раз и лишением свободы от трех до пяти лет [2].

Граница между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой установлена договором, подписанным 3 октября 2010 года и вступившим в силу 18 июля 2011 года. Россия и Азербайджан утвердили план работы комиссии по демаркации госграницы на 2022 год¹. На границе действуют три контрольно-пропускных пункта: «Яраг – Казмаляр» (пос. Самур, Гурский район), «Тагиркент – Казмаляр» (пос. Ханоба, Хачмазский район) и «Ново – Филя» (с. Ширвановна, Гурский район) (рис. 3). С российской стороны единственный субъект федерации – это Республика Дагестан. Граница разделяет ареалы проживания некоторых этнических групп Дагестана. Например, в прошлом граница включала два российских эксклава Храр-Уба и Урьян-Уба, населенных этническими лезгинами. Это делает границу уникальным рубежом контакта этнических приграничных миграций. Между приграничными районами Дагестана и Азербайджана традиционно развивались миграции с экономическими и родственными целями.

Рис. 3. Пограничный пункт «Яраг – Казмаляр» на границе Российской Федерации и Азербайджанской Республики
Fig. 3. “Yarag – Kazmalyar” border checkpoint on the border of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan

¹ Россия и Азербайджан утвердили план работ по демаркации границы на 2022 год // РИА Новости. 02.11.2021. URL: <https://ria.ru/20211102/azerbaydzhan-1757430604.html> (дата обращения: 20.07.2022).

Демографическая ситуация в приграничных регионах

Наиболее населенными приграничными регионами Российской Федерации на кавказском (южном) участке являются Краснодарский край (5,7 млн), Республика Дагестан (3,1 млн), Ставропольский край (2,8 млн), Чеченская Республика (1,5 млн человек). Городское население преобладает в Краснодарском крае (крупнейшие агломерации Краснодар и Адлер-Сочи), Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании, Ставропольском крае). Остальные регионы имеют преобладание сельского населения (табл. 1).

Таблица 1.

Численность населения приграничных регионов Российской Федерации на кавказском (южном) участке государственной границы в 2022 году, человек

Table 1.

The population of the border regions of the Russian Federation in the Caucasian (southern) section of the state border in 2022, people

	На 1 января 2022 года			В среднем за 2021 год		
	Все население	в том числе:		Все население	в том числе:	
		городское	сельское		городское	сельское
Республика Адыгея	468 340	220 298	248 042	465 754	219 072	246 682
Краснодарский край	5 687 378	3 179 846	2 507 532	5 685 662	3 169 600	2 516 062
Республика Дагестан	3 153 857	1 429 641	1 724 216	3 143 580	1 424 782	1 718 798
Республика Ингушетия	507 061	292 243	231 815	519 811	289 732	230 079
Кабардино-Балкарская Республика	870 487	452 658	417 829	869 839	452 366	417 473
Карачаево-Черкесская Республика	464 219	199 174	265 045	464 788	199 410	265 378
Республика Северная Осетия-Алания	688 124	441 965	246 159	690 611	443 785	246 826
Чеченская Республика	1 516 387	576 677	939 710	1 507 189	573 203	933 986
Ставропольский край	2 780 204	1 649 683	1 130 521	2 786 500	1 651 195	1 135 305

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата²

Население практически во всех регионах приграничной зоны Северного Кавказа увеличивается за счет высокой рождаемости в этнических республиках (Дагестан, Ингушетия, Чеченская Республика, Кабардино-Балкария), а также за счет притока мигрантов в Краснодарском крае (миграционный приток в 1,5 раза превышает естественную убыль населения). Сокращение численности населения отмечается только в Карачаево-Черкесской Республике (за счет миграции), Ставропольском крае и Северной Осетии-Алании (за счет миграции и превышения рождаемости над смертностью) (табл. 2).

² Росстат. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.07.2022).

Таблица 2.

Изменение численности постоянного населения приграничных регионов Российской Федерации на кавказском (южном) участке государственной границы в 2021 году за счет различных компонент, человек

Table 2.

Change in the permanent population of the border regions of the Russian Federation in the Caucasian (southern) section of the state border in 2021 due to various components, people

	Численность населения на 1 января 2021 г.	Изменения за 2021 г. (+,-)			Численность населения на 1 января 2022 г.	Замещение естественной убыли миграционным приростом
		Общий прирост	в том числе:			
			естественный прирост	Миграционный Прирост		
Республика Адыгея	463 167	5 173	-2 724	7 897	468 340	289,9
Краснодарский край	5 683 947	3 431	-37 212	40 643	5 687 378	109,2
Республика Дагестан	313 3303	20 554	24 053	-3 499	3 153 857	-
Республика Ингушетия	515 564	8 494	6 321	2 173	507 061	-
Кабардино-Балкарская Республика	869 191	1 296	1 046	250	870 487	-
Карачаево-Черкесская Республика	465 357	-1 138	-1 178	40	464 219	3,4
Республика Северная Осетия-Алания	693 098	-4 974	-1 764	-3 210	688 124	-
Чеченская Республика	1 497 992	18 395	20 569	-2 174	1 516 387	-
Ставропольский край	2 792 796	-12 592	-15 564	2 972	2 780 204	19,1

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата³

Миграционная ситуация в приграничных регионах

Следует отметить проблему миграционного оттока населения, прежде всего, этнических русских, из приграничных национальных республик Северного Кавказа. Максимальный миграционный отток в 2021 году происходил из Дагестана (-3,5 тыс. человек), Северной Осетии-Алании (-3,2 тыс.), Чеченской Республики (-2,1 тыс.) и Ставропольского края (-3 тыс. человек). Большинство указанных приграничных регионов имеют миграционную убыль в обмене с другими регионами Российской Федерации, а также с зарубежными странами (табл. 3).

³ Росстат. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.07.2022).

Таблица 3.

Миграционный обмен приграничных регионов Российской Федерации на кавказском (южном) участке государственной границы в 2021 году, человек

Table 3.

Migration exchange of the border regions of the Russian Federation on the Caucasian (southern) section of the state border in 2021, people

	Миграцион- ный прирост всего	из него за счет передвижений				Внешняя (для региона) миграция
		в пределах России	международ- ных	в том числе		
				со странами СНГ	с другими зарубеж- ными странами	
Республика Адыгея	7 897	4 394	3 503	2 894	609	7 897
Краснодарский край	40 643	23 021	17 622	16 378	1 244	40 643
Республика Даге- стан	-3 499	-5 832	2 333	2 212	121	-3 499
Республика Ингу- шетия	2 173	1 693	480	454	26	2 173
Кабардино-Бал- карская Респу- блика	250	-1 424	1 674	620	1 054	250
Карачаево-Черкес- ская Республика	40	-574	614	591	23	40
Республика Север- ная Осетия-Алания	-3 210	-3 523	313	188	125	-3 210
Чеченская Респу- блика	-2 174	-2 979	805	754	51	-2 174
Ставропольский край	2 972	-316	3 288	3 442	-154	2 972

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата⁴

Центрами притяжения мигрантов остаются Краснодарский край, Республики Адыгея и Ингушетия. Ставропольский край, который долгое время был привлекательной для мигрантов территорией, в 2020 году имел миграционную убыль населения за счет международной миграции как со странами СНГ, так и странами дальнего зарубежья [3]. Пока Ставрополье привлекательно для мигрантов из других регионов России, прежде всего, северокавказских этнических республик. Главным миграционным донором Ставропольского края является Республика Дагестан. То есть в кавказском приграничье происходит миграционный приток населения в пользу территорий с преобладанием русского населения из этнических национальных республик Северного Кавказа [4].

Пандемия COVID-19 привела к введению режима карантина и пограничных ограничений. Республика Грузия одной из первых на постсоветском пространстве ввела в феврале 2020 года режим чрезвычайного положение в отдельных регионах и

⁴ Росстат. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.07.2022).

городах страны⁵. Азербайджан во время пандемии также ввел карантин, что остановило туризм и приграничные миграции⁶.

Эксперты свидетельствовали, что в декабре 2020 года около 300 россиян ожидали в Азербайджане отправки на родину, а около 400 граждан Азербайджана находились в Дагестане. Для граждан Азербайджана, которые не смогли попасть на родину из-за закрытых в связи с пандемией COVID-19 границ, рядом с дагестанским селом Куллар был открыт пункт временного размещения. Обитателей лагеря и вновь приезжающих азербайджанцев отправляли домой группами каждую неделю по вторникам. Всего в Дагестане было зарегистрировано 1 200 граждан Азербайджана, желающих вернуться на родину. Многие граждане России улетали из Азербайджана в Стамбул, а потом самолетом – в Грозный⁷.

22 октября 2020 года 502 россиянина смогли покинуть территорию Азербайджана через международный таможенный пункт пропуска «Яраг – Казмаляр» в Магарамкентском районе Дагестана. С 15 мая по 9 октября 2020 года из Азербайджана вернулись свыше 4,4 тыс. россиян. За этот же период на родину через «спецкоридор» в Дагестане вернулись на родину более 6,5 тыс. граждан Азербайджана⁸.

В августе 2021 года были сняты ограничения на пересечение границы из-за пандемии COVID-19. Эксперты таможенной службы отметили, что с момента открытия границ для российских туристов каждые сутки в Абхазию из России въезжает в среднем 30 тыс. человек. С 1 по 7 августа 2021 года таможенный контроль осуществлен в отношении 160 тыс. физических лиц и 32 тыс. единиц транспорта, проследовавших через границу в обоих направлениях. Среди транспортных средств – порядка 30 тыс. легковых автомобилей, 1,2 тыс. – автобусов. Эксперты абхазских принимающих компаний, работающих с российскими туроператорами, свидетельствуют, что туристы буквально атаковали границу с первого дня. Однако цифры, представленные таможней, отличаются от реального турпотока. У погранслужбы нет задачи выяснять, кто из въезжающих направляется в республику именно с туристической целью, поэтому в заявленных 160 тыс., естественно, много местных жителей, рабочих и т. д.⁹

Министр туризма Абхазии Т. Хишба сообщил, что в 2021 году туристический сезон побил рекорд посещаемости за последние тридцать лет. С 1 августа 2020 года, т. е. с момента открытия российско-абхазской границы, ранее закрытой по причине пандемии COVID-19, до начала ноября 2020 года республику посетили более 600 тыс. туристов. Тогда как за весь 2019 год их насчитывалось около 1,1 млн. Заполняемость гостиниц в Гаграх, Пицунде и Новом Афонде была стопроцентной¹⁰.

Глава Абхазии А. Бжания еще в 2021 году заявил: «Власти сделают все возможное, чтобы в 2022 году отдыхать в республику приехало больше туристов, чем в текущем. По его мнению, отпуск в Абхазии обойдется дешевле, чем на других курор-

⁵ Условия карантина в Грузии // Кавказский узел. 02.09.2021. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/348370/> (дата обращения: 16.07.2022).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ В Абхазии оценили турпоток из России после открытия границы // TOURDOM. 08.08.2020. URL: <https://www.tourdom.ru/news/v-abkhazii-otsenili-turpotok-iz-rossii-posle-otkrytiya-granitsy.html> (дата обращения: 18.06.2022).

¹⁰ Туристический сезон в Абхазии побил по числу гостей рекорд за 30 лет // РИА Новости. 13.07.2021. URL: <https://ria.ru/20210713/abkhaziya-1741026666.html> (дата обращения: 20.06.2022).

тах, а ее жители гостеприимны и свободно говорят по-русски. Также в 2024 году планируют возобновить воздушное сообщение между Абхазией и Россией, что может увеличить поток отдыхающих»¹¹.

Министр иностранных дел Абхазии И. Ардзинба в начале лета 2022 года сделал заявление о том, что вопрос упрощения режима пересечения границы приобретает особый смысл, в первую очередь для российских граждан, которые вряд ли будут гореть желанием часами стоять в очередях в 40-градусную жару¹².

Летом 2022 года экспедиционная группа ИДИ ФНИСЦ РАН зафиксировала существенные различия в скорости пересечения границы в двух направлениях: из Абхазии в Россию этот процесс происходил гораздо быстрее. Но чтобы пересечь границу из России в Абхазию, людям нужно было ждать по два-три часа в моменты пиковой нагрузки (рис. 4–6).

Эксперты из Абхазского государственного университета отмечали проблемы, связанные с пересечением людьми границы в районе КПП «Псоу», называя их решение наиболее действенным методом улучшения отношений на правительственном и человеческом уровнях, утверждая, что Министерство иностранных дел Республики Абхазии сотрудничает с МИД России для решения этих проблем. Однако их решение на границе не имеет системного и планомерного характера.

Рис. 4. «Автомобильная пробка» на российской территории КПП «Псоу» Республики Абхазия для прохождения таможенного контроля

Fig. 4. “Traffic jam” on the Russian territory of the “Psou” checkpoint of the Republic of Abkhazia for customs control

¹¹ В 2021 году в Абхазии побывало рекордное количество туристов за последние 30 лет // Вести Кубань. URL: <https://www.kubantv.ru/obshhestvo/v-2021-godu-v-abhazii-pobyvalo-rekordnoe-kolichestvo-turistov-za-poslednie-30-let/> (дата обращения: 20.06.2022).

¹² В Абхазии надеются на упрощение перехода границы с Россией // ТАСС. 25.05.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14722971> (дата обращения: 20.08.2022).

Рис. 5. Туристы в очереди для прохождения паспортного контроля из России в Абхазию

Fig. 5. Tourists in the queue for passport control from Russia to Abkhazia

Рис. 6. Группы туристов и посетителей, пересекающих границу между Российской Федерацией и Республикой Абхазия

Fig. 6. Groups of tourists and visitors crossing the border between the Russian Federation and the Republic of Abkhazia

Действительно, на официальном уровне предпринимаются попытки облегчить режим пересечения границ. Например, в августе 2022 года для упрощения

условий пересечения российско-абхазской границы по инициативе председателя Госдумы В. Володина и главы Комитета Госдумы по делам СНГ Л. Калашникова была создана межпарламентская рабочая группа с участием министерств и ведомств¹³. В рамках инициативы были приняты важные решения. Пограничная служба прикомандировала дополнительное количество сотрудников к пограничному переходу «Псоу» между Россией и Абхазией, и количество точек досмотра было увеличено. Однако на местном уровне по-прежнему остаются значительные потери времени для обычных людей, пересекающих границу.

Безусловно, режим пересечения границы со стороны России в Абхазию нуждается в ускорении, что будет способствовать развитию торгово-экономических и культурно-гуманитарных отношений между странами и приграничными регионами.

Миграционные режимы между Российской Федерацией и пограничными странами Южного Кавказа

Страны Южного Кавказа стали самостоятельными государствами после распада Советского Союза. Распад СССР также запустил в странах Южного Кавказа процессы трансформации внутригосударственной и международной миграции, которая приобрела новые формы и географические направления.

Современные миграционные процессы в регионе детерминируются целым рядом социально-экономических и политических факторов: экономическим кризисом, демографической ситуацией, этническими конфликтами, развитием диаспор и пр. Основной поток мигрантов направляется в Россию, хотя в последнее время появляются новые популярные направления – Турция, страны Ближнего Востока, Европейский союз, США и Канада. Немаловажную роль в определении вектора миграции играют паспортно-визовые режимы.

Так, например, Азербайджан имеет с Россией безвизовый режим. Но для работы в России гражданам Азербайджана требуется патент, который выдается сроком до года с ежемесячным продлением. А россиянам в Азербайджане, чтобы начать трудовую деятельность, необходимо оформить разрешение на работу, срок действия такого документа составляет один год¹⁴.

С 2015 года Российская Федерация установила визовый режим с Грузией. Грузинским гражданам необходимо получить разрешение на работу в России. Для въезда граждан РФ в Грузию визы не требуются. Разрешенный срок пребывания в стране – до одного года, по истечении которого российский гражданин обязан ее покинуть либо получить в Агентстве гражданского реестра Грузии временный или постоянный вид на жительство¹⁵. А чтобы трудоустроиться, россиянам необходимо получить рабочую визу.

¹³ Тайсаев К.: Проблему очередей на российско-абхазской границе будем решать комплексно // Парламентская газета. 31.08.2022. URL: <https://www.pnp.ru/politics/kazbek-taysaev-problemu-ocheredey-na-rossiysko-abkhazskoy-granice-budem-reshat-kompleksno.html> (дата обращения: 31.08.2022).

¹⁴ Государственная миграционная служба Азербайджанской Республики. URL: <https://migration.gov.az/ru> (дата обращения: 15.08.2022).

¹⁵ Консульский информационный портал МИД РФ. URL: <https://www.kdmid.ru/docs/georgia/information-about-the-country/> (дата обращения: 15.08.2022).

Для мигрантов из Абхазии с грузинскими паспортами для работы в России нужно получать патенты. Однако, учитывая то, что многие жители Абхазии также имеют параллельно и российские паспорта, то они совершенно свободно могут работать в России на общих основаниях без каких-либо ограничений. Что касается граждан РФ, прибывающих в Абхазию на срок не более 90 дней, то им достаточно иметь внутренний паспорт. При прибытии на срок более 90 дней нужно иметь при себе заграничный паспорт. Необходимо последующее оформление визы в Консульском отделе Министерства иностранных дел Абхазии, в том числе рабочей визы¹⁶.

Между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией осуществляется безвизовый режим въезда и пребывания граждан обоих государств¹⁷. Граждане Южной Осетии, пребывающие в Россию по внутренним грузинским паспортам, могут находиться на территории РФ без ограничений¹⁸. Для въезда в Россию виза не требуется, но для работы необходимо получение патента, то же самое относится и к россиянам, которые хотят работать, – им нужно получить разрешение на работу в Южной Осетии.

В Российской Федерации иностранные граждане обязаны встать на миграционный учет по месту пребывания в течение семи рабочих дней со дня прибытия (табл. 4).

Таблица 4.

Правила пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации

Table 4.

Rules of stay of foreign citizens on the territory of the Russian Federation

Страна, регион	Пересечение границы	Регистрация по месту пребывания	Максимальный срок пребывания	Документ на работу
Азербайджанская Республика	Паспорт	7 дней	90 дней	Патент
Республика Грузия	Паспорт, виза	7 дней	90 дней	Разрешение на работу
Республика Абхазия	Паспорт	7 дней	90 дней	Патент
Республика Южная Осетия	Паспорт	7 дней	Бессрочно	Патент

Источник: составлено авторами на основе данных МВД РФ¹⁹

По данным Главного управления миграции МВД РФ за январь-июнь 2022 года, по количеству фактов постановки на миграционный учет в России преобладают граждане Азербайджана – 233 764 человек, из них 144 417 – с целью работы, 4 906 – учебы; граждане Грузии – 12 323 человек, в том числе 1 160 – с целью работы, 359 – уче-

¹⁶ МИД Республики Абхазии. URL: <http://mfaapsny.org/ru/consular-service/questions/> (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁷ МИД Республики Южная Осетия. URL: <https://mfa.rsogov.org/ru/node/1398> (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁸ МВД Российской Федерации. URL: <https://12.мвд.рф/управление-по-вопросам-миграции/граждане-южной-осетии-вправе-пребывать-в> (дата обращения: 10.08.2022).

¹⁹ МВД Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/emvd/guvvm/осуществление-миграционного-учета> (дата обращения 10.08.2022).

бы; граждане Абхазии – 4 090 человек, в том числе 211 работают, 344 учатся; граждане Южной Осетии – 595 человек, в том числе 124 учатся, 17 въехали с целью работы²⁰.

Роль денежных переводов трудовых мигрантов в развитии экономики стран Южного Кавказа весьма велика. По данным Всемирного банка, переводы в развивающиеся страны на протяжении последних 30 лет устойчиво росли и в 2018 году составили 529 млрд долларов США²¹. Согласно данным ЦБ РФ за 2021 год, трансграничные переводы из России в Азербайджан составили 345 млн долларов США, в Грузию – 254 млн долларов США, Абхазию – 65 млн долларов США, а в Южную Осетию – 100 тыс. долларов США²². Трансферты трудовых мигрантов помогают поддерживать уровень потребления домохозяйств, обеспечивают доходы многих семей в странах Южного Кавказа. Итак, во многом очевидна зависимость стран региона от российского рынка труда и российской экономики.

Заключение

Научная экспедиция сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН в приграничные регионы выявила следующие формы международной приграничной миграции между приграничными регионами Российской Федерации и стран Южного Кавказа: туризм и рекреационная миграция; коммерческая миграция; родственная миграция.

Население практически во всех регионах приграничной зоны Северного Кавказа увеличивается за счет высокой рождаемости в этнических республиках (Дагестан, Ингушетия, Чеченская Республика, Кабардино-Балкария), а также за счет притока мигрантов в Краснодарском крае (миграционный приток в полтора раза превышает естественную убыль населения). Сокращение численности населения отмечается только в Карачаево-Черкесской Республике (за счет миграции), Ставропольском крае и Северной Осетии-Алании (за счет миграции и превышения рождаемости над смертностью).

Регионы России в кавказском приграничье дифференцированы по результативности миграционных процессов. Краснодарский край, Республики Адыгея и Ингушетия привлекают мигрантов, имеют положительный миграционный прирост. Ставропольский край, который долгое время был привлекательной для мигрантов территорией, постепенно трансформировался в регион с миграционной убылью населения за счет международной миграции как со странами СНГ, так и странами дальнего зарубежья. В кавказском приграничье происходит миграционный приток населения в пользу территорий с преобладанием русского населения из этнических национальных республик Северного Кавказа.

С приграничными странами Южного Кавказа у Российской Федерации сложились достаточно либеральные паспортно-визовые режимы. Однако на практике, несмотря на безвизовые режимы, пересечение границы для населения сопровождается значительными временными потерями. Безусловно, необходимо упрощение организационно-технических процедур пересечения границы.

²⁰ Статистические сведения по миграционной ситуации. МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/2/> (дата обращения: 19.08.2022).

²¹ Доклад Всемирного банка по вопросам миграции и развития // Пресс-релиз. № 2019/148. URL: <https://www.vseмирnyjbank.org/ru/news/press-release/2019/04/08/record-high-remittances-sent-globally-in-2018> (дата обращения: 18.06.2022).

²² ЦБ РФ. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/tg/ (дата обращения: 21.08.2022).

Список литературы

1. Воробьев Н. Н., Шалаша А. З. Роль туристской отрасли в экономике Республики Абхазия. Фундаментальные исследования. 2018. № 3. С. 29–33.
2. Рязанцев С. В. Миграция в Евразии до и во время пандемия COVID-19: тренды, последствия, миграционная политика. – М.: Экономическое образование, 2021.–302 с. ISBN 978-5-7425-0198-5. DOI: 10.26653/2021/978-5-7425-0198-5.
3. Шубин И. А. Приграничная торговля российских регионов в 2013–2019 гг. Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 2. С. 34–56. DOI: 10.14530/se.2021.2.034-056.
4. Сигарева Е. Демографическая ситуация на Северном Кавказе: состояние и перспективы / Е. Сигарева, С. Сивоплясова, С. Рязанцев // Центральная Азия и Кавказ. 2019. Т. 22. № 2. С. 136–159.

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; РИНЦ Author ID: 77673; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Вазиров Зафар Кабутович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9318-6873; РИНЦ Author ID: 943543; Web of Science Researcher ID: S-7156-2018; Scopus Author ID: 57194508693.

Медведь Виктория Александровна, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; преподаватель кафедры миграционной и демографической политики МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: viktoryamedved@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9099-0524; РИНЦ Author ID: 984059; Scopus Author ID: 57219710502.

Очирова Галина Николаевна, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: galinaochirova93@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2154-9604; РИНЦ Author ID: 978463; Web of Science Researcher ID: AAE-6946-2020; Scopus Author ID: 57211515654.

Рязанцев Никита Сергеевич, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; магистрант Российского университета дружбы народов, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: isprras.info@ya.ru; ORCID ID: 0000-0001-6835-310X; РИНЦ Author ID: 1032293 Web of Science Researcher ID: GPG-3864-2022; Scopus Author ID: 57220204335.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта No 20-011-00526 А «Международная миграция в приграничных регионах России: модели поведения населения и социально-экономические эффекты для развития территорий».

Статья поступила в редакцию 21.07.2022; принята в печать 29.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

SCIENTIFIC EXPEDITION OF THE STAFF OF THE RAS UNITS TO STUDY MIGRATION IN THE CAUCASIAN BORDER REGION OF RUSSIA

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Zafar K. Vazirov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Viktoriya A. Medved

Institute for Demographic Research FCTAS RAS; MGIMO University, Moscow, Russia
 E-mail: viktoriyamedved@gmail.com

Galina N. Ochirova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
 E-mail: galinaochirova93@gmail.com

Nikita S. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
 E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

For citation: Sergey V. Ryazantsev, Zafar K. Vazirov, Viktoriya A. Medved, Galina N. Ochirova, Nikita S. Ryazantsev. Scientific expedition of the staff of the ras units to study migration in the Caucasian border region of Russia. *DEMIS. Demographic research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 165–180. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.13>. EDN: CSGNLW

References

1. Vorobyev N. N., Shalashaa A. Z. The role of the tourism industry in the economy of the Republic of Abkhazia. *Fundamental research*. 2018. No. 3. Pp. 29–33. (In Russ.)
2. Ryazantsev S. V. *Migration in Eurasia before and during the COVID-19 Pandemic: trends, consequences, migration policy: monograph*. M.: Economic Education Publishing House, 2021. 302 p. ISBN 978-5-7425-0198-5. DOI: 10.26653/2021/978-5-7425-0198-5. (In Russ.)
3. Shubin I. A. Cross-Border Trade of Russian Regions in 2013–2019. *Prostranstvennaya Ekonomika* (Spatial Economics). 2021. Vol. 17. No. 2. Pp. 34–56. DOI: 10.14530/se.2021.2.034-056. (In Russ.)
4. Sigareva E. Demographic situation in the Northern Caucasus: current state and future prospects / E. Sigareva, S. Sivoplyasova, S. Ryazantsev. *Central Asia and the Caucasus*. 2019. Vol. 20. No 2. P. 119–140. (In Russ.)

Bio note:

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID Id: 0000-0001-5306-8875; RSCI Author ID: 77673; Scopus Author ID: 22136228700; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014.

Zafar K. Vazirov, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9318-6873; RSCI Author ID: 943543; Web of Science Researcher ID: S-7156-2018; Scopus Author ID: 57194508693.

Viktoriya A. Medved, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Lecturer, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: viktoriyamedved@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9099-0524; RSCI Author ID: 984059; Scopus Author ID: 57219710502.

Galina N. Ochirova, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: galinaochirova93@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2154-9604; RSCI Author ID: 978463; Web of Science Researcher ID: AAE-6946-2020; Scopus Author ID: 57211515654.

Nikita S. Ryazantsev, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS; MA Student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: 0000-0001-6835-310X; RSCI Author ID: 1032293Web of Science Researcher ID: GPG-3864-2022; Scopus Author ID: 57220204335.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project No. 20-011-00526 A «International migration in the border regions of Russia: models of population behavior and socio-economic effects for the development of territories».

*Received on 21.07.2022; accepted for publication on 29.08.2022.
The authors have read and approved the final manuscript.*

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.14

EDN: CSOZBY

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ВО ВЛАДИВОСТОКЕ: «ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ»

Маньшин Р. В.

*МГИМО МИД России; Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия*

E-mail: manshin@list.ru

Письменная Е. Е.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Российский университет дружбы народов, Институт демографических
исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия*

E-mail: nikitaR@list.ru

Для цитирования: Маньшин Р. В., Письменная Е. Е. Научно-практический семинар во Владивостоке: «Подходы к решению проблем демографического развития Дальнего Востока России» // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 181–184. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.14>. EDN: CSOZBY

7 июня 2022 г. в г. Владивосток прошел научно-практический семинар «Практические подходы к решению проблем демографического развития Дальнего Востока России: существуют ли реальные инструменты, способные обеспечить рост населения?», организованный Институтом демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН) и Школой экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета (ШЭМ ДВФУ).

Основной целью проведения семинара являлось обсуждение ключевых вопросов современного социально-демографического развития Дальнего Востока России. Ключевыми вопросами для обсуждения на научно-практическом семинаре стали: потенциал демографического развития субъектов Дальневосточного федерального округа; миграция как фактор динамики численности населения и изменения человеческого потенци-

ала; программы регионального развития в контексте решения задач Национального проекта «Демография»; рынок труда и перспективы привлечения квалифицированных специалистов на Дальний Восток РФ; влияние пандемии COVID-19 на формирование демографических резервов субъектов Дальневосточного федерального округа.

Открыли семинар приветственные слова директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, д.э.н. **Е. Б. Гаффоровой** и директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. **С. В. Рязанцева**.

Вызовам демографической ситуации и ответам демографической политики России был посвящен доклад директора ИДИ ФНИСЦ РАН, чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. **С. В. Рязанцева**, в котором он подробно остановился на ключевых демографических проблемах нашей страны – сокращении населения, смертности и потерях в период пандемии COVID-19, сокращении рождаемости, демографическом старении населения. Также им были обозначены основные направления совершенствования демографической политики в Российской Федерации.

Директор Департамента социально-экономических исследований и регионального развития ШЭМ ДВФУ, к.э.н. **Е. О. Колбина** в своем докладе представила оценку эффективности реализации Национального проекта «Демография» с позиции борьбы со снижением рождаемости населения. Повышению эффективности демографической политики в дальневосточном регионе был посвящен и доклад проф. Департамента управления ШЭМ ДВФУ **Е. Б. Олейник**.

Заведующий отделом правового обеспечения социально-демографических процессов ИДИ ФНИСЦ РАН, первый проректор Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Китай), д.ю.н., проф. **С. М. Шахрай** в своем докладе оценил влияние российско-китайского образовательного и научного сотрудничества на демографическую ситуацию. **М. Н. Храмова**, к.ф.-м.н., заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН, посвятила свой доклад проблемам развития инфраструктуры как фактора формирования резервов демографического развития в регионах российского Дальнего Востока.

Проблемам регулирования миграционных процессов на Дальнем Востоке РФ были посвящены доклады доцента Департамента управления ШЭМ ДВФУ **Н. В. Ивашиной**, в котором дана оценка результативности новых инструментов миграционной политики в Дальневосточном федеральном округе, и **С. Н. Мищук**, к.э.н., в.н.с. отдела миграции и миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН, в докладе которой основной акцент был сделан на анализ системы управления миграционными процессами в субъектах ДФО, на примере Еврейской автономной области.

Совместный доклад научных сотрудников отдела правового обеспечения социально-демографических процессов ИДИ ФНИСЦ РАН к.п.н. **С. М. Поповой** и к.т.н. **А. А. Яника** раскрыл основные подходы к оценке реализуемости стратегий и программ развития российского Дальнего Востока. Оценку эффективности реализации программы дальневосточного гектара представила ст. преп. Департамента экономических исследований ШЭМ ДВФУ **К. И. Феоктистова**.

Отдельные доклады были посвящены международным факторам развития регионов Дальнего Востока России. Так, привлекательность Южной Кореи для российских трудовых мигрантов оценила в своем докладе к.соц.н., доц. Департамента социально-экономических исследований и регионального развития ШЭМ ДВФУ **Т. Н. Журавская**. Заведующий отделом исторической и региональной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН, к.и.н. **С. Б. Макеева** представила доклад о политике Китая по развитию межрегионального и межмуниципального сотрудничества с Дальним Востоком России. Проблемы возможности оптимальной адаптации на Дальнем Востоке потенциальных мигрантов народа Рохинджа были описаны в докладе руководителя Международного Медицинского Центра «Dua Hospital» (Пакистан) **М. В. Бакановой**.

Активное участие в дискуссии по обсуждаемым вопросам приняли: руководитель направления департамента социально-демографических проектов АО Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики **А. А. Тюрчев**; главный консультант отдела трудовой миграции и прогнозирования трудовых ресурсов Министерства профессионального образования и занятости населения Приморского края **В. А. Силин**; заведующий отделом этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН, советник руководителя Федерального агентства по делам национальностей РФ **В. Ю. Леденева**; заведующий отделом миграции и миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН **Р. В. Маньшин**; заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН **А. С. Лукьянец**; младший научный сотрудник отдела миграции и миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН **Г. Н. Очирова**.

Сведения об авторах:

Маньшин Роман Владимирович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов; доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: manshin@list.ru; ORCID ID: 0000-0003-2331-9834; РИНЦ Author ID: 124768; Scopus Author ID: 57192174665.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве РФ; научный сотрудник кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов; главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nikitaR@list.ru; ORCID ID: 0000-0002-0401-2071; РИНЦ Author ID: 124770; Scopus Author ID: 8731444800.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; принята в печать 16.08.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

PROBLEMS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FAR EAST

Roman V. Manshin

MGIMO University, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: manshin@list.ru

Elena E. Pismennaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia, Institute of Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: nikitaR@list.ru

For citation: Roman V. Manshin, Elena E. Pismennaya. Scientific and practical seminar in Vladivostok: "Approaches to solving the problems of demographic development of the Russian Far East". *DEMIS. Demographic research. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 181-184. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.14>. EDN: CSOZBY*

Bio note:

Roman V. Manshin, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Assoc. Prof. of the Department of International Economic Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Assoc. Prof. of the MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: manshin@list.ru; ORCID ID: 0000-0003-2331-9834; RSCI Author ID: 124768; Scopus Author ID: 57192174665.

Elena E. Pismennaya, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation; Research Fellow of the Department of International Economic Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Chief Researcher of the Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nikitaR@list.ru; ORCID ID: 0000-0002-0401-2071; RSCI Author ID: 124770; Scopus Author ID: 8731444800.

Received on 10.06.2022; accepted for publication on 16.08.2022.
The authors have read and approved the final manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Дорогие авторы!

Подробная информация о тематическом профиле журнала, редакционная политика и требования, предъявляемые к присылаемым в редакцию рукописям, размещены на сайте журнала <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>. Рекомендуем ознакомиться с такими разделами, как *Редакционная политика*, *К сведению авторов*. Подать рукопись на рассмотрение можно через форму на сайте: <https://www.manuscript.fnisc.ru/demis/>

Приветствуем указание идентификаторов автора: ORCID, SPIN-код, ResearcherID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID. Оформляя списки литературы, не забудьте указать DOI всех источников из списка литературы, если они им присвоены. В случае если оригинал цитируемого источника в данный момент недоступен, можно проверить наличие DOI на сайте www.crossref.org в разделе SimpleTextQuery. DOI должен быть представлен в виде рабочей гиперссылки в конце библиографического описания, например:

Hinich M., Munger M. *Analytical Politics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 1997. 253 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174725>

Редакция: Н. А. Безвербная, Е. М. Моисеева
Техническая поддержка: Н. С. Рязанцев
Компьютерная верстка: Н. Ю. Бруевич

Edition: N. A. Bezverbnaya, E. M. Moiseeva
Technical support: N. S. Ryazantsev
Computer layout: N. U. Bruevich

Учредитель: Федеральный научно-исследовательских социологический центр Российской академии наук
Адрес учредителя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35к5
<https://www.fnisc.ru/>

Издатель: Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Адрес издателя: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к.1
<https://idrras.ru/>

Редакция: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к.1. Тел.: +7 499 530 28 84
bezvad@mail.ru; evgeniyamoiseeva@mail.ru;
www.demis-journal.ru